

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН
и Правительства РСО-А

А. Д. Туаллагов, А. А. Туаллагов

ЦОЦКО БИЦОЕВИЧ АМБАЛОВ
(историко-биографический очерк)

Владикавказ 2012

ББК 83.3(2Рос. Сев)

Туаллагов А.Д., Туаллагов А.А. Цоцко Бицоевич Амбалов (историко-биографический очерк). ФГБУН Сев.-Осет. ин-т. гум. и соц. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 263 с.

ISBN 978-5-905691-48-5

Рецензент – кандидат исторических наук **А. А. Цуциев**

Книга посвящена вопросам жизни и деятельности Цоцко Бицоевича (Увара Васильевича) Амбалова – выдающегося деятеля культуры и просвещения Осетии, а также 75-й годовщине его трагической гибели.

ISBN 978-5-905691-48-5

ББК 83.3(2Рос. Сев)

© ИПО СОИГСИ, 2012

© Туаллагов А.А., 2012

*Встарь был мрак — и мудрых убивали.
Нынче — свет, а меньше ль палачей?*

Ф. Шиллер. «Руссо».

*Факаның ай, йә хус цангтыл — рәхыстә.
Сәрак пәләзты — сау ләгмәртә — сонт.
Уый Уастырджийау — урс әмә бәрзонд,
Йә хуызы әрдз йә курдиат әвдыста.*

*Йә зәрдә арфәй зәххы хәәрзын хуыста,
Уыд арвы цәәхыл сау сындзәй әмбонд.
Вәййы куырыхон залымән нывонд, —
Уый Дантейау уынгәг хәургәмә ныххызти.*

*Йә разы сау арт урс чингуытәй сыгәд,
Уыдысты кәултыл цры хәрзтә тыгәд,
Сә разы ләг сәргуыбырәй әрләууы.*

*Йә урс боцьотыл сау цәссыг әрләст,
Фәстаг хатт мәрдыл ахаста йә цәст,
Зәггы хәәрзынәй: «Иры фарн фәцауы».*

Джыккайты Шамил. «Цоцко».

Цоцко Бицоевич (Увар Васильевич) Амбалов родился 5 (17) октября 1870 г. в семье достаточно образованного для своего времени прапорщика милиции Василия (Бицо) Амбалова, состоявшего словесным переводчиком при начальнике Дигорского участка.¹ Служба не могла достаточно обеспечить материальное благосостояние семьи, в которой, кроме Цоцко, были еще его ослепший после оспы брат Аппе, сестры Дзыккын (Екатерина) и Чаба. Отец умер, когда Цоцко было 7 лет. После смерти отца мать в 1878 г. обратилась с прошением на имя Начальника Терской области генерала А. П. Свистунова:

«Мой муж, прапорщик милиции, Амбалов 14 декабря 1877 года от болезни умер, оставив меня с четырьмя малолетними детьми, из которых старший сын семнадцати лет слепой, совершенно без всяких средств к жизни. На содержание себя с детьми со дня смерти моего мужа я вынуждена была продать

разновременно оставшееся после него движимое имущество, которое и продано мною все, за исключением совершенно ветхого дома в селении Ардонском, в котором я живу с детьми, и носильного платья.

В настоящее время я содержу себя с детьми подаванием моих односельцев, и мне не известно, долго ли продолжится это благодеяние, а потому, желая дать воспитание малолетнему моему сыну Увару девяти лет, дабы впоследствии иметь кормильца, осмеливаюсь убедительнейши просить Ваше Превосходительство о принятии его, не в очередь, на казенный счет во Владикавказское реальное училище, на каковой предмет прилагаю метрическое свидетельство за номером 52 о его рождении и крещении и копию с послужного списка моего мужа.

К сему прошению вдова прапорщика милиции Василия Амбалова Анна, она же Долатказ, Амбалова, а за неимением грамоте по личной и рукописной ее просьбе расписался канцелярский служитель Василий Остроухов».²

Ответ был отрицательным.

Наконец, Цоцко удалось устроить в Ардонскую церковно-приходскую школу. Окончив два курса данной школы, 7 октября 1887 г. Цоцко подал прошение смотрителю Александровского Духовного училища о. иеромонаху Иоанну:

«Имея ревностное желание продолжить начальное свое образование и впоследствии посвятить себя служению церкви, покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие принять меня во вверенное Вам училище приходящим учеником...».³

Поскольку Цоцко ранее показал себя как прилежный ученик, просьба его была удовлетворена, и он продолжил свое обучение.⁴ Учась в третьем классе данного училища, Цоцко 5 ноября 1891 г. подает следующее прошение об освобождении его от обучения, в котором отмечает:

«Не имея больше возможности продолжать свое дальнейшее образование в училище по домашним обстоятельствам...».⁵

Согласно выписке № 17 от 5 ноября 1891 г., просьба была удовлетворена. 17 июля 1892 г. Ц. Б. Амбалов получает свидетельство за № 118 об окончании двух классов.⁶

Отец Цоцко был хорошо знаком с отцом Коста Левановича Хетагурова. Такие же близкие отношения сложились и у их сыновей. По некоторым воспоминаниям, Коста очень дорожил дружбой с Цоцко и называл того в случае женитьбы своим шафером.⁷ Известно, что Ц. Б. Амбалов сватал за Коста Елену (Леля, Люлю) Хурумову. Ее отец Иорам Хурумов работал учителем в Теберде, где проживала и его семья. На лето Хурумовы обычно возвращались в свой дом в Ардоне. С Еленой Хурумовой Коста обручился летом 1902 г. С данными событиями связано его письмо от 17 июля 1902 г., направленное в Ардон Цоцко Амбалову:

«Дорогой Цоцко!

Какой-то нечистый дух создает какие-то совершенно непонятные препятствия нашему делу. Гнездится эта нечистая сила в грязной душе тебе самому известной хорошо особы. Но нам с тобой надо вырвать из ее когтей несчастную Люлю. Сообщи мне точный адрес Иорама.

Твой Коста».⁸

По некоторым личным воспоминаниям, Цоцко рассказывал, что его брат, «... услышав стихи поэта «Додой», тут же в его присутствии переложил их на музыку. Народная мелодия «Додой» до профессиональной обработки ее грузинским композитором Виктором Долидзе появилась в Ардоне — в доме Амбаловых». Действительно, песня «Додой» стала настолько популярной в народе, что позднее даже исследователь А. Кристенсен, тесно работавший за границей с осетинами, определял ее как «народную песню» («chanson populaire»).⁹

А. Гудуев вспоминал:

«В свое время известный собиратель и знаток произведений осетинского народного творчества Цоцко Амбалов мне рассказал о том, как Коста Хетагуров, приехав в Ардон, остановился в его доме. И вот однажды к Цоцко пришел близкий род-

ственник — слепой музыкант. Он пел и аккомпанировал себе на гитаре. Коста со слезами на глазах слушал слепого певца. А когда он пропел волнующую мелодию на слова Коста «Додой», поэт вскочил, обнял слепого и с дрожью в голосе сказал: «Все, что меня волновало, я выразил в словах, а вы — в прекрасных звуках...».¹⁰

Композитор Е. А. Колесников вспоминал: «Впервые я познакомился с осетинской народной музыкой еще в 1907-1911 гг. в стенах Ардонской духовной семинарии, где мы, живя в центре Северной Осетии, слышали народные песни и отчасти сами пели некоторые из них (на тексты К. Л. Хетагурова) как, например, «Додой», «Сидзæргæс», «Ныфс», «Балцы зарæг», «Салдат», «Фесæф» и др. Мелодии этих песен были явно заимствованы из русских школьных песенных сборников».¹¹

Однако в отношении переложения на музыку стихотворения «Додой», видимо, более верны первые свидетельства. Так, в протоколе № 12 общего собрания Осетинского Историко-Филологического Общества (ОИФО), состоявшегося 1

апреля 1921 г. и посвященного памяти Коста Хетагурова по случаю 15-летия со дня его смерти, отмечено:

«Воспоминания Арсена Коцюева.

Я буду краток, говорил А. Коцюев. Это было в 1898 году, когда происходил съезд учителей Терской области. Занятия учителей происходили в будничной обстановке. Но вот кто-то принес весть, что Коста здесь, во Владикавказе. Это известие пробежало, как электрический ток, по всем участникам съезда. Решено было чествовать Коста, но тайно. Для этого устроили пикник, за городом. На пикнике Коста произнес речь, в которой призывал всех к единению, к работе на благо родного народа. На этом пикнике, я помню, Цоцко Амбалов спел запрещенное стихотворение Коста: «Додой».

Впоследствии данные воспоминания были воспроизведены и в публикации.¹²

Примечательно, что именно строки из песни-стихотворения «Додой» приведет позднее в своем письме к Ц. Б. Амбалову его друг А. Г. Тлатов (*смотри далее*). Таким образом, мы знаем, что впервые «Додой» в музыкальном исполнении появилось именно в доме Амбаловых, а сам Цоцко Амбалов в июне 1898 г. был участником тайной встречи осетинских учителей, участников съезда учителей Терской области, с Коста Хетагуровым. Хотя местные власти и узнали о данной встрече, но их расследование, по некоторым воспоминаниям, не имело никаких карательных последствий для ее участников. Впрочем, известный инцидент с задержанием 21 июня 1898 г. Цоцко Амбалова в городском театре (*смотри далее*), возможно, было в действительности как-то связан с данным расследованием.

Дружба Ц. Б. Амбалова и К. Л. Хетагурова продолжалась долгие годы. По некоторым сведениям, Цоцко вместе с Коста организовали сборы в помощь вдове, муж которой скончался в ссылке.¹³ В письме Г. В. Баеву от 6 июля 1899 г. из г. Очаков Коста, находившийся в ссылке, писал:

«Цоцко своей припиской в твоём письме растрогал меня до того, что я не мог удержать слезы... Спасибо ему! Лучшего

успокоения я бы не мог желать даже перед виселицей! Тунг мун ај бафарс!».

В написанном на следующий день письме Ю. А. Цаликовой великий поэт вновь повторил:

«Один только Цоцко своей небольшой припиской в письме Гаппо тронул меня до слез... Какой он действительно славный!...».¹⁴

В рукописном архиве М. (Г.) Н. Гуриева (1878-1934 гг.) сохранились небольшие воспоминания об издании произведений К. Л. Хетагурова, на которые хотелось бы обратить внимание исследователей. Согласно данной записи, Гагуызд (Михаил) Гуриев скончался в 1934 г. В это время Агубе Тлатов, старинный и хороший друг Ц. Б. Амбалова, находился в ссылке. Когда он вернулся, то вместе с Цоцко Амбаловым посетил дом Гуриевых, чтобы выразить соболезнование. Тогда, в ходе состоявшегося короткого разговора, Цоцко и поведал эту историю.

Следует отметить, что А. Г. Тлатов, действительно, согласно сохранившимся данным, с 10 июня 1930 г. содержался под стражей в Ростове. Из мест заключения он освобожден 23 марта 1937 г. После непродолжительной остановки в Северной Осетии он выехал в Южную Осетию, где проживал в г. Сталинир (Цхинвал) и работал заведующим больницей. Вновь был арестован 25 сентября 1937 г. Таким образом, разговор с Ц. Б. Амбаловым мог состояться, примерно, в апреле 1937 г.

Согласно рукописи, однажды Ц. Б. Амбалов встретился в центре Владикавказа с Гаппо Баевым. Гаппо предложил ему пойти в дом Е. Г. Шредерс, где тогда находился Коста Хетагуров, и договориться с ним об издании его рукописей. Коста дал свое согласие, и Цоцко Амбалов в течение месяца выполнял данную работу, после чего рукопись, составленная им, была отправлена в Тифлис Пора (Христофор) Джигоеву, как официальному цензору издания. В условиях того времени рукопись подверглась соответствующему редактированию, к которой Гаппо Баев не имел никакого отношения.¹⁵

Речь идет о сборнике стихотворений К. Л. Хетагурова «Ирон фандыр», который сам поэт считал своим даром осе-

тинскому народу. Основная часть стихотворений, составивших этот сборник, судя по одному из писем Коста от 20 августа,¹⁶ была им самим подготовлена в 1897 г. (авторская рукопись сборника датируется 3 сентября 1898 г.). 25 октября 1898 г. Х. З. Джигоев направил рапорт попечителю Кавказского учебного округа о рукописи «Ирон фæндыр». После цензурской проверки разрешение на издание было дано 14 ноября 1898 г. Само печатное издание вышло в свет 26 декабря 1899 г.

Возможно, косвенным подтверждением факта составления именно Цоцко Амбаловым рукописи «Ирон фæндыр», предоставленной Х. З. Джигоеву (до сих пор не найдена), служат некоторые письма. Так, в письме Раисы Гайтовой от 9 октября 1896 г. к К. Л. Хетагурову мы читаем:

«Вас знают в каждом осетинском доме. Что Ваша осетинская азбука и брошюра? Я жду, жду и жду осетинские стихи. Надя, сестра моя, говорила мне, что у Амбаловой масса стихов Ваших на осетинском языке. Интересно, откуда она достала».¹⁷

Не исключено, что «масса стихов» на осетинском языке К. Л. Хетагурова появилась в доме Амбаловых именно в результате работы Цоцко над рукописями поэта. Видимо, следует обратить внимание и на то, что приписка Цоцко к письму Г. В. Бавева, так тронувшая К. Л. Хетагурова, содержится именно в том письме, в котором речь идет об издании «Ирон фæндыр» и к которому прилагается письмо цензора Х. З. Джигоева.

В свете приведенных свидетельств вполне закономерным представляется тот факт, что, когда в 1909 г. Б. (И.) Дзасохов издал книгу «Коста Хетагуров», деньги с продажи которой планировалось потратить на установку памятника великому поэту, то на вкладышах с информацией о возможности ее приобретения указывалось: «Книгу можно приобрести: ... в Ардоне — у Цоцко Амбалова...».¹⁸

В своем письме, написанном в апреле 1906 г. Б. (И.) Дзасохову, сводная сестра К. Л. Хетагурова О. Л. Кайтмазова вспоминала:

«На третий день после похорон, вечером зашли ко мне в гостин., где я остановилась, наши осетины: Газданов, Дзалаев, Ба-

сиев, Цоцко, Бутаев, Бритаев, Дзанаев и много других, которых я не знаю. Произвели на меня очень хорошее впечатление. Это и понятно — они, не говоря о том, что очень много сделали для Коста, отнеслись ко мне очень внимательно и участливо. Дзалаев показался мне большим добряком, да и все. Напр., Цоцко, Дзыбын, вообще все».¹⁹

Согласно сохранившимся архивным данным,²⁰ Ц. Б. Амбалов 21 июня 1898 г. был до утра задержан на концерте в городском театре г. Владикавказ под предлогом того, что, будучи нетрезвым, чрезмерно выражал свое восхищение театральным действием, а, будучи туземцем, не имел при себе документов, во время задержания вступил в перепалку с полицейским. По прошению Ц. Б. Амбалова в Терское Областное Правление на действия полицейских была проведена проверка, длившаяся с 3 августа 1898 г. по 25 апреля 1899 г. Несмотря на показания свидетелей и лиц, хорошо знавших Цоцко, о том, что он вообще не употреблял спиртного по состоянию здоровья, всегда был корректным, его поведение на концерте ничем не выделялось на фоне поведения остальных зрителей и не выходило за рамки приличия, его поведение по отношению к задерживающим полицейским было также вполне корректным, жалоба была оставлена без последствий. Основанием к тому послужило игнорирование полученных свидетельств при наличии обвинительных показаний полицейских.

Согласно опубликованному «Личному составу Кавказского учебного округа к 1 января 1902 г.», Амбалов Увар Васильевич с 1901 г. работал помощником учителя в начальной приходской школе с. Тулатово (совр. г. Беслан) с окладом 240 рублей.²¹

Цоцко уделял большое внимание собиранию и записям памятников народного творчества осетин. Он начинает заниматься переводами русских литературных произведений на осетинский язык. Сотрудничает с одним из основоположников научного осетиноведения В. Ф. Миллером. Непосредственно с В. Ф. Миллером Цоцко связала работа над созданием словаря

осетинского языка. Этот выбор был продиктован и пожеланиями самой передовой осетинской интеллигенции.²² Он возглавит группу по сбору лексического фонда иронского диалекта осетинского языка.

Всеволод Федорович вместе со всей своей семьей и в сопровождении И. Т. Собиева посетил Северную Осетию летом 1901 г., остановившись в Алагире. Официальной целью поездки было поручение Московского Императорского Археологического Общества проверить состояние святилища Реком и принять меры по сохранению хранящихся в нем древностей. Одновременно Всеволод Федорович продолжил работу над осетинскими фольклорными материалами и над осетинским словарем, рукопись которого он привез и передал на проверку Г. В. Баеву и А. З. Кубалову. В письме из Пятигорска от 4 сентября 1901 г. И. Т. Собиева к В. Ф. Миллеру, уже вернувшемуся в Москву, указывалось: «Меня на днях из Ардона запрашивали насчет системы, которой нужно придерживаться для проверки словаря. Очевидно, словарь или часть его находится в Ардоне и находится в очень надежных и опытных руках учителя Амбалова Цоцко. Он, можно смело сказать, чуть ли не лучший знаток иронского наречия. Я ему дал указания относительно проверки и пополнения словаря, придерживаясь той системы, которой придерживались в Москве».²³

Сам В. Ф. Миллер давал такую оценку своему сотрудничеству с молодой осетинской интеллигенцией, которая заслуженно может быть отнесена и к Ц. Б. Амбалову: «... без самих осетин, без ревностного участия осетинской молодежи не только в собрании памятников языка и словесного творчества, но и в деятельной консультации путем писем и личных бесед, он никогда не сумел бы довести своей работы до желательного конца. Эти молодые люди, — утверждал Всеволод Федорович, — достойны того, чтобы родная Осетия поставила им рукотворный памятник, на котором значились все их имена, как имена осетин, создавших и распространивших осетинскую письменность и национальную школу, и науку».²⁴

Вместе с тем, Цоцко проявляет большое внимание к жизни своих соотечественников и односельчан. Его большой и искренний друг Г. М. Цаголов в своей статье «Интеллигенция и деревня», опубликованной в № 1601 газеты «Казбек» за 24 мая 1902 г., отмечал, что многие упрекают интеллигенцию, вышедшую из деревни, в том, что она совершенно забывает о своей малой родине, не интересуется ее нуждами и не желает работать на ее пользу. В связи с таким положением автор приводит в пример «одного из учителей Терской области», который только начал принимать активное участие в общественной жизни своего родного села, но сразу получил от своего начальства указание прекратить подобную деятельность. Недоумевая, он отправил запрос начальству и получил в ответ копию рапорта (доноса) сельского старосты, который жаловался, что этот учитель, вместе со своими товарищами X и Z, мешают его действиям.²⁵

Как отмечали исследователи, данная статья была написана по поводу доноса на Цоцко Амбалова.²⁶ Действительно, в записях самого Цоцко Амбалова причина публикации этой статьи определена так: «Была написана по поводу доноса на Ц. Амбалова Нач. обл.».²⁷ Судя по всему, Г. М. Цаголов, действительно, питал особое чувство уважения к Ц. Б. Амбалову, о чем может свидетельствовать и стихотворный отрывок из «Рассказа диггорца» Сау Алдара (псевдоним Г. М. Цаголова), опубликованный в 1898 г. в № 37 (1282) газеты «Северный Кавказ» и посвященный автором именно Ц. Б. Амбалову.²⁸

В начале 1900-х гг. Ц. Б. Амбалов начнет работать в адвокатской канцелярии во Владикавказе, в первом сельском банке мелкого кредита Терской области в Ольгинском, затем в банке в Карджине и Кадгароне. По воспоминаниям племянницы Цоцко Е. А. Амбаловой, он с 1900 г. был занят общественными делами, например, в Организации потребительской кооперации вместе с Н. Дзерановым, Б. Бугулиевым и Т. Габуевым. Приговором от 18 августа 1902 г. Цоцко Амбалову, как наиболее авторитетному и уважаемому человеку, было поручено совместно с

Ц. Тлатовым и Д. Дзугаевым проверить денежные доходы Ардонского общества за 1901-1902 гг.²⁹

В связи с работой в кооперации не ранее конца 1902 г. он был направлен на курсы по сельскому хозяйству и кооперации в Париж (Международный кооперативный альянс). Здесь он, по воспоминаниям Энвера Туганова, вновь встретится с его отцом, еще одним известным деятелем осетинской культуры, художником Махарбеком Тугановым, захав к нему в Мюнхен, где тот обучался в школе А. Ашбе (умер 6 августа 1905 г.). Их дружба началась еще в юности, когда Цоцко Амбалов, по сложившейся тогда традиции, посещал в роли представителя старшей молодежи учащихся осетин из более младших групп. Когда Махарбек Туганов был на последнем курсе училища, Цоцко специально познакомил его с осетинским поэтом Георгием Цаголовым.³⁰

В Париже Цоцко Амбалов становится и слушателем Высшей школы общественных наук (Русская Высшая школа), организованной русскими эмигрантами в 1901 г. под руководством и на средства Максима Максимовича Ковалевского, близкого друга Всеволода Федоровича Миллера. Здесь, например, читали лекции Г. В. Плеханов, В. И. Ульянов (Ленин), К. А. Тимирязев. В 1904 г. он непосредственно знакомится там с М. М. Ковалевским, который в разговоре с ним сожалел, что не смог продолжить свои исследования в Осетии, и говорил: «Я в долгу перед осетинским народом».³¹ Следует отметить, что М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер внесли огромный вклад в становление научного осетиноведения. За границей Цоцко изучает иностранные языки.

По возвращении на родину Цоцко в августе 1905 г. подает прошение на имя ректора Александровской Духовной Семинарии архимандриту Арсению:

«Честь имею покорнейше просить Ваше Высокопреподобие предоставить мне место преподавателя осетинского языка при семинарии. Относительно своих познаний в осетинском языке могу сослаться на то, что я участвовал в редактирова-

нии почти всех изданий, вышедших за последнее время на этом языке; в настоящее же время сотрудничаю в редактировании научного словаря профессора Вс. Ф. Миллера на осетинском, немецком и русском языках; перевел несколько произведений русских авторов, которые в скором времени появятся в печати. Воспитывался в бывшем Александровском Осетинском Училище, имею свидетельство на двухклассного учителя; слушал лекции в Парижской высшей школе общественных наук».

Согласно журналу № 13 педагогического собрания Правления Семинарии от 21 августа 1905 г., в просьбе было отказано, т. к. «... должности преподавателя осетинского языка в сей Семинарии не положено».³²

В том же году, по некоторым личным воспоминаниям,³³ по решению своих односельчан, он становится старшиной в Ардоне. Цоцко начинает активно заниматься земельным вопросом, что приводит к ущемлению материальных интересов представителей местного православного духовенства. Кроме того, он тесно сотрудничает с учащимися Ардонской Духовной Семинарии, охваченными революционными настроениями. Он выступает на сходе жителей Ардона по проблемам школьного образования и, в частности, по положению дел в Ардонской Духовной Семинарии.

Цоцко был одним из организаторов и участников съезда учителей 10-16 августа 1905 г. 16 августа была принята «Петиция» учителей школ Северной Осетии о преобразовании церковно-приходских школ, поданная епископу Владикавказскому. «Петиция», опубликованная 20 сентября 1905 г. в газете «Казбек», была посвящена вопросам улучшения учебных программ, условий подготовки и работы учителей. Она была негативно воспринята администрацией. «Петиция» была подписана, по определению М. К. Гарданти, «левым крылом учительства», в том числе, и Ц. Б. Амбаловым. О данной «петиции либерального направления», опубликованной и в местной прессе, особо сообщал Начальник Владикавказского округа Терской Области в донесении № 457 от 12 октября

1905 г. заведующему полицией на Кавказе. В том же донесении указывалось, что 9, 10 и 11 августа в с. Ардон на общих собраниях Общества вспомоществования учащим и учившим в церковно-приходских школах Северной Осетии «произносились антиправительственные речи, кричали: «Долой царя», предлагалась забастовка учителей, закрытие школ и духовной миссионерской семинарии. Об этом донесено Начальнику Терской области 14 августа за № 342».³⁴

Администрация Ардонской Духовной Семинарии доносила о том, что «в Осетии ведется энергичная политическая пропаганда, и в ней принимают видное участие учителя осетинских школ». Начальник Терской области генерал-майор А. М. Колюбакин отмечал, что пропаганда велась «благодаря существованию Ардонской Духовной Семинарии, готового очага для всякой революционной деятельности...», «... при посредничестве нескольких десятков учителей, студентов, священников и воспитанников Ардонской Семинарии». Владикавказский полицмейстер 13 сентября 1905 г. сообщал заведующему полицией на Кавказе: «Затем осетины, из среды которых интеллигенция, особенно беспокойная и всеми недовольная, развращает поселян и возбуждает к различным беспорядкам, причем, агитаторами являются студенты и сельские учителя, преимущественно; да других и быть не может, так как осетинского языка никто кроме осетин не знает, и среда осетин очень замкнутая». В сентябре 1905 г. епископ Владикавказский Гедеон в письме Начальнику Терской области А. М. Колюбакину выразил свое беспокойство в отношении политизации деятельности Общества вспомоществования учащим и учившим в церковно-приходских школах Северной Осетии.

22-23 ноября 1905 г. в Ардоне состоялись общие собрания членов этого Общества. В их ходе, кроме требований по реорганизации школьного образования, было решено принять предложение представителей народа дать телеграмму Председателю Совета Министров С. Ю. Витте «... о немедленном созыве Учредительного собрания, о даровании Кавказу широко-

го самоуправления...». На копии постановления от 27 января 1906 г. среди членов президиума собрания значится и фамилия Амбалова.³⁵ По воспоминаниям М. К. Гарданти, среди подписавших телеграмму была и сестра Ц. Б. Амбалова Дзыккын,³⁶ которая вошла в состав правления Общества. М. К. Гарданти называл Ц. Б. Амбалова и Дз. Б. Амбалову среди активных участников революционных событий 1905 г.³⁷ Он также свидетельствовал, что революционная пропаганда не имела успеха в сс. Гизель, Зильги и Ольгинское, в которых было много осетинских военных. В качестве примера он приводил случай изгнания ольгинцами осенью 1905 г. группы агитаторов, в которой, кроме Ц. Б. Амбалова, были сам М. К. Гарданти, Х. А. Уруймагов и священник С. Д. Маркозов.³⁸

10 января 1906 г. А. М. Колюбакин доносил начальнику штаба Кавказского военного округа о том, что среди всех туземцев только осетины подвергнуты пропаганде, «... благодаря существованию Ардонской Духовной Семинарии, готового очага для всякой революционной деятельности, а также благодаря значительному числу осетин, обучающихся в высших и средних учебных заведениях». В конце января 1906 г. А. М. Колюбакин распорядился закрыть Общество, а также отдал приказ «... арестовать за произнесение на собраниях общества резких противоправительственных речей и вообще за политическую пропаганду следующих учителей церковно-приходских школ: Ардонской — Увара Амбалова...».

В результате всех перечисленных событий Цоцко имеет «неприятности» со стороны властей. За ним устанавливается полицейская слежка, его дом обыскивается. В № 40 владикавказской газеты «Правда» за 9 февраля 1906 г. сообщалось:

«2 февраля произведен обыск в доме учителя Амбалова; найдено несколько экземпляров прокламаций разного содержания. Самого Амбалова в Ардоне не оказалось».³⁹

Следует отметить, что в некоторых воспоминаниях ошибочно утверждалось, что именно в результате преследования властей за участие в революционных событиях 1905 г. Ц. Б. Ам-

балов вынужден был уехать за границу, в Париж, где он и учился. На самом деле, Ц. Б. Амбалов выезжал за границу именно для обучения и гораздо ранее, а к моменту нарастания революционного подъема в 1905 г. он, наоборот, вернулся на родину.

Еще с конца XIX в. представители осетинской интеллигенции безуспешно ходатайствовали об издании осетинской газеты. В 1906 г. Цоцко участвует и в организации издания первой национальной газеты «Ирон Газет» на осетинском языке, печатавшейся в частной типографии З. И. Шувалова (в редакцию входило 7 человек). Цомак (Михаил) Гадиев в своих воспоминаниях отмечал:

«В группу вошли Газданов Дзыбын, Коченов Сабан, Амбалов Цоцко... «Старшая» часть редакционной группы выдвигала на первый план культурные моменты... Но «младшая» часть редакционной группы была уже пропитана великими лозунгами момента, лозунгами политической свободы... И по направлению, и по содержанию газета представляла компромисс между этими двумя тенденциями... «Приступаем, — сказал наборщик, поднимаясь с места. Еще несколько минут, — и Цоцко Амбалов уже крутил колесо старой типографской машины... Политическая физиономия «Ирон Газет» — это демократический радикализм».⁴⁰

Газета была размером с четверть печатного листа и выходила два раза в неделю. С 23 июля по 20 августа 1906 г. вышло 9 номеров газеты. Но радикально-демократическое направление газеты вызвало многочисленные жалобы, и она была закрыта распоряжением Начальника Терской области, усмотревшего в ее нескольких статьях призыв к вооруженному восстанию.⁴¹

В № 100 грузинской газеты «Шрома» за 6 августа 1906 г. сообщалось:

«Из наших соседей, мелких национальностей Северного Кавказа, самой культурной является осетинская нация.

В Северной Осетии (в Терской области) за последнее время заметно развилось просвещение.

23 июля вышла первая осетинская газета «Ирон Газет», направление которой, как явствуют первые два номера, прогрес-

сивное. Обязанностью своей эта газета считает в силу своих возможностей служить осетинам, как Северной Осетии, так и Южной, внести в среду осетин просвещение, всесторонне осведомлять их о происходящем на Кавказе, в России и в других странах.

В современном освободительном движении и потусторонние осетины приняли горячее участие...

Новая осетинская газета не стесняется разоблачать недостатки своего народа. Это первый признак того, что у осетин хорошее будущее, и что новая газета будет в пользу нации.

Желаем нашему соседу — вновь поднимающемуся собрату — успеха. Георгий».⁴²

После закрытия «Ирон Газет» в конце августа 1906 г. Цоцко Амбалов ходатайствует об издании газеты «Рухс», но получает отказ. Вскоре создается Осетинское Издательское Общество «Ир», почетным членом которого избирается В. Ф. Миллер (официально зарегистрировано 15 сентября 1906 г., а его устав — 3 октября 1906 г.). В работе общества активное участие принимает и Цоцко Амбалов.⁴³ Показательно, что, хотя местная администрация активно не противодействовала деятельности общества, но в рекомендациях ей Владикавказского полицмейстера, отвечавшего на задание Начальника Терской области, отмечалось: «Каких-либо сведений, указывающих на преступную деятельность осетинского издательского общества «Ир», добыть не представлялось возможным. Что же касается лиц, стоящих во главе этого общества... то, по сведениям, не проверенным формальным порядком, лица эти примыкают по своим убеждениям к партии социал-демократов». В то же время полицмейстер указывал, что «... движения от указанного общества с целью пробуждения узкого национально-политического самосознания не замечалось», а «за отсутствием средств к существованию оно в данное время приходит в упадок и за последнее время издало лишь несколько брошюр с переводными стихотворениями и мелкими рассказами на осетинском языке».

Местной администрации рекомендовалось продолжить наблюдение за деятельностью Общества. В сводке агентурных сведений Терского областного жандармского управления за 1912 г. появляются следующие указания: «... 2) Баев Андрей — «ярый эс-ер»; 3) Баев Исмаил (брат Андрея) — эс-дек, связь с Николаем Гатуевым... имел большое влияние на Осетинское общество «Ир»... 8) Кануков Алмахсист — част. повер. г. Владикавказа, гдавный деятель общества «Ир»... 13) Тхостов Саукудз — акцизн. чиновник, главный деятель общества «Ир»; 14) Такоев — прис. поверенный, тоже; 15) Уруймагов Харит, учитель, тоже; 16) Цаголов — эс-дек, имел большое влияние на общество «Ир».⁴⁴

16 декабря 1906 г. Правление Общества «Ир» получило официальное разрешение на издание газеты «Ирон Ныхас». Корректором газеты и других изданий Общества был приглашен Цоцко Амбалов, но «ввиду неустойчивости дел Общества Амбалов оставить должность учителя считал рискованным».⁴⁵ Газета «Ирон Ныхас» так и не была издана, основной причиной чему послужило введение военного положения в Терской области.

Согласно архивным данным, Цоцко в 1906-1908 гг. работал учителем в первом отделении Ардонской двухклассной церковно-приходской школы.⁴⁶ Он сотрудничает с «Обществом распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области». В 1907 г., как старшина Ардона, он собирает совещание работников образования по вопросу улучшения образования, и власти теперь вынужденные принять предъявленные требования. В том же году он издает свой перевод на осетинский язык сказки Г.-Х. Андерсена «Гадкий утенок» (переиздан в 1912 г.). О том, что в типографии З. И. Шувалова печатаются переводы на осетинский язык Цоцко Амбалова «Fudynt babyzy chiu» и «Sthaly» Г.-Х. Андерсена и В. В. Вересаева заранее сообщалось в местной прессе.⁴⁷ 25 августа 1908 г. школьной комиссией Владикавказского отделения Епархиального Училищного Совета удовлетворяется просьба Ц. Б. Амбалова о его переводе в другую школу.⁴⁸

Личность Ц.Б. Амбалова продолжала притягивать пристальное внимание местных властей. 31 января 1911 г. начальник Владикавказского округа Терской области отправляет запрос в Отделение Епархиального Училищного Совета, желая получить информацию «о нравственных качествах учителя Ардонской 2-х классной школы Увара Амбалова... был ли он замечен в беспорядках 1905 г., имевших место в Алагире, Ардоне и в станице Николаевской... во время бытности его учителем в станице Чернойарской». В ответе от 22 февраля 1911 г. сообщалось, что «... ничего предосудительного об Амбалове не известно». В рапорте священника Н. Итониева во Владикавказское Окружное отделение от 23 апреля 1911 г. сообщалось, что Увар Амбалов 20 апреля 1911 г. оставил учительство.⁴⁹

25 августа 1911 г. было подано ходатайство об открытии Ардонской библиотеки-читальни имени Коста Хетагурова, ответственным заведующим которой предлагалось утвердить «бывшего учителя» Цоцко Амбалова. Однако в ходатайстве было отказано по причине, указанной в резолюции Начальником Терской области:

«В ходатайстве учредителей Ардонской библиотеки и читальни имени осетинского поэта К. Хетагурова отказать, так как учреждение этой библиотеки, являясь средством к пробуждению национального самосознания осетинского племени, повело бы лишь к усугублению национальной обособленности среди окружающих народностей в ущерб безопасности и спокойствию области».⁵⁰

Подобные единообразные формулировки отказов («имеет целью развитие исключительно осетинской национальности», «направлено к пробуждению узко-национального самосознания осетинского племени», «направлено к обособлению осетинских национальных интересов», «послужит усугублению национальной розни между осетинами и другим населением») были вполне типичны для того времени и диктовались указаниями МВД. Так после революционных событий 1905 г., по подсчетам современных исследователей, власти отказывали хо-

датайствам об издании осетинских газет и регистрации 38 различных осетинских культурно-просветительских обществ, закрывали даже уже существовавшие общественные библиотеки.

Согласно «Отчету Правления Владикавказского Осетинского издательского О-ва «Ир» за 1912 г.», при материальной поддержке Общества в типографии З. И. Шувалова была «напечатана сказка Андерсена «Соловей» на иронском наречии, перевод Цоцко Амбалова».⁵¹ К тому же времени относит свои интересные воспоминания Е. А. Амбалова (Цоколаева):

«В 1912 г. Цоцко Амбалов ехал из Баку в Ардон. В поезде он познакомился с московским профессором, ехавшим из Тифлиса в Москву. Доехали до Беслана. Ночью у московского профессора украли все его носильные вещи, вплоть до штиблет. Когда Цоцко увидел всю эту картину, он был очень огорчен тем, что на территории Осетии произошел такой возмутительный случай. Не задумываясь, Цоцко снял с себя новый костюм, шляпу и туфли и заставил недоуменного профессора одеться во все свои вещи. Профессор горячо поблагодарил Цоцко, взял его адрес. Цоцко в свою очередь, извинившись перед профессором, сказал: «Осетины — люди слишком благородные, а это мог сделать только недостойный человек».

Поправавшись с профессором и пожелав ему доброго пути, Цоцко слез в Дарг-Кохе, одев на нижнее белье бурку, голову повязал башлыком, а на ноги надел калоши и в таком виде добрался до Ардона, чем вызвал смех и недоумение соседей и близких. Через некоторое время Цоцко получил благодарное письмо от профессора, который оценил благородство Цоцко, прислал ему посылку с его вещами.

Таким образом у них завязалась переписка и дальнейшая дружба».⁵²

В 1914 г. в газете «Терек» анонсируется скорый выход книг на осетинском языке, подготовленных Осетинским издательским Обществом «Ир». Среди них представлены и три новых перевода Ц. Б. Амбалова. Вскоре в той же газете сообщается о состоявшемся во Владикавказе заседании членов Общества

совместно с приглашенными для чтения лекций лицами, среди которых вновь фигурирует Ц. Б. Амбалов. По сообщению газеты, вскоре все эти лица должны будут выехать в селения для чтения своих лекций.⁵³ В 1914 г. на страницах газеты «Терская Жизнь» была открыта рубрика «Эмансипация мусульманской женщины», в которой выступил и Ц. Б. Амбалов, поддержавший идею создания общества мусульманских женщин, но не как дань моде, а как серьезное дело. Он также отмечал, что положение горской женщины гораздо почетнее, чем положение европейской женщины.⁵⁴

Цоцко долгое время продолжал трудиться на ниве сельской кооперации. В 1911-1914 гг. работает председателем Ардонского кредитного товарищества (его близкий друг Б. К. Зангиев тогда же возглавил Алагирское кредитное товарищество). 10 июля 1913 г. было организовано Ардонское общество сельского хозяйства, председателем которого был избран Ц. Б. Амбалов. В 1914 г. он работает письмоводителем Статистического комитета. В том же году «горожанин Амбалов» читает лекции по вопросам кооперации, организованные по линии просветительских лекций «Общества народных чтений», сборы с которых шли в фонд «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области». Сохранилось и прошение Ц. Б. Амбалова к Начальнику Владикавказского округа от 19 марта 1915 г., в котором он сообщает о своем намерении устроить 25 марта 1915 г. лекции в Дарг-Кохе по вопросам потребительских обществ и их значения, а также культурно-просветительской деятельности кооператоров.⁵⁵

В 1915-1916 гг. он становится курсантом кооперативных курсов в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского в Москве (негосударственный, муниципальный). 1 сентября 1915 г. он подал прошение в Правление «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области». В нем он сообщал о предоставлении ему стипендии «Союзом учреждения мелкого кредита» для слушания 6-недельных курсов. В связи с тем, что в

университете проводили и более длительные, 6-месячные курсы для подготовки инспекторов и инструкторов по кооперации, а отпущенных «Союзом» 175 руб. было недостаточно для таких курсов, т. к. стоимость права их прослушивания составляла 100 руб. при необходимости еще и проживать в Москве, просил выдать ему необходимое пособие.⁵⁶ Пособие в размере 150 руб. ему было выдано в том же году как «воспомоществование недостаточным учащимся».

В 1916-1917 гг. работает инструктором кредитного товарищества, в 1917-1920 гг. — инструктором по кооперации Терского союза мелкого кредитования. В одной из заметок «Ирон Газет»,⁵⁷ например, сообщалось о приглашении из Терского союза Ц. Б. Амбалова по вопросу создания в с. Батако кооперативного магазина. В этой же газете уже сам Ц. Б. Амбалов в своей статье приводит подробные данные о состоянии кооперации в осетинских

Ревизия кр. т-ва:

- Тулаговское
- Зинькинское
- Тулаговское
- Владимирское + ссуды 840.
- Захарьинское
- Зинькинское - Овчинное
- Ково - Зинькинское
- Колотинское
- Сухих Колецовское
- Алавердиевское
- Ирининское
- Артемьевское

Дан. Мухоморов - 519 руб.

Цокоца:

Обо - Поприщевский:

Условно обо — 150

настой Коштан — 10 — 1р

Время отработки — 1/2 — 1/2

доставка отработы — 100 — 400р

селах и о перспективах экономического развития некоторых из них. В этой же газете он сообщает о большом празднике в с. Ардон, связанным с открытием библиотеки в женской школе.⁵⁸ Цоцко Амбалов непродолжительное время сотрудничал с выпускавшейся с 1917 г. газетой «Горская Жизнь» (печатный орган «Союза объединенных горцев Кавказа и Дагестана»). Ее редактором был Е. Ц. Бритаев, входивший в ЦК «Союза горцев» и рассматривавший деятельность организации как укрепляющую единство народов, позволяющую им устроить свою судьбу в русском государстве, а в ближайшее время подготовиться к выборам в Учредительное собрание.

Но особое место в трудовой деятельности Ц. Б. Амбалова всегда занимало литературное творчество, о чем, в частности, нам поведали письма к нему Е. Ц. Бритаева.⁵⁹ В письме Елбыздыко (Михаил) Бритаева от 3 июля 1909 г. к Цоцко Амбалову мы читаем:

«Дорогой Цоцко!

Не удивляйся, что я пишу тебе. Быть может, наши политические платформы расходятся, но это не должно заслонять от нас те точки, в которых мы можем сойтись. Из тех воспоминаний, которые у меня сохранились о тебе, я заключаю, что судьба нашего народа очень тебя интересует... Я давно не видел тебя и не знаю, какие мысли одолели твой мятежный дух, поэтому я не уверен в получении положительного ответа на настоящее письмо. Так или иначе, я должен говорить с тобой...

Ты видишь, что старые устои рушатся с каждым днем, старая жизнь расплывается по швам. Новые мы пока не выработали. Ты знаешь шаткость такого положения. Ты, вероятно, догадываешься, как легко может поддаться всяким влияниям народ, стоящий, подобно нашему, на распутье.

И вот, дорогой Цоцко, я возомнил, что мы должны взять на себя задачу влиять на народ и направлять его в сторону наибольшей для него пользы.

Я оглядываюсь вокруг и не вижу людей, которые бы эту задачу уже взяли на себя и делали бы что-нибудь. Пусть это

будет дерзостью и самомнением, но мы должны выдвинуть лозунги. И я, и ты причастны к литературе. Это и будет средством к исполнению задачи. Мы выпустим еженедельный журнал...».

В другом письме Елбыздыко Бритаев, приглашая Ц. Б. Амбалова к литературному сотрудничеству, писал:

«Дорогой Цоцко!

Насколько мне помнится, ты признавал самым рациональным для развития осетинской письменности издание брошюр и книжек. По-твоему, это было, при данных условиях, рациональнее газет и журналов. К этой мысли пришел и я...

Как лучших представителей осетинской литературы, я приглашаю тебя и Хосцау Уруймагова...

Не думаю, что моя партийность тебя смущала. Я жду твоего ответа и рад буду, если выскажешься. Прошу, очень прошу принять участие...».

Сотрудничество Ц. Б. Амбалова и Е. Ц. Бритаева, о котором в сводке агентурных сведений по Владикавказу по партии осетин — социал-революционеров за июль 1909 г. сообщалось, что «Бритаева осетины называют «апостолом революции», продолжалось долгие годы. Интересно, что, когда 24 августа 1908 г. на сцене зала грузинского училища во Владикавказе состоялось первое представление пьесы Е. Ц. Бритаева «Хазби», сам автор играл в ней главную роль, выступив под псевдонимом «Амбалов». Впоследствии Цоцко записал свои воспоминания о Елбыздыко.⁶⁰

Цоцко упорно собирает по различным уголкам Осетии фольклорные материалы, переводит отдельные произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. М. Языкова, Л. Н. Толстого, В. В. Вересаева, А. М. Хирьякова, В. Г. Короленко, М. М. Арутюнян (Арази), Г.-Х. Андерсена.⁶¹ К отмечавшимся переводам сказок Г.-Х. Андерсена в 1912 г. добавляется издание его перевода того же автора «Журавль». Любовь к литературному наследию Г.-Х. Андерсена (рукописи некоторых переводов в 1925 г. Цоцко отправлял находившемуся тогда на учебе

в Москве С. У. Косирати) была отмечена, например, в письмах к нему 1920-х гг. Г. В. Баева, в воспоминаниях Г. А. Дзагурова, который называл Цоцко «осетинским Андерсеном», а также Георгием (Дзибка) Бекоевым.

В небольшой статье И. Розанова, опубликованной в № 67 газеты «Кубанская мысль» за 23 марта 1916 г. и посвященной 10-летию со дня смерти К. А. Хетагурова, отмечалось:

«У этого народа нет своей науки и своей поэзии. Всякий, кто вырывается из аула, уходит на службу к русской науке и вообще на русскую службу, а писатели Осетии, в наши дни, не отличающиеся талантливостью, пишут по-русски и слишком редко вспоминают об Осетии, а некоторые и вовсе о ней забыли.

Ахмет Цаликов пишет беллетристику и публицистику для русских газет, Георгий Цаголов — исключительно в русской краевой публицистике, Конст. Гатуев предпочитает русскую беллетристику и стихи, Г. Дзасохов куда-то исчез, Георгий Баев — владикавказским городским головой, его брат Исмаил, бездействует, А. Кануков занят справочниками, а Тхостов — пустяками. Вот и вся «осетинская литература».

Кроме перечисленных, есть еще Цоцко Амбалов, занимающийся переводами с русского на осетинский язык. Его работа, как ни мало о ней говорят, гораздо нужнее народу, чем занятия осетин, пишущих по-русски о русском».⁶²

Конечно, высказанное мнение о деятельности осетинских литераторов и публицистов, об их отношении к Осетии достаточно поверхностно в силу, видимо, малого знакомства автора статьи с действительным положением дел. Но вполне справедливо его замечание в отношении общего положения осетинской литературы на тот момент, что также имело вполне объективные причины. С оценкой же значения работ Ц. Б. Амбалова следует полностью согласиться.

Особое место среди переводов Цоцко займет произведение И. Ф. Шиллера «Вильгельм Телль». Первоначальный перевод был осуществлен с перевода произведения на русский

язык Ф. Б. Миллера (две первые черновые рукописи перевода датируются 1919 и 1920 гг.).⁶³ Позднее он будет значительно улучшен за счет обращения к оригиналу произведения. Его переводы на осетинский язык произведений известных авторов и записи осетинского фольклора будут публиковаться как отдельными изданиями, так и в сборниках переводов произведений этих авторов, на страницах «Хуры Тын», «Æфсир», «Ирон Газет», «Зиу», «Мах Дуг», «Рæстдзинад». Кроме того, Цоцко переводил и иную по характеру литературу. Так, сохранилась его рукопись перевода на осетинский язык медицинской работы А. И. Лаптяевой.⁶⁴ В 1923 г. в газете «Горская правда» была опубликована статья М. Рклицкого «В селах Осетии». Вскоре ее перевод Ц. Б. Амбаловым⁶⁵ был опубликован в газете «Рæстдзинад», редакция которой так объясняла данное решение:

«Редакци афтæ æнфæлл у, æмæ РКЛИЦКИ, ўруссаг лæг, цу нвффуста ирон адæмв твххæј, ўдон æхсвзгон ўдзвств алв иронæн дæр. Уј фæдвдл ўцв кўст бакодта ÆМБАЛВ ФВРТВ бæрнв, цæмæј јæ раива ирон æвзæгмæ».⁶⁶

Цоцко очень высоко ценил русскую литературу. В его судьбе были и радостные страницы встреч и общения с ее выдающимися представителями. По некоторым воспоминаниям,⁶⁷ Цоцко Амбалов, Миха Басиев и Бабу Зангиев узнали от своих друзей о жизни Л. Н. Толстого и его общины в Красной Поляне. Их это настолько заинтересовало, что они в 1907 г. отправились познакомиться с великим русским писателем (по болезни Бабу Зангиев не смог поехать). Встреча состоялась. По некоторым свидетельствам, Ц. Б. Амбалов был знаком и с М. Горьким (А. М. Пешков), с которым переписывался.

Об огромных заслугах Ц. Б. Амбалова в деле собирания осетинского фольклора, его сохранения, как и в литературном деле, могут лучше поведать нам профессиональные фольклористы и литературоведы. Здесь же только отметим некоторые краткие характеристики.

Губади Дзагуров писал:

«Фольклорные записи Цоцко составляют основную часть того литературного наследия непревзойденной ценности, который Цоцко оставил последующим поколениям».⁶⁸

Арсен Коцоев отмечал:

«Æмбалтв Цоцкојв фвстæј кæј зæнвнц, ўј æнцондæр сбæрæгкæнæн у. Ацв сахат мæ цæств разв 17-№-рв лæўў; ум ўдї мвхўргонд Цоцкојв тæлмацгонд арһаў. Сæрæјбнмæјæм фæкæстæн, фæла кух-фвст кўд ўдї, мвхўр дæр раст афтæ арцвд, æрмæст дзв æцæг, иў-дуўæ ранв корректураг рæдвдтвтæ ис æмæ удон Петербург æмæ Москваиаг ствр газеттв айрвæзвнц!

Фæндæјта ненæсарæн æфсæндтæј æмбæхсвнмæ қавæм, — æмæ ўæд Цоцкојв ном ўæһдв дзврдатг кæнинаг нæў — ўј агкаг нæў!».⁶⁹

В те далекие годы становления осетинских изданий были многие трудности, выражались различные мнения и т. д. Например, в одном из номеров газеты «Ног Цард» прозвучало следующее заявление:

«На ўæд афтæ кў зæһвнц цæгатв «бакаствтæ» Æмбалтв Цоцкојв једтæмæ, зæһгæ иронаў нїчї дзурв рæсуһд, ўæд кæм ств, кæм? Сæхі «Зондв» ўæдтæр равдвстаігкој һе нвр».⁷⁰

Вскоре последовал пространный ответ:

«Ај 60-æм номерв Цæгатв Ирв Сїдæјнаг дæр қўммæ қўд тæрв: «на ўæд афтæ кў зæһвнц цæгатв «бакаствтæ» Æмбалтв Цоцкојв једтæмæ, зæһгæ иронаў нїчї дзурв рæсуһд, ўæд кæм ств, кæм? Сæхі «Зондв» ўæдтæр равдвстаігкој һенвр»!! Кæд зæһ цæфæј нæ мæлвс, ўæд днв ўј тæ рæхуст Сїдæјнаджв дзурдмæ гæсгæј, Цæгатв Ир фвссвн нæ зонвнц, сæ сæрæн не ств, сæ журнал дæр умæн додојнаг æмæ æрдїагкаг рацвдї. Ацв журналмæ ств саққæдтæ кæј ис, Сїдæјнаг, ўј бæлврд у; фæлаæ æз дїс цæўл кæнвн? Дв цæгатв ирæн Алмахсїдтв журнал сæ цæстмæ кў дарвс, ўæд «Ирон газетв» рохўатв цæмæн ўадзвс? Уј дæр нæ бæззв? Барæј двл цæўв ацв мї æвї æнæбарв? Журнал цæмæн афтæ ајбпджн у, ўј Карцајаг зонв («Ног Цард» № 61), иўнæг хæств бндврв всæдтонæн кæј нæ бæззв, ўј хорз æмбарв, јæ бамбарвн Сїдæјнагæн дæр звн нæ ўдїс, фæлаæ ацв æмæ адæјмаджв цвнæ фæнда кæнвн, ўј јвн бакæнвн кæн!

Æмбалтв Цоцкојвтæ æбпвн иу ран нал ўадзвнц «Ног Цардв» иупігертæ! Удонмæ кў қуса адæймаг, ўæд цвмæ Цæгатв ирæн се скаст Æмбалв фвртмæ у, ўј рдæм бамбардзæн қўдтаг. Дæ мад амæла урс гæххæдт, адæймаджв цвнæ бафæнда, æмæ двл цвнæ нвфвсдзæн! Æмбалв фврт ам ахæм нвмадв æбпвндæр нæј. Уј иæ рајгўрæн бæств твнг ўæрзв, јæ хўлф хорз фæндтæј јемдзаг у, јæ умæј архајв, ўруссаг взагæј ирон взагмæ кадждвтæ ив. Ацв кадждвтæ мідæгæј кæд афтід гомæў ств («Ног Цард» цв кадæг іс мвхўргонд, ўј нæ нвмајвн), ўæдтæр седтаг цар бæззв, сvhдæг ирон взагæј тæлмацгонд ств æмæ Æмбалв фвртæн Алмахсід-тв журналмæ ісгæцæј јæ қух кў хæдцæ кодтаід, ўæд вл «Ног Цардв» фæллојгæндждвтæ чізонв афтæ дæр нæ худтаігкој...».⁷¹

В газете «Хабар»:

«Саўлохтв Алвксандвр цв нвфвста: «Кæрнвх фвдбвлв у», ўмæј рæсвхдæр ма лæг цæмæ бајқуса: е рæсвхд æвзагæј Æмбалтв Цоцко тæлмацкондта бірæ чінгўтæ ўруссаг æвзагæј ирон æвзагмæ...».⁷²

В № 18 газеты «Хурзæрин» за 15 июля 1925 г. публикуется статья А. А. Тибилова «Æмбалты Цоцко», в которой справедливо говорится о большом значении переводов Цоцко в деле становления литературного осетинского языка и о самой красоте речи Цоцко:

«Искуы нæ фидæнон историк куы фысса ирон чиныджы хабæртæ, уæд тыхджын зæрдæбынæй æрымысдзæнис Æмбалты Цоцкоы.

Ирон чиныгæн, ирон æвзонг литературæйæн Æмбалты Цоцко фæрныг куыст бакодта.

Сæрмагонд йæхи зондæй Æмбалты Цоцко ирон æвзагыл ницы ныффыста. Уый чингуытæ æндæр æвзагтæй æрмæст ивгæ кодта ирон æвзагмæ.

Æмбалты Цоцко иттæг хорз зоны æндæр æвзагты литературон хæзнатæ; зоны, куыд хъæуы æвзарын хорз чиныг æвзæрæй; æмбырды рæсугъд чиныджы ад.

Уый æндæр æвзагтæй ахæм чингуытæ ивы, нæ ирон адæм бæрзонд æмæ рæсугъд хъуыдытæ кæцæй райсой. Уый æрмæст

ахæм чингуытæ ивы ирон æвзагмæ, сæрибар æмæ тохы тыххæй чи дзуры, æфхæрд адæймæджы сæрыл чи хæцы. Иунаг ахæм рæнхъ нæ раивта Æмбалты Цоцко, йæ хъуыды арф æмæ бæрзонд кæмæн нæу, пайда ирон адæмæн чи нæ æрхæсдзæнис...

Чингуытæ æндæр æвзагтæй ивгæ-ивын Цоцко стыр дæсныйад равдыста. Йæ раивгæ чингуытæ иттæг æввахс лæууынц сæ оригиналтæм, ницæмæй фесты уыдонæй æвзæрдæр.

Алы чиныгæн дæр сæрмагонд аивтæ, сæрмагонд ахастытæ ваййы.

Цоцко, искæй чиныг тæлмацгæнгæйæ, оригиналы рæсугъд ахастытæй фæсте ницы фæуадзы.

Къуымых æмæ гуыламызыл нымайæм мах нæ ирон æвзаг; къæзгæйæ дзурам иронау. Фæлæ Цоцко куы байдайы дзурын ирон æвзагæй, уæд цыма æнæбын малæй исы рæсугъд æмæ арф ирон ныхæстæ. Афтамæй йын бантыстис раивын «Вильгельм Теллы», гермайнаг æвзаджы рæсугъд æмæ тых Шиллер æххæстæй кæм равдыста.

Ирон æвзаг гуырысхойаг кæмæн у, ирон æвзагыл фыссын æмæ дзурын кæй фæнды, уыдон æнувыдæй бакæсæнт Цоцкойы тæлмацгонд чингуытæ.

Æмбалты Цоцко нырма йæ фæстаг ныхас нæ загъта. Нырма Цоцко цардбарæг лæг у, æмæ йæ тыхтæ йæхимæ сты. Æвзонг ирон литературайы мæсыг амайджытæй сæ иу Цоцко уыдис. Æвæццæгæн, дарддæр афтæ нæ фæлæудзæнис, æмæ та уыцы мæсыгыл исты ног зынаргъ дур ма æрæвæра».

Арсен Коцоев в краткой заметке о вышедших осетинских книгах в берлинском издательстве Е. С. Гутнова, опубликованной в № 2 газеты «Хурзæрин» 1924 г., писал:

«III. «Нарты Батырадз». Фыссæг Æмбалты Цоцко, рауадзæг Е. Гутнаты. Кадæггæнæг куыд дзырдта, афтæ фыста, æвæццæгæн, Æмбалты Цоцко, æмæ уымæй хорз бакодта — заронд ныхасы арæзтытæ дзы æнагайгæй баззадысты. Ам дæр та иу диссаг ис: чиныг рауадзæг Е. Гутнаты дæр йæ ном фæтгыста Цоцкойы номимæ. Ссардзыстут дзы ахæм фыст: «Цоцко æмæ Елбыздыхъо хæлар кæнынц ацы чиныг ирон адæмæн».

Æвæццæгæн, «Æз дæн» у сыгъдæг ирон низ».

В рукописной рецензии Георгия Бекоева, которая, видимо, редактировалась Сарматом Косирати,⁷³ отмечалось (*публикация без учета корректуры*):

«Мæнмæ гæсгæ та сæ æвзæджы тыххæй бафæзмын хъæуы Æмбалты Цоцкъойы.

Æмбалты Цоцкъо ныртæккæ цы чиныг рауагъта («Хæмыцы фырт Батрадзы таурæгътæ», Гутнаты Елбыздыхъойы рауагъд, Берлин, 1924 аз), уый дæр йæ иннæ фыстыты хуызæн у иттæг сыгъдæг ирон æвзагыл фыст, адæмы æвзагыл. Бæрæг у, автор адæмы кæй æмбары, бæрæг у уымæй, æмæ йын йе 'взæджы æгъдау тынг бæлвырд иртасы.

Ацы таурæгътæ, афтæ æмбарын хъæуы, уагъд сты адæмы астау касыны тыххæй. Иттæг хорз сты скъолаты дæр, æрмæст дзы нуæй-иу рæтты фæцух хъæудзæн.

Цоцко чысыл фæстæмæ фæкæсæг у. Нарты таурæгъты агуры зонд æмæ æгъдау ныры рæстæгæн дæр. Уый уымæ гæсгæ бæрæг у, æмæ таурæгътæ рагæй куыд баззæдысты, афтæ сæ нæ фыссы, фæлæ ма сыл æфтауы йæхицæй дæр адæмы зонд æмæ æгъдауы ныхæстæ. Амоны, нæртон рæстæджы бафæзминагæй цы ис ныры фæсивæдæн, уый: лæгдзинад, сæр сæрма хæссын, адæмы сæрыл мæлын, рæстдзинад...

Цоцкъойы чиныджы хуызæттæ фылдæр куы цауой, уæд, æнхъæл дæн, не 'взагыл кæсын дæр æмæ фыссын дæр сахуыр уыдзыстæм.

Чиныгмæ ис сахъаттæ дæр... Уыцы аипп дæр Цоцкъойы ахосæй нæу — чиныграуадзæджы аххос у».⁷⁴

Следует отметить, что издание в берлинской типографии Е. С. Гутнова записей Ц. Б. Амбалова «Нарты Хæмцы фырт Батрадзы таурæгътæ» сопровождалось следующим посвящением от имени собирателя фольклора и издателя: «Ацы фæллæйттæ хæлар кæнæм ирон адæмæн. Цоцко æмæ Елбвздурæ».

В рецензии на первый номер журнала «Зиу» Георгий Бекоев, например, писал:

«С большим удовольствием читаются две переводные вещи: из Мамина-Сибиряка — «Ах-Базат» и из Дорошевича «Баллад-Адат». Особенно надо приветствовать такие переводы потому, что у нас бедна литература для чтения, особенно в школах. А обе вещи переведены с такой любовью и тщательностью, таким простым и в то же время образным языком, что положительно просятся на страницы хрестоматии, которая, надо полагать, скоро появится. Содержание той и другой вещи нам близко и понятно, и за выбор их следует только благодарить переводчиков Цоцко и Сармата».⁷⁵

Переводческая деятельность в понимании самого Ц. Б. Амбалова имела огромное значение, далеко выходящее за рамки собственно литературного вопроса и проблем становления осетинской литературы. Так, в своем письме из Ардона от 16 апреля 1919 г. к С. У. Косирати он писал:

«Сæрмæт!

Зæхзвнæ: Цæмæн фæу ацв таурæх та?

Дзуапп: Алв адæймаг дæр jæхи удв царутæ саразвнл кўнæ бацархаја æнувыдæй, jæ фадатмæ гæсгæ хорз, бæрзонд, ствр қудвтæ кўнæ бауарза, иўзæрдїонæј удон саразвнмæ кўнæ тврна — jæхи цардв дæр, звллæјв цардв дæр — уæд никў æмæ ницв!

Ју рæстæгв, иў хицауадв дугв æнцондæр вæјв адæймагæн jæ қарутæ равдїсвн, jæ твхтæ сфїдар кæнвн, иннæ хицауадты рæстæгв та звндæр. Афтæ звнв, æмæ нврв дугвы фадат іс адæймагæн jæ удв твхтвл бацархајвн, бафæллој кæнвн: паззахадв араст ўцв 'рдæм архајв, ўцв 'рдæм аўрдвг — афтæ æвдвст цæув қуддаг алв ран дæр æзух.

Қуамæ уæлдај нæ узæн ацв цвбвр таурæх дæр: чи зонв, æмæ іскæј зæрдв бафтвн кæна, хиўл кўсвн кæј қæув кæддæрїддæр, уцв қўав...».⁷⁶

Ц. Б. Амбалов многие годы своей жизни отдал обучению молодежи, в которой он видел будущее Осетии. Эта связь носила не только формальное отношение ученика и учителя. В одной из газетных статей А. Т. Цаликов описывал свое посещение в 1910 г. одного из плоскостных сел Северной Осетии. В мест-

ной школе молодежь показывала спектакль, сбор с которого должен был поступить для приглашения второго учителя:

«Во время антрактов хор балалаечников исполнял осетинские мотивы — песни осетинского поэта Коста, а небезызвестный в Осетии Цоцко А. декламировал стихотворения того же поэта.

Живое участие в вечере и спектакле принимали гости, приехавшие из соседних селений...

После спектакля начались танцы, продолжавшиеся и на следующий день.

И когда я разговаривал с молодежью, я видел бодрые, радостные лица, мечтавшие о том, как бы почаще устраивать такие вечера, слышал голоса, которые настойчиво указывали на необходимость покупки волшебного фонаря, устройства библиотеки, выписки журналов и газет, и это были также простые аульские парни, окончившие, может быть, только курс сельской школы. Лица постарше охотно говорили о сельском банке, к открытию которого они предполагают приступить, и внимательно прислушивались, когда я несколько начал развивать им идею сельской кооперативной лавки».⁷⁷

В письме Е. Ц. Бритаева к Цоцко от 4 апреля 1911 г. было сказано:

«... Мой старший брат, мой горящий пламенный Цоцко!

Привет тебе! Боюсь я твоего пламени, оно заразительно, искрометно! Боюсь, ибо если заражусь, то сгорю дотла и угасну. Ведь это ты неугасаем. В тебя Осетия вложила весь пыл свой, тобою она выразилась.

Я рад, что пишешь мне. Благодарен за откровенность, с которою ты всплакнул над бедной нашей молодежью. Грустно это, печально и больно. Но пугаться этого не нам! Язв и болячек, как ты говоришь, так много, что на теле Осетии нет ни одного живого места...

Моя роль не лекаря, а глашатая болячек...

К этому призываю и тебя. Надо ободрить упавшую духом молодежь...

Я думаю, дорогой Цоцко, будет у нас работа. Мы вспашем эту «целину» и вдоль, и поперек...

Так вот, Цоцко, надо всю свою мощь направить на то, чтобы красивым нравственно и физически журнальчиком ежемесячным поднять погружающийся в тину дух.

Согласен, что болячки, вроде школы, отсутствия земства, неорганизованности — отвратительны, но это ведь все телесные болячки. Конечно, указывать на них мы будем.

Относительно организации скажу тебе, что вокруг идеи журнала мы сможем тесно и дружно сплотиться... Принципиально ты с журналом согласен, теперь дело в том, как практически осуществить удачный сбыт. Скажи свои соображения...

Не ууј дун мае митае кууд фандонв цае дон...

Фæрсвс ма мае чи дæ? Уæд худæг мае ном.

P. S. Для того, чтобы влиять на народ, нужно быть среди него. Так говоришь ты. Но, будучи согласен с этим, не отрицаю вот чего: тем и хорошо печатное слово, что им можно уничтожить пространство. Разве кабардинцы жили и живут среди нас, а сколько мод мы от них переняли. А это доказательство того, что влиять можно и на пространстве даже без печатного слова...».⁷⁸

В данном письме, как и в предыдущих письмах, речь шла о приглашении Ц. Б. Амбалова к сотрудничеству над выпуском журнала «Хуры Тын», которое было принято. По некоторым воспоминаниям, когда знакомые с Цоцко люди узнали, что он включился в данную работу, то стали также материально помогать выпуску журнала. В трех первых номерах журнала публиковался перевод на Ц. Б. Амбалова на осетинский язык произведения А. М. Хирьякова «Стыр тох».

Александр Тиболов отмечал:

«Тыхджын æвзагæй раивта Æмбалты Цоцко Хирьяковы ныффысгæ «Стыр тох». Ацы чиныджы тыххæй Цоцко уæлдай арфæйаг у ирон адæмæн. Брытъиаты Елбыздыхъо йæ «Амыран» куы фыста, уæд æнамаенгæй йæ зардыл дардта «Стыр тох», бирæ хъуыдытæ æмае нывтæ систа уыцы чиныгæй».

Г. А. Дзагуров также не исключал, что перевод Цоцко Амбалова произведения А. М. Хирьякова послужил в какой-то мере своеобразной «подсказкой» для будущего автора «Амырана», а в то время редактора «Хуры Тын» Е. Ц. Бритаева.⁷⁹

Ц. Б. Амбалов привлекался к сотрудничеству и с другими осетинскими изданиями. Например, «Осетинское Издательское Общество» в Тифлисе так приглашало его к совместной работе над выпуском журнала «Æфсир», редактор которого Арсен Коцоев особо указывал, что «... журнал не будет поддерживать ни одну партию, ни одну группу»:

«Цоцко!

Тифлисское «Осетинское издательское Об-во» предпринимает с начала февраля с/г издание еженедельного иллюстрированного, художественно-литературного, общественного и научного журнала «Æфсир». — Редакция журнала, имея в виду Ваше глубокое всестороннее знание осетинской жизни, Вашу любовь к осетинскому языку и литературе, питает надежду, что Вы не откажете ей в своем просвещенном содействии и сотрудничестве. При этом редакция хотела бы поместить Ваше имя в список официально объявленных сотрудников, а потому просит Вас возможно скорее почтить ее ответом.

Редактор

Ар. Коцоев (подпись)
Секретарь (подпись)

20го января 1910 г.

Тифлис, Матиновская 5, Редак. журнала «Æфсир».⁸⁰

В 1915 г. в свет вышел перевод Ц. Б. Амбалова произведения М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб».⁸¹ О значении данного перевода и издания было кратко сказано в небольшой заметке, опубликованной в «Терских ведомостях»:

«На днях вышла из печати и поступила в продажу в издании А. Габисова переведенная на осетинский язык сказка М. Ю. Лермонтова об Ашик-Керибе.

Перевод сделан Ц. Амбаловым — и с тем же мастерством, с каким сделаны известные по всей Осетии переводы некоторых сказок Андерсена и др. произведений.

Читается книжка очень легко. Здесь вы не встретите тех деревянных оборотов, какими, к сожалению, страдают переводы, принадлежащие перу некоторых духовных осетинских переводчиков. Обстоятельство это, несомненно, поможет «Ашик-Керибу» проникнуть в самые отдаленные и глухие уголки Осетии и сделаться любимым гостем в дымной сакле осетина в долгие зимние вечера...

Стоит книга недорого — 10 к., занимая 16 страниц убористого шрифта обычного книжного формата.

Нужда в книжке чувствуется огромная в Осетии. Книжная литература здесь совсем не богата. Стихотворения К. Хетагурова, поэма А. Кубалова «Афхарты Хасана», перевод рассказа Гаршина «Четыре дня на поле сражения», несколько переводов Ц. Амбалова, «Букварь» А. Канукова и еще две-три книжки — вот и весь запас того, что дала пока осетинская интеллигенция своему народу.

Этого недостаточно. Можно и должно значительно увеличить перечень книжной литературы. Если чувствуется недостаток в оригинальных произведениях, почему не усилить внимание к переводным?

Перед осетинской интеллигенцией — неисчерпаемое море научной и художественной литературы, созданное европейскими и другими культурными народами.

За каждую каплю из этого моря большое спасибо им скажет родной народ, блуждающий в безводных пустынях тьмы и незнания...

Особенно, если на этой работе их будет лежать печать такой же вдумчивости и мастерства, каким отличаются переводы г. Амбалова».⁸²

17 февраля 1916 г. датируется выпуск под руководством Ц.Б. Амбалова первого номера рукописного журнала «Фидиуаг» Ардонской Семинарии. Он всегда с особым вниманием и теплотой следил за успехами молодежи. Г.А. Дзагуров вспоминал:

«В начале 20-х годов (точной даты не помню) в Осетинском Педагогическом Техникуме, по инициативе Сармата Косирати,

редактора «Растдзинад» и организатора С. Осет. Союза писателей, был устроен вечер чтения произведения молодых осетинских писателей. На этом вечере молодых писателей, которые впервые выступали с чтением перед широкой аудиторией своих произведений, присутствовал и Цоцко. Я помню, с каким чувством удовлетворения он слушал молодых писателей, как он радовался тому, что благодаря советской власти растет новая смена старшему поколению осетинских писателей, к которому принадлежал и сам Цоцко. Из молодых писателей, выступавших на этом вечере, наибольший успех имел Мисост Камбердиев. Жюри, куда входили Сармат, Цоцко и я, особо отметили его выступление и предсказали ему завидное будущее...

Руководство Осетинского Пед. Техникума и учащиеся устроили прием гостей, в том числе и осетинские танцы. Танцы, как и выступления молодых писателей, были организованы в актовом зале Пед. Техникума. Простор большой. Было, где можно было развернуться, показать свою лихость в танцах. Мы, на правах старших, любовались танцами, в которых молодежь с обеих сторон показывала свое высокое народное искусство: и плавность, и лихость, и пламенную огненность, и кокетливую игру опущенных, но лукавых глаз, если только можно так выразиться. Но, вот, неожиданно к нам подходит распорядитель танцев и, предварительно извинившись, просит от имени молодежи Цоцко, как старшего из нас, станцевать лезгинку. Цоцко, польщенный вниманием, оказываемым ему, быстро встает, по молодому, по-молодецки, приводит себя движением рук и всего тела (поправил папаху, кинжал на поясе, опустил рукава черкески) в порядок и направился вместе с распорядителем к кругу танцующих; девушка его поджидала, молодежь расступилась и радостно приветствовала всем им знакомого Цоцко... еще больше подняло настроение Цоцко, и он с большим воодушевлением и, несмотря на свои годы (за 50 лет), с молодой легкостью и плавностью начал танцевать лезгинку; не закончив этого танца, гармонистка заиграла кабардинку, и Цоцко не растерялся, а станцевал к общему удовольствию и кабардинку с тем же успехом, так же красиво, как и лезгинку. Цоцко произвел

буквально фурор. Молодежь от его манеры танцевать и от того, как он исполнил оба танца, как он их неподражаемо станцевал, была в восторге. Когда взволнованный, радостный и довольный собой и оказанным ему молодежью вниманием Цоцко вернулся к нам, на свое место, то я ему сказал:

— Цоцко, ты победил! (Цоцко, амбыдтай!).

А он мне ответил: «А как же ты думал! Недаром мы — Уарадасовы, любим танцевать, и народ так и называет нас! А тебе, ведь, и то известно по народной пословице, что танцор дома не строит, не содержит...

Цоцко был непривзойденный танцор. Я видел еще трех таких танцоров в 1917-1918 гг. ... Все три танцора — молодые люди... А Цоцко было за пятьдесят лет, и станцевал он по-молодому, нисколько не хуже, а лучше даже по плавности движений, блеску глаз и воодушевленному, согретому изнутри огнем лицу; каждый из них хорош по своему, по этому я их и помню, но Цоцко все-таки в сравнении с ними выигрывает, он, всегда обходительный, вежливый, незабвенный наш Цоцко, несравненный ни с кем, тепмераментный танцор».⁸³

В 1928 г. Цоцко приветствовал редакцию молодежной газеты «Ævzong tyx»:

«Arfæ kænyn

«Ævzong tyx» arazdžytæn, sæ bæraëgbony tyxxæj

Arhæuty kænync: «arvyajdæn, ærčjadžy sulthy» æmæ
«mard ægasgænæg xosy» koj.

Mæn fændy, cæmæj dzyllæjy bæryni či bacydi, ucy sæq-
kuszýtæm razyna uyj bærc zond æmæ nyfs, uyj bæc aræxst æmæ —
«arvyajdæny či kasti» — uyjau, æcægæj kuyd uynoj — xæstægmaë
dær æmæ dardmaë dær;

sæ fændtæ «ærčjadžy sulthy kuyd tahd uadi», aftæ tahd
kuyd æmbæloj, kædæm sæ arazync, uydonyl, nysangond kæmæn
væjjync, uydonyl;

æmæ iu sæ «xostæ» dzyllæjy niztæn, æxsæny niztæn «ævdadžy
xos», «mardægasgænæg xosy» æxxuys kuyd kænoj.

Æmbalty Cocko

Leningrad, Axuyrady Akademi».⁸⁴

По взаимодополняющим воспоминаниям Е. А. Амбаловой и Г. А. Дзагурова, до 1913 г. Цоцко и его сестра Дзыккын проживали на квартире Хурумовых. В 1911 г. в Ардоне на них была прочитана поэма А. З. Кубалова «Æфхæрдты Хæсанæ». В конце выступления чтец прочел на обложке книги, что поэма написана Александром Кубаловым, издана Гаппо Баевым, а редактировал ее Цоцко Амбалов. Местный остро слов, используя обычное значение осетинского «лыстаг æркасти» — «пристально (внимательно) рассмотрел (разглядел)», которое в издании книги использовалась в значении «редактировал», заметил вслух, что лучше бы Цоцко внимательно рассмотрел крышу своего дома. Он имел в виду, что совсем ветхий дом Цоцко до сих пор стоит под соломенной крышей. Эта запущенная в селе шутка заставила Цоцко в том же году приступить к строительству нового дома, которое было завершено в 1913 г., после чего Цоцко и Дзыккын и переехали в него.

С 10 по 16 июля 1917 г. во Владикавказе работал I Всеосетинский Учительский Съезд. В опубликованных «Трудах» съезда⁸⁵ отмечалось:

«В мае месяце с.г. среди некоторой части осетинской интеллигенции, преимущественно учителей, возникла мысль о своевременности и необходимости созыва «I Всеосетинского Учительского Съезда» в г. Владикавказе. На частном совещании избрано Бюро по созыву Съезда, в которое вошли следующие лица:

...

2. Амбалов Цоцко — б. народный учитель...».

Одной из основных задач съезда было решение проблем изучения родного языка, осложнявшегося нехваткой соответствующей учебной и художественной литературы. И, как любой народный форум, съезд нашел самый мудрый способ разрешения данной проблемы. Было решено в основу обучения родному языку положить лучшие образцы народного творчества, которое вобрало в себя все богатства родного языка и таланта народа. Съезд фактически определил задачи и программу боль-

шой и необходимой работы общенационального масштаба — работы для всей патриотической интеллигенции осетинского народа. Тогда появились и предпосылки для создания научного общества. На съезде была проведена организация Северо-Осетинского Учительского Союза. «В Бюро Союза и Ревизионную Комиссию избраны: ... 3. Амбалов». Местопребыванием Бюро было избрано с. Ардон.

В 1917 г. Цоцко неоднократно выступает на страницах «Ирон Газет» по злободневным вопросам жизни (здесь же он публикует и некоторые свои стихотворные переводы). На ее страницах⁸⁶ он приветствовал Февральскую революцию, о которой мечтали многие передовые люди Осетии. Он призывал своих соотечественников сплотиться вокруг нового руководства, которое должно отвечать определенным требованиям. Автор полагал, что при таком объединении удастся построить новую жизнь, догнать в своем развитии передовые народы и сделать Осетию счастливой.

Его призыв имеет много общего с уставом «Круга Коста», общественной организации, в создании которой вскоре Ц. Б. Амбалов принимал активное участие (создание Осетинского Национально-Народного Круга «Коста» («Къостайы къорд») отражено, например, в публикациях газет «Горская жизнь» № 5 (58) за 9 января 1918 г. и «Ирон Газет» № 3 (35) за 27 января 1918 г.). «Круг Коста» стремился объединить Осетию в условиях надвигающегося хаоса гражданской войны «вне всяких партийных, сословных, религиозных, классовых и родовых делений». Он выступал за мирные отношения со всеми окружающими народами, межконфессиональный мир, противодействие порокам самого осетинского общества и т. д. Но после установления советской власти данная организация будет объявлена «контрреволюционной буржуазно-националистической», причем, не общественной организацией, а партией. Именно в такой трактовке о ней будет упоминаться и Ц. Б. Амбалов как один из главных ее организаторов.⁸⁷ Позднее появятся и утверждения, изначально основанные на лож-

ных официальных трактовках, что Цоцко Амбалов «... в своей просветительской деятельности допускал националистические ошибки...». ⁸⁸

В газете «Горская Жизнь» было опубликовано письмо в редакцию, подписанное Цомаком Гадиевым, Цоцко Амбаловым и Гагуьдзом Гуриевым. Его авторы указывали на опасность утери памятников осетинского письма, литературы, осетиноведческих исследований. Исходя из соображений о высокой культурно-исторической ценности подобного материала, который может безвозвратно погибнуть, они брали на себя смелость положить начало созданию музея осетинской письменности, библиотеки-музея и просили содействовать им в этом благородном деле. ⁸⁹

Г. Г. Бекоев отмечал: «... О-во развило самую интенсивную деятельность, направленную, главным образом, на собирание памятников устного народного творчества. Можно с уверенностью сказать, что ни один уголок горной и плоскостной Осетии не остался вне поля внимания О-ва. С величайшими трудностями изыскивались средства и выписывались из отдаленных ущелий известные народные певцы и сказители; посылались туда же специально члены О-ва для записи на местах. Поспешность, с которой проделывалась эта работа, объясняется тем, что О-во учитывало возможность всяких случайностей во время гражданской войны и голода. И оно было право: в настоящее время некоторых из лучших певцов и сказителей нет уже в живых. Но они не успели унести с собою в могилу то, чем особенно интересуется О-во. То, что сделано О-вом в деле записи произведений народного творчества, весьма велико. Одних сказаний и песен записано свыше 2.000 номеров, не говоря уже о пословицах, поговорках, загадках, которых записано до 10.000 номеров». Д. А. (Т. Д.) Дзагуров впоследствии вполне справедливо указывал: «Учитывая быстрое вымирание стариков, носителей старины, члены О-ва (Алборов Б. А., Амбалов Ц. ...) с лихорадочной поспешностью записывали произведения устного

народного творчества... Записи О-ва составили рукописи до 100 печатных листов».⁹⁰

Цоцко высоко ценил мудрость народных обычаев и традиций. Вместе с тем, он не оставался их слепым приверженцем, прекрасно понимая, что среди них были и те, которые мешали жизни народа. Об этом свидетельствует, например, его статья о калыме, опубликованная в «Ирон Газет».⁹¹

О том, что литературная деятельность Ц. Б. Амбалова была достаточно заметным явлением в культурной жизни Осетии свидетельствуют конспекты эмигранта Б. П. Байтуганова (Барсаби Байтуган) о положении на Северном Кавказе в годы революции и гражданской войны, которые были составлены им в начале 1930-х гг. для польской разведки, интересовавшейся северокавказской эмиграцией:

«... не приходится говорить о каком-либо «национальном стаже», который бы характеризовал дореволюционную деятельность кого-либо из современных горских политических деятелей. Те из них, которые каким-либо образом выявили себя политически, делали это, в большинстве случаев, в рамках русских политических партий или же в качестве публицистов, помещающих время от времени статьи о недоле горских масс в местной русской печати. Так, например, социал-демократами были: покойный Ахмет Цалыккаты... Симон Такоев (член ВЦИКа от Сев. Осетии) и т. д.; социалистами-революционерами были: ... Тамби Еликкоти (в Париже) ...; публицистикой занимались Джеор Цаголти, Цоцко Амбалты, Гаппо Бяты и некот. др., причем, будучи в большинстве осетинами, они освещали главным образом положение осетинских масс. Члены русских партий действовали в рамках программы этих партий, не внося в них ничего специфически горского или, во всяком случае, весьма мало, а упомянутые публицисты в своих конечных выводах ничем не отличались от либеральных публицистов средней руки, пишущих в тогдашней России. Особой активностью ни те, ни другие не отличались».⁹²

Согласно архивным данным, по состоянию на 3 мая 1918 г., Цоцко Амбалов состоял преподавателем осетинского языка в Ардонской мужской гимназии⁹³ (бывшая Александровская Духовная Семинария, преобразованная декретом Терско-Дагестанского Правительства от 17 февраля 1918 г. в мужскую гимназию и переданная в Министерство Народного Просвещения). По воспоминаниям Г. А. Дзагурова, основанным, по его указанию, на личном свидетельстве Цоцко Амбалова, тот вскоре вынужден был прекратить учительствовать, т. к. не мог более переносить ту атмосферу, которую насаждали в школе представители православного духовенства.⁹⁴

Сохранились воспоминания «кермениста» Т. В. Созаева, который в дни августовских событий 1918 г. в г. Владикавказ находился в Алагирском ущелье, в с. Унал, с целью поднятия населения на сторону большевиков (выехал в Алагир 1-2 августа, оттуда вскоре ушел в Унал):

«В ауле подошел ко мне один человек и сказал, что внизу меня ждут двое мужчин из Владикавказа; они просят, чтобы я немедленно спустился к ним. Я обеспокоился. Я из знакомых никого не ожидал встретить. На всякий случай я простился с Хорановым и пошел в ущелье. Велика была моя радость, когда я узнал двух знакомых — Цоцко Амбалова и Цомака Гадиева.* Они возвращались из ущелья в город на линейке, слышали от местных жителей, что я разъезжаю по аулам, и решили вывезти меня из этой местности.

— Да поможет тебе бог! — кричала мне залихватская борода Цоцко, когда я приблизился к ним. Цомак, улыбаясь со свойственной ему мягкой подкупающей улыбкой, сказал:

— Едем, едем, Тарас, в городе люди кушают друг друга.

После короткого обмена мнениями о последних событиях решили, что мне надо убраться из ущелья.

Особенно меня поразило их сообщение о том, что за день до моего приезда здесь проехали Измаил Баев с полковником, фамилию которого я забыл, и что на пути они посещали все

аулы и призывали население против большевиков. В какой форме призывали — мне не удалось узнать...

Когда я подсел к двум поэтам, я подумал про себя: «Всю дорогу будут меня учить, замучают своими бесконечными поучениями». Я должен сказать, что наша интеллигенция висела на наших ногах тяжелыми гирями: самовлюбленность и безотчетная привязанность ко всему осетинскому; непонимание, а часто просто боязнь разобраться в революционных событиях; при всем этом чувство отчужденности от понимания насущных интересов трудящихся, — все это тянуло их назад, мешало нам работать. Претенциозная и расплывчатая, туманная идеология наших... самобытчиков сбивала с толку, главным образом, учащуюся молодежь. Очень сильна была и кулацко-обывательская агитация против большевиков, которая порой засасывала в болото образованных людей, политические симпатии которых принадлежали большевикам. Вырваться из трясины тогда было не так легко: речь шла не о молчаливом неодобрении твоих идей окружающими или равнодушии, а об активном их воздействии на тебя, о наступлении, о насилии. Это воздействие принимало самые разнообразные формы...

К моему удивлению ни Цоцко, ни Цомак не собирались меня учить, тем более спорить со мной.

— Видишь, Тарас, — сказал Цоцко, когда мы проезжали мимо узкого мрачного ущелья, тут, среди этих теснин, когда-то жили твои предки. Сурово и худо было им здесь, поэтому перебрались они в Ход, оттуда в Урсдон и Христиановское. Что же ты думаешь!.. и наши предки боролись за лучшую жизнь! — потрясая кулаком, горячо воскликнул Цоцко. — Надо же когда-нибудь завоевать лучшую жизнь, боритесь, керменисты!

Мы любили наших народников-демократов, вернее, привыкли их любить, поэтому малейшие признаки энтузиазма с их стороны нас бесконечно радовали. И вот сейчас я внутренне благодарил Цоцко.

В это время на повороте навстречу нам близко подбежал грозный поток. В двух шагах от нас огромные массы воды, бе-

лой от вспенившейся гривы, яростно бросались на пороги и, отбрасываясь назад, заполняли пространство мельчайшими капельками дождя.

Цомак, любуясь «косматой гривой» реки Ардон, густым басом прочитал:

И Терек, прыгая как львица,
С косматой гривой на хребте,
Ревел: и горный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали.

— Молодой впечатлительный Лермонтов вобрал в себя все образы Кавказа, — добавил он.

А нам ничего не оставил! У нас все есть — и культура, и знание, и талант, — одного только не хватает: образов! Лермонтов украл их!

Надо было видеть, как два поэта смеялись: Цоцко громко, каскадно, словно старался заглушить вой реки. Цомак тихо, но солидно и тем же басом.

В Ардоне я попрощался со своими спутниками и вышел за станицу в сторону Владикавказа. Цоцко Амбалов несколько раз напоминал мне, что я не должен ехать в город. Я соглашался с ним, но в душе строил другие планы...

* В начале революции мы, революционная молодежь, думали, что такие люди, как Цоцко, Цомак, Г. М. Цаголов и др., будут играть активную роль в революции, и готовились быть хорошими им помощниками. Но очень скоро мы увидели, что они сделались беспомощными в определении своего места в революции, мы были разочарованы сначала их нескромным увлечением «Союзом» горцев, а затем вялостью и почти равнодушием к событиям. Еще осенью 1917 года, до победы большевиков, когда даже монархисты считали себя демократами и революционерами, на Александровском проспекте нам встретился Цоцко. Он с большим подъемом о чем-то рассказал нам, а когда Гибизов спросил его:

— Что же все-таки делаете?

— Шумим, брат, шумим! — ответил он, при этом борода его затряслась от смеха.

— Не слышно вашего шума!

Они пошумели, но только очень короткое время — в медовый месяц революции ... ».⁹⁵

Какое замечательное свидетельство. Сколько в нем тонкой самоиронии Цоцко, которая по вполне понятным причинам не могла быть воспринята и по достоинству оценена ни Д. Гибизовым, ни Т. В. Созаевым. Ведь в своем коротком ответе Цоцко процитировал одну из крылатых фраз произведения А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие 4, явление 4), написанного еще в 1824 г.:

«Чацкий: Да из чего, скажи, беснуетесь вы столько?

Репетиллов: Шумим, братец, шумим...

Чацкий: Шумите вы? и только?».

Сколько в ответе Цоцко исторической иронии, которая сегодня может быть воспринята и как исторический сарказм, вновь по вполне понятным причинам не воспринятой ни Д. Гибизовым, ни Т. В. Созаевым. Ведь, именно эту фразу цитировал еще В. И. Ульянов (Ленин) в своей статье «Революционный авантюризм» (Искра. 1 августа 1902 г. № 23; 1 сентября 1902 г. № 24):

«Шумим, братец, шумим» — таков лозунг многих революционно настроенных личностей, увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев.

К таким «шумным» направлениям принадлежат и «социалисты-революционеры» ... ».

В той статье В. И. Ленин активно критиковал социал-революционеров за их приверженность к террору, «... непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения», за их отношение к земельному вопросу и интеллигенции. Ответ интеллигента Цоцко, всей своей жизнью кровно связанного с крестьянством, адресовался организаторам партии «Кермен», чья программа изначально базировалась на программах меньшевиков и эсеров, партии, которая

изначально, как и вскоре поглотившая ее партия большевиков, одним из своих инструментов борьбы за власть изберет именно террор, в «жернова» которого со временем попадут представители различных слоев и осетинского общества, в том числе и сами «корменисты» ...

Г. А. Дзагуров вспоминал:

«Цоцко пользовался широкой популярностью в народе, даже среди преступного элемента осетинского народа; был такой случай в период гражданской войны. Цоцко и Цомак в этот период работали по линии Терской кооперации; в этот же период уголовные элементы производили ограбления и днем, и ночью, пользуясь общей общественной разрухой жизни и отсутствием органов твердой государственной власти; нельзя было безопасно проезжать по дорогам и днем, и ночью; Цоцко и Цомаку нужно было выехать в какое-то из плоскостных сел С. Осетии. Они решили, что безопаснее будет выехать ночью. Так и сделали, выехали из Владикавказа ночью, держа путь на Архонскую станицу. Едут в темноте. Вдруг на полпути раздается крик: «Кто едет?». Ответ: «Цоцко Амбалов и его товарищ Цомак Гадиев». «Стойте!» — приказали им. Они остановились, и к ним подъехал вооруженный бандит, чтобы лично убедиться, кто действительно они. Бандит подъехал и спрашивает: «Ты Цоцко?» — «Вот я, Цоцко». — «В таком случае счастливого пути вам, и извините!» («Уæдæ фæндараст æмæ бахатыр кæнут!»).

Бывало, когда Цоцко рассказывал нам об этом, то было много смеха, и мы говорили Цоцко со смехом: «Цоцко, тебя даже осетинские бандиты уважают и «благородно» отпустили тебя, не ограбив; они знали, что у тебя им нечем поживиться и разыграли роль «благородного человека». Общий смех».⁹⁶

Следует отметить, что в Научном архиве СОИГСИ сохранились и некоторые материалы с краткими «сведениями» периода гражданской войны, о том, что, якобы, Чермен Баев был арестован белогвардейцами в доме Ц. Б. Амбалова. Однако они не только не подтверждаются другими свидетельствами, но и

прямо противоречат другим данным, приведенным в тех же материалах.⁹⁷

Судя по частично сохранившимся в Научном архиве СО-ИГСИ приговорам Общих Собраний граждан с. Ардон,⁹⁸ Ц. Б. Амбалов, действительно, пользовался большим авторитетом и уважением среди земляков. Так, в приговоре от 23 марта 1917 г. отмечается, что «Председателем собрания единогласно избран Цоцко Амбалов», а также:

«...»

2. Выборы (старшины, сельского и участкового советов).

... Единогласно, отказавшись от всяких кандидатов, Общее Собрание без тайной баллотировки, в присутствии комиссара округа, который к этому времени прибыл на собрание, избрало в старшины Цоцко (Увара) Васильевича Амбалова; тут же было постановлено выдавать ему ежемесячное жалование в размере двухсот (200) рублей, не предрешая вопроса о размере жалования последующим старшинам».

Судя по всему, вскоре Ц. Б. Амбалов, много занимавшийся проблемами кооперации и культурного строительства по всей Северной Осетии, оставил занимаемую должность. Но односельчане продолжали оказывать ему искреннее уважение и доверие.

Приговор Общего Собрания от 4 июня 1917 г.:

«Выслушали предложение Гражданского комитета Владикавказского округа об избрании уполномоченных на съезд депутатов от населения всего Осетинского Народа. Признавая такой съезд необходимым, сход приступил к выборам депутатов на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. При голосовании оказались: Подполковник Георгий (Джеор) Гиссоевич Дзугаев и Увар Васильевич Амбалов — он же Цоцко. Сельский сход уполномачивает своих депутатов

1. На выработку программы объединения с Северными осетинами Южных, Лабинских, Моздокских и других Осетин...».

Приговор Общего Собрания от 22 января 1918 г.

«... уполномочили на съезде 1го февраля делегатами... Цоцко Амбалова...».

Приговор Общего Собрания от 5 марта 1918 г.:

«Вследствии отношения г. комиссара Владикавказского округа от 1го марта с/г за № 1176 откомандировать уполномоченных в селение Тулатово 10 чел. по самообороне Осетии на 11 марта... Цоцко Амбалова...».

2 апреля 1918 г. проходило собрание «членов Ардонской сельской думы под председательством сельской думы Цоцко Амбалова». В приговоре Общего Собрания от 2 апреля 1918 г. в решении «делегировать на съезд в Алагир 10 июня» значится и Ц. Б. Амбалов. Но его кандидатура затем заменена в приговоре на кандидатуру Г. Есиева.

Приговор Общего Собрания от 19 ноября 1919 г.:

«Вследствии предписания Осетинского Народного Совета от 19 ноября 1918 г. за № 1689 об избрании 7^{ми} делегатов на 10ый съезд Осетинского Народа постановили: избрать из своей среды... 3) Цоцко Амбалова...».

Ц. Б. Амбалов продолжает активно участвовать в общественной жизни и далее. Победа советской власти в Осетии сопровождалась некоторое время продолжением ее политики по выселению казачества. В 1920 г. новая власть в очередной раз поставила вопрос о выселении казаков, предложив осетинам, проживавшим в казацких станицах, решить его на своем сходе в мае месяце в Ардоне. Сход вел Цоцко, активнейшим образом призывая своих соплеменников не совершать такого преступления.

В. Цаллагов 8 октября 1992 г. приводил воспоминания Николая (Гала) Кулаева, который присутствовал на том сходе. Сход постановил: если советская власть будет выселять казаков с территории Осетии, то осетины пойдут против власти, потому что десятилетиями живут в мире и дружбе с казаками. После этого Цоцко имел какие-то неприятности и на все лето и осень уехал в Южную Осетию⁹⁹ (последнее замечание представляется сомнительным, учитывая положение на тот момент в Южной Осетии и документально фиксируемое¹⁰⁰ на тот пе-

риод участие Ц. Б. Амбалова в заседаниях Правления ОИФО, например, 7, 21, 24 сентября 1920 г.).

По Д. К. Амбалову, вопрос, в связи с его постановкой «реакционной частью осетин» (также сомнительно, т. к. вопрос ставился официальной властью), был поднят большевиками Ардона. В защиту казаков выступил и Ц. Б. Амбалов, якобы, вынужденный выстрелить из берданки в воздух, чтобы сбить накал страстей: «Я говорю от имени ардонских граждан, что казаки не все враги, большинство из них бедные и мирные люди, которые любят трудиться, многие годы мы живем с ними в дружбе, поэтому граждане сел. Ардон не позволят выселить казаков с территории Осетии».

В. И. Хурумов вспоминал:

«В конце 1920 года вся наша семья вновь собралась в старом ардонском доме. Первым гостем в день приезда отца (*Иорам Хурумов — А. Т.*) был ближайший сосед и давний друг семьи Цоцко Амбалов. И с тех пор не было дня, чтобы Цоцко не заходил к нам решить, как заявлял он, массу нерешенных вопросов».¹⁰¹

В 1920 г. в газете «Ног Цард» была опубликована статья, видимо, написанная Г. В. Баевым. В ней излагалась биография «осетинского демократа» Цоцко Амбалова и отмечались его несомненные заслуги перед обществом и культурой Осетии.¹⁰² 1920-е гг. стали особенно насыщенными для Цоцко Амбалова в вопросах литературной и научной деятельности. В № 15 (68) газеты «Горская Жизнь» за 20 января 1918 г. был опубликован проект «Устава Общества любителей осетинской народной словесности». В № 41 (94) «Горской Жизни» за 22 февраля 1918 г. сообщалось о решении V осетинского съезда, проходившего в Ардоне 1-6 февраля 1918 г., по необходимости создания Общества Любителей Осетинской Старины. 25 апреля 1918 г. на педагогическом совете Осетинской Учительской Семинарии были представлены проекты устава Осетинского Историко-Филологического Общества. 25 октября 1919 г., т. е. в период власти Добровольческой армии А. И. Деникина, при

Осетинской Учительской Семинарии во Владикавказе было зарегистрировано Осетинское Историко-Филологическое Общество.

При советской власти будет «решено», что группа организаторов Общества «... стояла в основном на националистических позициях», само Общество было «белогвардейским», объединяло буржуазных националистов Северной и Южной Осетии, руководилось представителями буржуазно-националистических правительств «Круга Коста», а, например, в 1920 г. вело тайные переговоры о подготовке антисоветского восстания с министром иностранных дел турецкого правительства Кемаль-Паша-Бекир-Беем Кундуховым.¹⁰³ Также будет высказано мнение, что Правление «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», с которым тесно взаимодействовал Ц. Б. Амбалов, было реакционным, включая «... ярого монархиста Гаппо Баева, осетинских шовинистов В. Касабиева, Л. Газданова и др.», действовавших, в основном, в пользу только осетин.¹⁰⁴

Согласно сохранившимся данным, «беллетрист» Цоцко Амбалов 6 октября 1919 г. участвует в открытом голосовании по избранию кандидатов в члены Правления Общества.¹⁰⁵ Согласно протоколам №№ 5, 6, 7, 8 он присутствует на заседаниях Общества, проходивших 17, 24, 25 ноября 1919 г. и 16 февраля 1920 г.¹⁰⁶ Им впоследствии был переведен на осетинский язык и устав Общества.¹⁰⁷ В «Отчете о деятельности Осетинского Историко-Филологического Общества за 2-ой и 3-ий год существования» (1920-1921 гг.) по вопросу собирания памятников устного народного творчества указывалось:

«Ведутся записи памятников и по округам, как например, ГАРДАНОВЫМ М., АМБАЛОВЫМ Ц. и друг.»¹⁰⁸

В «Отчете о деятельности Осетинского Историко-Филологического Общества за 1922 год (4-ый год существования)» отмечалось:

«... особенно интенсивно шло дело собирания памятников народного творчества; запись производилась на всех диалектах

и в разных уголках Осетии, главным образом, следующими лицами: Г. А. ДЗАГУРОВЫМ, Цоцко АМБАЛОВЫМ... ».¹⁰⁹

24 сентября 1920 г. «писатель и знаток осетинского языка» Цоцко участвует в работе заседания Правления Общества, на котором состоялась встреча с приглашенным гостем, Министром Иностранных Дел Турецкого Правительства Кемаль-Паша-Бекир-Беем Кундуховым и его сыном Шефкет-Беем.¹¹⁰ На заседании Правления Общества 25 января 1921 г. была «... утверждена командировка Цоцко Амбалова в Алагирское ущелье для собирания народных сказаний с выдачей ему 50000 рублей».¹¹¹ Указанная сумма была выдана Цоцко заранее, 31 декабря 1920 г.¹¹² Необходимость и срочность командировки Ц. Б. Амбалова мотивировались и тем, что «в настоящий революционный момент народное творчество испытывает сильное шатание, исчезает старое». Чтобы определиться с размером командировочного обеспечения, укажем, что согласно ведомостям Общества, Цоцко Амбалов уплатил членские взносы Общества в 1922 г. в размере тех же 50000 рублей образца 1921 г., которые соответствовали 5 рублям образца 1923 г.¹¹³

6 марта 1921 г. Цоцко Амбалов участвует в работе общего собрания Общества, на котором был представлен доклад П. Т. Константинова «Историческая справка о собирании народных песен в связи с вопросом о народных песнях осетин». Как явствует из протокола собрания, «Цоцко Амбалов полагает, что от записывания народных песен не следует отказываться, чтобы не потерять ничего».¹¹⁴ В отношении следующего прозвучавшего на собрании доклада И. А. Канукова на тему «Чем вызвано переселение осетин в Турцию в 60-х годах 19 века» отмечается:

«Цоцко Амбалов говорит, что сомневаться в существовании заговора не приходится, так как все то, что говорил докладчик, он может подтвердить на основании того, что он слышал сам в детстве от старика Гадзиева. Этот старик историю переселения передал именно так, как и докладчик».¹¹⁵

Приказом № 48 от 26 марта 1921 г. при ОБЛОНО была создана «Секция по разработке народного языка и литературы», к работе которой 27 марта был подключен и Цоцко Амбалов (1 сентября того же года деятельность «Секции» приостановили).

На заседании Правления Общества 12 января 1922 г. был рассмотрен следующий вопрос:

«3 — Участие Осетинского Историко-Филологического Общества в чествовании Цоцко Амбалова».

Постановили:

«1 — принять самое активное участие в чествовании Цоцко Амбалова по случаю 25-летия его общественной и литературной деятельности;

2 — приподнести ему от имени Общества адрес; адрес прочитать на чествовании; составление адреса поручить Б. А. Алборову.

3 — избрать его пожизненным членом Общества;

4 — назначить особое заседание, где заслушать доклад о произведениях Цоцко Амбалова со стороны, главным образом, языка;

5 — составление доклада поручить Г. Г. Бекоеву».¹¹⁶

Таким образом, устанавливается, что именно Ц. Б. Амбалов был первым избранным пожизненным членом Общества, в то время как в последующих свидетельствах единственным пожизненным членом Общества назывался посмертно Е. Ц. Бригаев (умер 25 сентября 1923 г.). В качестве гостя Ц. Б. Амбалов 12 февраля 1922 г. вновь участвует в обсуждении доклада комиссии по осетинской графике на заседании Правления Общества.¹¹⁷ Приказом ОБЛОНО № 91 от 6 октября 1922 г. Цоцко Амбалов был назначен на должность запасного учителя.¹¹⁸

17 ноября 1922 г. Ц. Б. Амбалов на общем собрании Общества прочел свой перевод с русского языка на осетинский язык «Вильгельма Телля». После непродолжительных обсуждений было вынесено постановление: «Перевод признать блестящим и одобрить к печатанию». Перевод Цоцко Амбалова был отме-

чен и в отчете Общества за 1922 г.¹¹⁹ В приложении к отчету указывалось:

«XIV. Чтение перевода Цоцко Амбалова на осетинский язык «Вильгельм Телль».

Заслушан блестящий перевод на осетинский язык произведения ШИЛЛЕРА «ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ».

Перевод сделан Цоцко Амбаловым с русского языка, а не с немецкого. Этим объясняются недочеты в переводе, какие могут обнаружиться при сравнении его с оригиналом.

После непродолжительных прений, Правление постановило: перевод признать блестящим и одобрить к напечатанию».¹²⁰

Сведения о переводе Ц. Б. Амбалова были также отражены в кратком отчете Общества в Наркомпрос ГССР от 19 апреля 1923 г.¹²¹

9 февраля 1923 г. на заседании Правления Общества состоялось:

«VIII. Чтение двух сказок, записанных Цоцко Амбаловым на осетинском языке. Цоцко Амбаловым прочтены две осетинские, только что записанные им сказки. Сказки выслушаны с большим удовольствием». Было принято решение: «Выразить Цоцко Амбалову благодарность за доставленное удовольствие».¹²²

17 февраля 1923 г. Цоцко Амбалов участвует в заседании Правления Общества, на котором обсуждается зачитанный Б. А. Алборовым доклад «Вторая глава осетинской грамматики».¹²³ В протоколе № 3 этого заседания отмечается:

«Цоцко Амбалов полагает, что сначала необходимо продумать работу до конца, а потом предложить вниманию Правления или общего собрания результаты, чтобы сообща внести те или иные изменения. В частности, для флексии он предлагает воспользоваться словами: *fælivæn, vajæn, ivæn*».

На этом же заседании состоялось:

«II. Чтение Цоцко Амбаловым двух сказок на осетинском языке: «*Rony arhaw*» и «*Ruvæs æmæ wærdzdy arhaw*». Сказки выслушаны с большим удовольствием. Обращено внимание

на метод записи Цоцко Амбаловым памятников устного народного творчества: Цоцко Амбалов не записывает, по его собственным словам, дословно, как передает певец или сказитель, а прослушивает от начала до конца, отмечая этапы сказания, а также те обороты речи и слова, какие он слышит впервые или же являются характерными для сказителя.

В силу этого сказания, записанные Цоцко Амбаловым, приобретают до некоторой степени личный колорит. Что же касается личности сказителя, то она отступает на второй план». Было принято решение:

«1) Выразить Цоцко Амбалову свою благодарность за доставленное удовольствие;

2) Просить Цоцко Амбалова, по возможности, записывать народные сказания дословно, не внося от себя ничего и не сглаживая отдельных моментов».¹²⁴

3 марта 1923 г. Цоцко выступил на заседании Правления Общества, проходившем в канцелярии Общества, с докладом «Переход в осетинских общественных учреждениях с русского языка на осетинский»:

«Докладчик в своем докладе развил следующие положения:

1) власть заговорит с народом на его языке, что, в свою очередь, поднимет значение языка

2) появится спрос на литературу, а это, в свою очередь, даст толчок к развитию литературы...

Цоцко Амбалов указывает на то, что в этом вопросе важно быть солидарным с нашими товарищами, состоящими членами партии РКП...

Цоцко Амбалов свидетельствует два факта:

1) На всех Съездах осетинского народа всегда требовали, чтобы ораторы говорили на осетинском языке;

2) Комсомол и другие молодые организации прения ведут на осетинском языке, и у них получается и гладко и хорошо, но когда протоколы пишутся на русском языке, то никто в них ничего не разберет, так как большинство плохо владеет русской речью».

Было принято решение:

- «1) Доклад сделать предметом обсуждения общего собрания;
- 2) Докладчиком выдвинуть Цоцко Амбалова;
- 3) Содокладчиком назначить А. А. Тибилова;
- 4) Привлечь на собрание побольше лиц».

На том же заседании после доклада Г. Г. Бекоева «Связь Осетинского Историко-Филологического Общества с местами» сам докладчик «Г. Г. Бекоев предлагает сделать извлечения из устава Осетинского Историко-Филологического Общества и разослать на места: перевод поручить Цоцко Амбалову.

Цоцко Амбалов предлагает связаться на местах с партийными организациями».

В связи с вопросом «распределения 1.000 рублей, полученных Осетинским Историко-Филологическим Обществом от Наркомпроса ГССР на запись памятников народного творчества (по ассигновке № 644/1297 от 28 февраля 1923 г.), Президиум Правления предложил распределить эту сумму следующим образом:

- ...
- 2) Цоцко Амбалову — 250 р. (за запись народных сказаний) ...». ¹²⁵

11 марта 1923 г. Цоцко выступил со своим докладом на общем собрании Общества. В конечном итоге, было принято решение, что такой переход необходим в целях развития осетинского языка и литературы. Решение было доведено до сведения Окрпарткома и Окрисполкома. Было также решено вести заседания и дела Общества на осетинском языке.

Приказом ОБЛОНО № 49 от 28 марта 1923 г. запасной учитель Ц. Б. Амбалов был освобожден от занимаемой должности с 1 марта текущего года и зачислен членом литературной секции при Осетинском отделе Народного образования.¹²⁶ 30 марта 1923 г. в Наркомпрос Горской республики поступили переводы Цоцко Амбалова с кратким отзывом на них и с сопроводительным письмом, в котором указывалось:

«Правление Осетинского Историко-Филологического Общества полагает необходимым и полезным приобрести означенные переводы и издать их для снабжения ими школ».¹²⁷

В том году в Осетии записями устного народного творчества осетин занимался преимущественно Ц. Б. Амбалов. На заседании Правления Общества 24 мая 1923 г. отмечалось:

«С 3-го по 22-ое мая с. г. Цоцко Амбалов и Г. Гуриев производили записи народных сказаний от Бидзиго РЕВАЗОВА; он родился в Ардоне; сейчас ему 71 год ... Всего Бидзиго рассказал 69 сказаний, из которых 10 записал Г. Гуриев, а 59 — Цоцко Амбалов. Все записанные сказания занимают 627 листов ... ».¹²⁸

Об условиях проведения записей свидетельствует записка от 23 мая 1923 г., направленная в Наркомпрос Горреспублики от имени Общества:

«С 3-го по 22-е мая с/г. (в течение 20 дней) Секция по разработке родного языка и литературы и Осетинское Историко-Филологическое Общество были заняты записыванием па-

мятников устного народного творчества от семидесятилетнего старика Бидзико Ревазова, жителя сел. Ардон. Записано около 1000 страниц (в поллиста).

Запись производили член Секции Цоцко Амбалов и член Осетинского Историко-Филологического Общества Г. Гуриев.

На этого старика израсходованы следующие суммы:

- 1) Обед, чай утром и вечером,
считая по 40 рублей в день..... 800 руб
- 2) Подарки старику:
шапка..... 650
сапоги..... 510
верхняя рубашка и брюки 1000
- 3) Фотография..... 200
- 4) Дорога туда и обратно 200

Означенную сумму прошу отпустить из средств, имеющих-ся в распоряжении Наркомпроса ГССР, на имя Осетинского Историко-Филологического Общества».¹²⁹

Проделанной работе затем был посвящен доклад Г.А. Дзагурова «Сборник осетинских народных сказаний, записанных Цоцко Амбаловым и Г. Гуриевым от Бидзико Ревазова». Информация о записях исследователей была дана в № 138 газеты «Горская Правда» за 22 июля 1923 г. В 1924 г. в газете «Рæстдзинад» была опубликована небольшая статья о работе ОИФО, в которой указывалось:

«Қордв афæдзв кўств твнғ звнарһ фæллој бакодта Цоцко Амбалтв. Цоцко нвффвста 69 таурæһв 350 лїствл, зæронд лæг, Реуæзтв Бвдзвгојв радзврдæј».¹³⁰

Приказом ОБЛОНО № 109 от 1 сентября 1923 г. литературная секция при Осетинском отделе Народного образования была упразднена, а Ц.Б. Амбалов восстановлен в должности запасного учителя.¹³¹ В конце сентября 1923 г. председателю Общества Г.А. Дзагурову поступили предложения прочесть лекции на курсах школьных работников Южной Осетии. Он обратился с запиской к председателю Осокрисполкома о выдаче ему аванса на поездку в Южную Осетию, отмечая, что «...

со мной едет еще Цоцко Амбалов». ¹³² В том же году по просьбе Юго-Осетинского Научно-Литературного Общества ему были высланы от ОИФО издания осетинских авторов, в том числе и Цоцко Амбалова. ¹³³

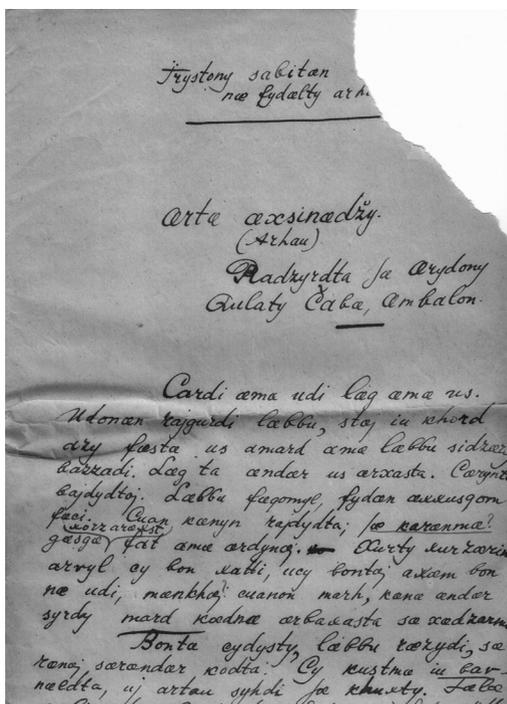
9 октября 1923 г. состоялось заседание Северо-Кавказского Института Краеведения, первым вопросом повестки дня которого стала организация торжественного чествования памяти Е. Ц. Бритаева. Был избран комитет по подготовке, в который вошли представители института, ОИФО и Осетинского Литературного Общества. 16 октября 1923 г. состоялось заседание данного комитета, в котором участвовали и другие лица, в том числе Ц. Б. Амбалов. Было принято решение устроить чествование 28 октября 1923 г. в 11 часов, издать сборник, посвященный памяти писателя, в 1 печатный лист, на осетинском языке. Редакция и издание сборника были поручены Г. Ф. Баракову, Ц. Б. Амбалову и М. Ю. Гадиёву. Кроме того, Ц. Б. Амбалову поручалось «... чтение 1-го акта «Амирана» (на осетинском яз.)». ¹³⁴

6 ноября 1923 г. Цоцко принимает участие в заседании Правления Общества, на котором обсуждается доклад Б. А. Алборова «Борьба за высшую педагогическую школу во Владикавказе». 30 декабря 1923 г. на общем собрании Общества был заслушан доклад Г. А. Дзагурова «Осетинский пастушеский счет». В результате его обсуждения было принято решение:

«3) для согласования дигорской системы счета с иронской избрать комиссию в составе следующих лиц: Н. Джиоева, Гино Баракова и Цоцко Амбалова». ¹³⁵

В феврале 1924 г. Г. М. Цаголовым было составлено для предоставления местной осетинской интеллигенции 12 опросных листов по вопросу наличия кратких и долгих гласных в осетинском языке. Одним из участников данного исследования стал и Ц. Б. Амбалов. Им же для исследования Г. М. Цаголова осетинского стихосложения была произведена скандировка стихотворений К. Л. Хетагурова. ¹³⁶

25 февраля 1924 г. Цоцко Амбалов записывает в Беслане от сказителя Сандро Сидакова несколько нартовских сказаний.

Ему также выдаются незначительные суммы «на расходы на содержание» данного сказителя.¹³⁷ По имеющимся архивным данным, в первой половине 1920-х гг. Цоцко Амбаловым были произведены записи нартовских сказаний со слов Д. Кулаева, Б. Ревазова, Б. Урумова, С. Урумова, Д. Хапсаева, Ц. Дзугаева, А. Газзаева, С. Сидакова. Им также записываются сказания о даредзанах и др.¹³⁸ В

отчете только образованного Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения за период с 1 марта 1925 г. по 1 октября 1926 г. отмечалось, что в его архиве находятся «... многочисленные тексты народных сказаний (до 200 печатных листов), записанные Михаилом ГАРДАНОВЫМ, Гр. ДЗАГУРОВЫМ, Г. ГУРИЕВЫМ, Ц. АМБАЛОВЫМ...».¹³⁹

В том же году на одном из заседаний Общества Цоцко зачитывает первый акт драмы Елбыздыко Бритаева «Атуган», которую он лично и переписывает.¹⁴⁰ Приказом № 62 ОБЛОНО от 9 июля 1924 г. запасной учитель Цоцко Амбалов был командирован в Алагирское ущелье Северной Осетии и в Южную Осетию для записи этнографических сведений с 10 июля 1924 г. (согласно командировочному листу, Ц.Б. Амбалов прибыл в Нарский приход 15 июля). Им было получено соот-

ветствующее удостоверение и впоследствии составлен отчет о проделанной работе.¹⁴¹

Он продолжает записывать памятники устного народного творчества осетин, что в очередной раз отмечается Обществом. В том же 1924 г. Цоцко представит Обществу и свой перевод произведения Мольера (Жан Батист Поклен) «Врач поневоле» («Æпæбару Леçхур»), на который Н. Б. Газдановой была составлена рецензия, а Общество обсудило вопрос о выкупе данного перевода.

На Учредительном Съезде Горских Краеведческих Организаций, ставившем целью создание Ассоциации Северо-Кавказских Горских Краеведческих Организаций и проходившем 5-8 сентября 1924 г. в г. Махач-Кала, Ц. Б. Амбалов, представлявший Осетинское Литературное Общество, был избран членом Ревизионной Комиссии. На этом съезде представлявший ОИФО Г. Г. Бекоев отмечал: «Особенное значение Общество придавало и придает собиранию памятников устного народного творчества, которых в данный момент накопилось в Архиве Общества громадное количество. Одним Ц. Амбаловым записано 69 сказаний».¹⁴²

Эти 69 сказаний были записаны на 700 страницах. Следует, видимо, отметить, что за период 1924-1927 гг. трудами осетинских исследователей было собрано и составлено 200 печатных листов записей памятников устного народного творчества. Из них 100 печатных листов Академия Наук внесла в список изданий, имеющих международное значение. Возможно, приведенные выше воспоминания Е. А. Амбаловой о возвращении Ц. Б. Амбалова из Баку, которые она датирует 1912 г., относятся именно к данным событиям.

Приказом № 12 ОБЛОНО от 23 сентября 1924 г.¹⁴³ Цоцко Амбалов был включен в Терминологическую комиссию при ОБЛОНО для перевода различных терминов на осетинский язык (комиссией было отработано около 1200 терминов). В 1924 г. в берлинском издательстве Е. С. Гутнова выходят в свет нартовские сказания, записанные Цоцко Амбаловым. Их пу-

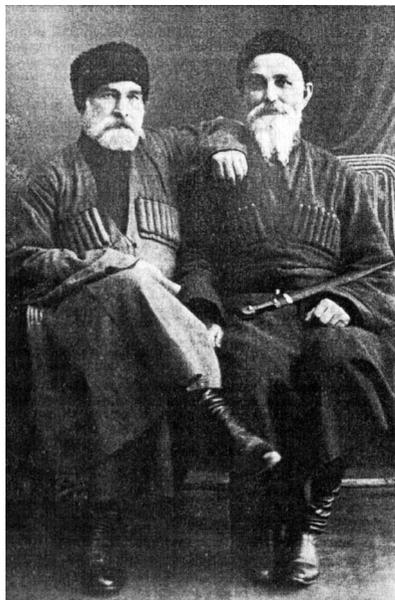
бликации был посвящен специальный доклад Б. А. Алборова «Нартовские сказания в записи Цоцко АМБАЛОВА (издание ГУТНОВА в Берлине)» на заседании Правления Общества 8 ноября 1923 г., проходившем в библиотеке Общества (квартира Г. А. Дзагурова на ул. Ленина 26). Одним из положений, высказанных докладчиком, было признание необходимости «использовать ГУТНОВА в издательских целях...». На том же заседании «Цоцко АМБАЛОВ рассказал, как он записывал нартовское сказание «Собрание Нартов» (Narty æmbyrd), он не отрицает, что подверг сказание литературной обработке, но фактов не извратил».¹⁴⁴

В том же году в берлинском издательстве Е. С. Гутнова публикуется и переведенный на осетинский язык Цоцко Амбаловым «Вильгельм Телль». О значении данного перевода и его издании прекрасно сказал Цомак Гадиев:

«Осетинский переводчик взял для своего перевода прозаическую форму, и это обстоятельство мы считаем целесообразным... Необходимо отметить, что перевод сделан в высокой

степени просто и художественно и... что необходимо прибавить, чистым осетинским языком. Цоцко Амбалов, один из лучших знатоков осетинской речи, показал, что он умеет переводить не только сказки для детей и отрывочества, но и классические произведения для молодежи и взрослых, и не только эпические вещи, но и драматические...

В заключение нельзя не принести дани уважения «подвигу» переводчика и признательности издателю, и нельзя не пожелать возмож-

но широкого распространения издания. Первый перевод крупного литературного произведения на один из горских языков пусть послужит стимулом для переводной работы среди горских народов, а работы в этой отрасли еще непочатый край».

Цомак Гадиев отмечал:

«Большую и ценную работу проделал Ц. Амбалов. Он на чистом осетинском языке открыл красивые и вечно живые мысли Шиллера об унижении народа, о храбрости народа... Большое, трудное и ценное дело сделал Цоцко для литературы и для народа тем, что перевел «Вильгельм Телль» на осетинский язык».¹⁴⁵

Статья Цомака Гадиева о переводе Ц. Б. Амбаловым «Вильгельма Телля» была опубликована и в газете «Рæстдзинад».¹⁴⁶

Георгий Цаголов пишет предисловие к переводу на русском и осетинском языках.¹⁴⁷

Андрей Гудуев имел все основания тогда же писать «... о переводческой деятельности маститого Цоцко Амбалова, ко-

торый переводит на осетинский язык произведения, имеющие мировое значение, с строгим разбором...».¹⁴⁸

Сам Ц. Б. Амбалов в рукописном предисловии к изданию, составленном в январе 1924 г. во Владикавказе, так определял задачи своего перевода:

«Сочинение это переведено на все языки образованных народов. И везде оно пользуется одинаковой любовью.

Любят это произведение везде так потому, что оно оставляет в уме и сердце человека много хорошего, светлого, бодрящего.

Я хочу, чтобы это же хорошее, светлое и бодрящее впитывал в себя постоянно и наш народ в своих бедных аулах и суровых ущельях, а потому перевел книжку эту на осетинский язык.

Но эта моя задача осталась бы невыполненной, как следует, если бы мне на помощь не пришел Ельбуздук Гутнов, наш земляк, заброшенный судьбою еще при царизме в далекую Германию. Любя свой народ, он не пожалел труда и расходов и на свои средства издал эту книжку.

Я приношу ему за это здесь свою глубокую благодарность...

Такую же благодарность я приношу и д-ру фил. В. Бруну, любезно взявшему на себя труд написать для настоящей книжки предисловие и разрешившему воспользоваться иллюстрациями...».¹⁴⁹

В том же году Гагудз Гуриев издает букварь для начальных классов осетинских школ. Вторую часть букваря открывает подписанное Цоцко стихотворение «Skholamæ»,¹⁵⁰ которое считают переводом с русского языка на осетинский язык стихотворения неизвестного автора.

В 1925 г. в типографии Евгения Соломоновича (Елбыздыко Сосыкович) Гутнова публикуется его перевод произведения В. Г. Короленко «Сон Макара», который был высоко оценен в одной из публикаций в № 1 альманаха «Зиу» в том же году:

«Ævædzi Cocko «Makhari fun» niffinsta ragi, kæd gebpiuahd nur ærcudæj, næddær.

Е vzagi ræsuḥddzinædæ, ændæræ ænæoj ba nuri logæn bazæronḍ æj «Makhari fun» æma nekæci iron kiunuggæsæg esti zund rajdzænæj omaj...

Qæbær xwarz ke zonuj Cocko iron ævzag, oj æcægḍzinædæj, bavḍista «Makhari funi». Lægæn evzag ræjxalunmæ æma cirhkænunmæfæuodzænæj. Cockoj kiunugæ ustur ahaz».¹⁵¹

Г. Г. Бекоев в своей рецензии отмечал:

«Cocko Æmbalṭy является большим мастером родного языка. Это бесспорно, и в данном случае нужно обратить внимание не столько на язык перевода и его соответствие оригиналу, сколько на выбор самого материала, сделанный переводчиком. И тут следует прямо сказать, что для перевода на наш язык он выбрал именно то, что нужно, необходимо. Несомненно и то, что при выборе материала он руководился личным вкусом и мировоззрением...

Как человек по преимуществу гуманный, Цоцко Амбалов живейшим образом интересуется всеми движениями души загнанного, лишенного даже национальной физиономии несчастного Макара. Это, конечно, не случайно. Есть, безусловно, некие нити, перекинутые из далекой сибирской тайги в нашу беспросветную горскую действительность. Этим главным образом можно объяснить ту задушевность, мягкость, которыми отличается перевод. И требование правды и справедливости, предъявленное Макаром к великому тайону, живо трогает нашего переводчика, именно как человека, кровно связанного с жизнью нашего народа, на который валилось тоже достаточное количество шишек.

При той скудости материала для чтения, которая особенно остро ощущается в нашей школе, появление таких переводов, как «Makhary fun», нужно приветствовать, как большое приобретение».¹⁵²

Следует иметь в виду, что и другие ранние издания осетинской литературы в Берлине на осетинском или на русском языках осуществлялись по распоряжению Наркомпроса ГА ССР, т. к. собственная полиграфическая база во Владикавказ-

ском (Осетинском) округе была ограниченной. Переписку с берлинским издателем Е. С. Гутновым (в самом Владикавказе в 1931 и 1935 гг. были изданы его переводы на осетинский язык произведений А. П. Чехова «Каштанка», Д. Р. Киплинга «Рики-Тикки-Тави» и др.) поддерживал и нарком просвещения А. В. Луначарский.

В 1925 г. Ц. Б. Амбалов издает «*Kananaju arhau*». В 1926/1927 г. Цоцко подарил библиотеке Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения часть своих книг.¹⁵³ В 1928 и 1930 гг. в свет вышли третья и четвертая части «Памятников народного творчества осетин». Первая из них была полностью составлена по фольклорным записям Цоцко, сопровождаясь, вступительной статьей, переводом и примечаниями Г. Г. Бекоева (вторая включала в свой состав среди других). Публикация записей Цоцко будет продолжена и в последующих изданиях «Памятников народного творчества осетин».

Особый интерес для характеристики Ц. Б. Амбалова вызывает вступительная статья Г. Г. Бекоева к публикации в первом номере «Памятников народного творчества осетин»:

«На ловца и зверь бежит», — говорит поговорка, и она в полной мере оправдывается на Цоцко в его деятельности по собиранию народных сказаний. Определенным образом направленное на народное творчество, его внимание представляет ему полную возможность всюду находить все новые и новые образцы этого творчества. Он иногда как будто случайно наталкивается на нужных ему людей, и этими случаями он пользуется неизменно. Встреча на «нихасе» со стариком бывалым, собранные по случаю похорон во дворе покойника, служебная поездка, случайный разговор со знакомой древней старухой, общение с учащимися в школе — все это было использовано Цоцко, не создавая специальной обстановки для записывания. Он тщательно датирует свои записи. По этим датам видно, что предлагаемые записи произведены на протяжении 1920-23 годов.

Это весьма характерно для Цоцко. В годы, когда все помыслы у всех были направлены к тому, чтобы как-нибудь сохранить свое физическое существование, когда вопрос о куске кукурузного хлеба становился вопросом жизни и смерти, когда, воистину, было не до песен и сказок старины, Цоцко остается упрямым «искателем жемчуга» в родной словесности.

Работу эту он выполнял по собственной инициативе и при этом совершенно бескорыстно. В выборе материала для записи он руководствовался личным чутьем...

Именно, он ищет в народном эпосе источник идеалов для нашего и будущего поколений, — ищет в нем то положительное в прошлой нашей жизни, которое достойно сохранения, но может исчезнуть под напором новых форм быта и новых идей...

Перед нами, прежде всего, не столько собиратель, объективно записывающий народные сказания, сколько своеобразный *сказитель*. И, как таковой, он, прежде всего, *сохраняет в неприкосновенном виде содержание записываемого народного сказания*. Таким образом записи сохраняют свое научное значение.

Цоцко, по его откровенному признанию, никогда не записывал со слов рассказчика, а писал услышанное *по памяти*. Иначе говоря, прирожденный народный певец и сказитель волею судеб оказался вооруженным культурными средствами для передачи тех духовных богатств, носителем которых он является, как подлинный народный поэт.

В этом отношении личность Цоцко глубоко интересна. В ней мы находим причудливое сочетание двух культур. С одной стороны перед нами человек интеллигентный, интересующийся вопросами науки, искусства и общественной жизни, имеющий обширные личные связи с деятелями в этих областях далеко и за пределами своей родины.

С другой стороны перед нами типичный осетин — горец, сохранивший лучшие традиции, обычаи своего народа, живущий одной с ним жизнью.

Можно положительно утверждать, что во всей Осетии (северной и южной) нет такого уголка, где бы ни видели Цоцко, где бы он лично не знал многих.

Всюду, куда бы он ни явился, его встречают, как друга, как близкого.

Не есть ли это тоже черта народного певца-сказителя — его подвижность, склонность к скитальческой жизни?

Идеалист — народник по идеологии, он в практической своей деятельности никогда не отступал от суровых требований этого идеализма. Он никогда не знал личной жизни. У него всегда на первом плане задачи общественные, главным образом, культурно-просветительные.

И едва ли мы ошибемся, если скажем, что, составляя настоящий сборник, Цоцко имел в виду дать подрастающему поколению материал для чтения на родном языке, — материал, в котором ощущается самый острый недостаток, особенно в школе. Уж одно это делает бесспорным значение настоящего сборника и появление его в печати реально полезным делом...».¹⁵⁴

Действительно, Цоцко Амбалов прошел большой и трудный жизненный путь, который полностью посвятил служению своему народу, его культурному и образовательному развитию. Он служил ему и тогда, когда, действительно, «... вопрос о куске кукурузного хлеба становился вопросом жизни и смерти». Последние слова отражали реалии той жизни. Например, после смерти Е. Ц. Бритаева за полным отсутствием средств его архив был приобретен за два мешка кукурузы, собранных членами ОИФО, которыми «заплатили» в порядке помощи семье писателя.¹⁵⁵

С 1925 г. в жизни Ц. Б. Амбалова наступил особый творческий период. Как уже отмечалось, еще до революции Цоцко принимал активное участие в работе В. Ф. Миллера над «Осетинско-русско-немецким словарем». По многим причинам работа над ним не была закончена, а после смерти В. Ф. Миллера в 1913 г., по личному распоряжению покойного, рукописные карточки, составленные для этого словаря, вместе с библиотекой В. Ф. Миллера поступили в Азиатский Музей Академии Наук.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В материалах архивного фонда Спб. Филиала Института востоковедения Российской АН имеются сведения о АМБАЛОВЕ Цоцко Бицоевиче, который в 1925-1932 гг. работал в Институте на договорных началах по составлению и подготовке к изданию Осетино-русско-немецкого словаря. В основном это-машинписные копии справок о его работе, а также его собственноручные счета за проделанную работу (ксерокопии 2-х счетов прилагаются).

Другими анкетно-биографическими материалами и рукописями его работы мы не располагаем.

Основание: Спб. отд. Архива Российской АН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 208, лл. 1-5, 8; оп. 3, ед. хр. 39; оп. 3а, ед. хр. 10, лл. 1-2; ед. хр. 13, лл. 1-2.

Заведующая канцелярией:

Сотрудник Архива востоковедов:

З. П. Круглецова

Н. Д. Путинцева

Его директор академик К. Г. Залеман решил издать словарь, чтобы увековечить имя автора и упрочить за ним славу основателя осетинской научной филологии. Но смерть самого К. Г. Залемана вновь прервала работу над словарем и помешала изданию. Новый директор Азиатского Музея С. Ф. Ольденбург возложил работу по изданию словаря на профессора А. А. Фреймана, который приступил к окончательной редакции словаря осенью 1923 г. Его основным помощником по работе с рукописью словаря В. Ф. Миллера тогда стал еще молодой В. И. Абаев.

А. А. Фрейман, занимаясь редактированием словаря и пополнением его словарного фонда, как ранее и В. Ф. Миллер, лично посетил весной 1925 г. Осетию и привлек к работе самих осетин. Особая и заслуженная роль в этом деле была отведена Ц. Б. Амбалову. По просьбе А. А. Фреймана, Цоцко в том же году был откомандирован Отделом Народного образования в Институт Востоковедения в Ленинграде. В 1926 г., в связи с 200-летним юбилеем Академии Наук, было принято решение издать вместе с другими посмертными трудами В. Ф. Милле-

институту
 Во исполнение Академии Наук СССР
 смет Цоцко Амбалова

Проститается мне за работу по под-
 готовке материала для Осетинского сло-
 варя сто двадцать пять (125) рублей

1977 3/17
 город, Сабин
 ул. Д. № 8, кв. 3

Рабочая Выпечкина
 1977 год. 5. Фрейман

Ц. Амбалов

24/10/77

институту Во исполнение Академии
 наук СССР смет Цоцко Амбалова

Следует мне за работу по под-
 готовке к печати и к печати корректуру
 Осетинского словаря сто двадцать пять
 (125) рублей.

Ц. Амбалов
 Рабочая Выпечкина
 А. Фрейман

1977
 город
 улица Фри-
 8, кв. 3

Копия
 востановлено
 ин. сб. СССР 152
 ф. 115/100 12
 от 1977 308
 11.2.3

ра и его словарь. Видимо, определенное влияние на принятие такого решения оказало и обращение Г. В. Баева в Академию Наук СССР с предложением о передаче рукописи словаря Берлинскому университету. Сами «литератор» Ц. Б. Амбалов и профессор А. А. Фрейман, согласно приложению к отчету за 1926/1927 г., состояли сотрудниками Культурно-Исторического отделения Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения.¹⁵⁶

Судя по всему, официальное оформление командировки Ц. Б. Амбалова для работы над словарем состоялось несколько позднее фактического ее начала. Уже на заседании Ученой Коллегии Института 4 июня 1926 г. был рассмотрен вопрос: «28. Подарок В. Абаева книга Клапрота, ч. I (на фран. яз.) и копия книги Гая». Было решено: «28. В. Абаеву выразить благодарность; также Цоцко Амбалову за книгу».¹⁵⁷ Но только на заседании Временной Ученой Коллегии института 23 сентября 1926 г. был заслушан вопрос «11. Об откомандировании научного сотрудника АМБАЛОВА Ц. в Ленинград». Постановили: «Откомандировать Научного сотрудника т. АМБАЛОВА Ц. в Ленинград для работы по изданию Словаря МИЛЛЕРА В. Ф. при Всесоюзной Академии Наук с сохранением содержания. Оплачивать т. АМБАЛОВУ по ставкам г. Ленинграда. Просить Облисполком об увеличении ставки т. АМБАЛОВУ до 150 р.».¹⁵⁸ Однако последняя просьба, видимо, не была удовлетворена, т. к. в отчетах по расходам за 1926-1928 гг. «Оплата командированного в Ленинград (80 руб. в месяц) — 960 р.»,¹⁵⁹ либо она была удовлетворена не в полной объеме, т. к. изначально месячный оклад научного сотрудника Ц. Б. Амбалова в 1925/1926 гг. составлял 55 руб. 25 коп.¹⁶⁰ Заметим, что зарплата Ц. Б. Амбалова равнялась стипендии, которую получали, например, студенты, учившиеся в центральных вузах страны по направлению из Области.

Видимо, следует отметить, что предоставление Обществу «копии книги Гая» должно касаться первой печатной книги «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания» (краткий катехизис), вышедшей в свет в 1798 г., в которой содержался перевод на осетинский язык с использованием кириллицы. Ее авторство долго приписывалось архимандриту Гайозу (Гай) Такаову (Такашвили, Нацвишвили, Бараташвили). Но также было высказано мнение, что ее действительным автором являлся сын священника, осетин Павел (Пауле) Генцауров (Кесаев).

Кроме того, на заседании Ученой Коллегии ОНИИК 21 августа 1926 г. был заслушан доклад Б. А. Алборова об обнаружении им в Духо-Сошестввенной церкви Моздока 500 экземпляров данной книги. В докладе указывалось, что по одному экземпляру данной книги хранилось у казака ст. Архонская Сокола и в Публичной библиотеке.¹⁶¹ Возможно, именно Ц. Б. Амбалов снял копию книги из Публичной библиотеки Ленинграда и впервые предоставил ее в распоряжение Общества, хотя в докладе Б. А. Алборова об этом факте не упоминается. Однако в его последующих публикациях сообщается, что экземпляры книги хранились в библиотеке Кавказского отдела Азиатского Музея АН СССР и в Ленинградской Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где он впервые с ней и познакомился в 1925 г.¹⁶² Несомненно, во время своей поездки в Ленинград А. Б. Алборов должен был встречаться с Ц. Б. Амбаловым и В. И. Абаевым, что подтверждается их известной совместной фотографией. Видимо, в ходе этих встреч вопрос о поисках первого печатного издания на осетинском языке не только обсуждался, но результатом такого обсуждения и явилось обнаружение этой книги и снятие с нее копии Ц. Б. Амбаловым, который, таким образом, и мог впервые познакомить с ней сотрудников Института.

В отчете Института за период с 1 марта 1925 г. по 1 октября 1926 г. отмечалось, что был рассмотрен вопрос «... об откомандировании научного работника АМБАЛОВА Ц. в Ленинград в распоряжение Союзной Академии Наук для работы по изданию словаря В. Ф. МИЛЛЕРА», «... был командирован в Ленинград научный сотрудник Института; этот сотрудник до выхода в свет словаря будет проживать в Ленинграде».¹⁶³

В отчете Института за период с 1 января по 30 июня 1927 г. отмечалось:

«В Осетинском Научно-Исследовательском Институте за указанное время постоянно работающих было 3 человека: 1) директор (вел текущую работу), 2) научный секретарь, разрабатывавший главным образом вопросы экскурсионного дела в

Осетии, и 3) научный сотрудник, который в Ленинграде, будучи туда командирован, принимал участие в работе по изданию Союзной Академией Наук осетинско-русско-немецкого словаря». Фактически, работа над словарем В. Ф. Миллера явилась первой в истории Института научно-исследовательской работой.

В отчете Института за период с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. отмечено:

«б) продолжено участие в работах по подготовке к печати осетинско-русско-немецкого словаря В. Ф. Миллера; один из научных сотрудников Института, командированный в Ленинград, пополнял словарь новыми словами и целыми фразами и держал корректуру издания».¹⁶⁴

Аналогичная информация содержится в обобщающем отчете Института за период с апреля 1925 г. по 12 мая 1928 г.¹⁶⁵ Работа над пополнением словаря и его корректированием значится и в планах работы Культурно-Исторического отдела (отдел культуры) института на 1928/1929 и 1929/1930 гг.¹⁶⁶

Сам А. А. Фрейман неоднократно отмечал, в том числе в предисловиях к выходявшим томам словаря, большое значение работы Цоцко при составлении словаря:

«Тогда же Цоцко Амбалов любезно согласился приехать в Ленинград для сотрудничества в работе во время печатания словаря, для каковой цели был командирован Северо-Осетинским Областным Отделом Народного Образования. Его постоянному дружескому участию в работе словарь в значительной мере обязан пополнением, особенно в отношении фразеологии».

«Редактор мог пользоваться таким прекрасным материалом, каким является речь Цоцко Амбалова».

«Цоцко Амбалов, постоянный сотрудник редактора с 1925 года, в 1932 году уехал в Осетию, но продолжал читать корректуры словаря».

О работе Ц. Б. Амбалова в Ленинграде осетинская общественность знала, например, из сообщения в газете «Рæстдзи-

над»,¹⁶⁷ а научная общественность — из публикации Д. А. Дзагурова.¹⁶⁸ Сам Цоцко внимательно следил за оценками издания словаря, о чем, например, говорит его рукописный перевод на осетинский язык одной из рецензий.¹⁶⁹ Постановлением комиссии по пересмотру штатов, организованной по постановлению Облисполкома и утвержденного Президиумом Облисполкома, с 1 апреля 1926 г. должности запасных учителей были упразднены, а для Ц. Б. Амбалова была создана должность научного сотрудника Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения (ОНИИК). Приказом № 80 ОБЛОНО от 1 апреля 1926 г. запасной учитель Ц. Б. Амбалов был переведен в Институт, где стал получать соответствующее содержание.¹⁷⁰

Следует отметить, что практически с первых лет своего существования ОНИИК будет рассматриваться ОГПУ-НКВД как один из центров сосредоточения «контрреволюционной буржуазно-националистической интеллигенции», а обвинения в «буржуазном национализме» будут преследовать сотрудников института долгие десятилетия. Так, в составленной не ранее 13 апреля 1928 г. «Записке» начальника информационного отдела ОГПУ Н. Н. Алексеева в ЦК ВКП (б) о политико-экономическом состоянии национальных областей Северного Кавказа (направлена в Орграспредотдел ЦК ВКП (б) в связи с подготовкой на Оргбюро ЦК вопроса о работе парторганизаций Северного Кавказа) указывалось:

«Идеологом движения по объединению (*Северной и Южной Осетий* — А. Т.) является Осетинский Институт Краеведения, ставший убежищем для всех быв. белых, безработных попов и всей старой реакционной интеллигенции. Из всех 60 человек, объединяемых институтом, почти нет ни одного, который в свое время не входил в состав партии «Коста» или «Осетинского Нац. Круга» (другое название партии «Коста»). Деятельность Института краеведения насквозь пропитана националистической идеологией и по сути дела является очагом националистического движения в Осетии. Издаваемые

периодические труды института, журнал «Известия Осет. Института краеведения», всецело проникнуты националистической идеологией. Лингвистическое отделение института «обогащает» осетинский язык древнеосетинскими словами, непонятными массе. В этом случае используется местная газета «Растзинат» (пользуется успехом среди осетинской эмиграции). Особенного внимания заслуживают устраиваемые открытые заседания института, привлекающие обычно от 100 до 200 чел. осет. интеллигенции. На этих заседаниях научные исторические доклады сплошь и рядом принимают форму откровенной проповеди национально-демократических идей. Обычно публичные доклады сопровождаются концертами, составленными также в строго выдержанном национальном духе.

Главным проводником националистической идеологии в массы является осетинское сельское учительство. Редкий сельский учитель-осетин не имеет у себя и не выписывает «Известия Института». Из общего состава осетинского учительства 70% падает на бывшее белое офицерство, непосредственно после разгрома белых устремившихся в аулы и постепенно приспособившегося к новым условиям. Наиболее горячими сторонниками националистических устремлений являются старые педагоги, почти сплошь настроенные реакционно. Незначительная часть учительства из середняцкого крестьянства, хотя и настроена лояльно к советской власти, но на деле плетется в хвосте у большинства. Отсюда крайне нездоровое положение осетинской школы... В систему самого преподавания внесен националистический элемент — изучение на первом месте осетинской истории и обучение детей песенкам поэта Коста».¹⁷¹

Сколько «карательных обвинений» заложено в данной «Записке» для будущей судьбы Ц.Б. Амбалова. Он долгие годы работал сельским учителем, и мог быть отнесен к «старым педагогам», был одним из главных организаторов «Круга Коста», охарактеризованного в «Записке» как «буржуазно-национально-демократическая партия», «возглавлявшая

белое движение в Осетии», был дружен с К. Л. Хетагуровым и много сделал для популяризации его произведений в Осетии, что в «Записке» может увязываться с «националистическим элементом» ...

Продолжая свою работу над словарем, Цоцко с 1927 г. начинает преподавать в Ленинградском государственном университете осетинский язык. 10 сентября 1927 г. он подает прошение в ОБЛОНО о выдаче ему для предоставления в университет удостоверения о его трудовой деятельности, которое ему выдается в тот же день.¹⁷² Г. А. Дзагуров так вспоминал об отъезде и работе Ц. Б. Амбалова в Ленинграде для работы над словарем В. Ф. Миллера:

«Президиум АН СССР это дело подготовки «Словаря» к изданию (пересмотр и пополнение его) поручил члену-корреспонденту Ак. Наук, профессору А. А. Фрейману, а одновременно он обратился к Президиуму Сев. Осет. Облисполкома за помощью в организации просмотра и пополнения «Словаря» до его издания в числе юбилейных изданий Ак. Наук СССР на месте, в Северной Осетии. От Президиума самостоятельно требовалось только обеспечить помещением и оплатить туда и обратно путевые расходы профессора А. А. Фреймана, который намечен к командировке для этой цели (просмотра и пополнения «Словаря») с помощью знатоков осетинского языка во Владикавказе. Президиум Северо-Осетинского Облисполкома, в свою очередь, возложил это дело на меня, как на Зав. Сев. Осет. Облоно. Профессор А. А. Фрейман прибыл во Владикавказ, и ему было отведено помещение в Учительском Доме ...

После шестинедельной работы... проф. А. А. Фрейман поставил передо мной вопрос о желательности командировки в Ленинград для пользы дела и в помощь ему Цоцко Амбалова ...

Для того, чтобы материально обеспечить Цоцко Амбалова на время пребывания его в Ленинграде, мне пришлось прибегнуть к хитрости. Смета Облоно была составлена, вследствие общей экономической слабости и бедности автономной обла-

Arystokratia tonynna

arystokrat - земляк
 tonyn - рваный, собирающий, ^{гарантия}
 tydton
 tynd
 toninag -
 Jarsy tynd myn akodta
 - dy jam gedyj (myxylt) arnad
 fakans, my dyn arsy tynd arad
 ny. amv bond - поровня
 ты затравиваешь его как
 котка, а он тебе царнаем
 по медведивому -
 iiffatt - откатишь, один раз
falnarjen - испытываешь, проб-
 вань
falnarston
falnarst
falnarcan - где испытывают,
 или испытывают, на
 кем испытывают.

сти, весьма жестко... Командировочных денег едва-едва хватало на командировки инспекторов Облоно для обследования школ. При таких условиях и думать нельзя было о командировке Цоцко... При Облоно было три штатных должности запасных учителей, свободных от всякой иной работы, кроме выполнения специальных поручений... Вот Цоцко был назначен мной запасным учителем и откомандирован в Ленинград в помощь проф. А. А. Фрейману. Запасным учителем он состоял почти два года (до 1927 г.), до того времени, пока штатная комиссия

не докопалась до моей хитрости, не раскрыла, что из себя фактически представляли штатные должности запасных учителей, и не ликвидировала их. Цоцко был лишен регулярно высылавшейся ему зарплаты запасного учителя, но тогда же с помощью А. А. Фреймана он был назначен лектором осетинского языка в Ленинградский Государственный Университет и продолжал помогать А. А. Фрейману в издании «Словаря» ...

Цоцко Амбалов придавал изданию «Словаря» Вс. Миллера фундаментальное значение, считал свое участие в судьбе «Словаря» своим долгом, считал, что он этим платит в какой-то степени свой долг родному, породившему его осетинскому народу. Это чувство исполненного долга перед народом долго согревало, давало Цоцко большое моральное удовлетворение, как человек открытой души, он не скрывал этого от других. Нужно подчеркнуть со всей прямоотой, что иронская часть «Словаря», дышащая и до сих пор духом Цоцко, не увидела бы, быть может, света и не имела бы того содержания, которое придал ему вклад, бескорыстно внесенный в него незабвенным Цоцко...».¹⁷³

В Ленинграде с Ц. Б. Амбаловым в 1928 г. впервые познакомился и подружился молодой студент, а в будущем известный ученый-кавказовед Л. И. Лавров, посещавший лекции Цоцко и много с ним общавшийся вне университетской аудитории. Б. А. Калоев отмечал:

«Многие ленинградцы — жители Васильевского острова долго помнили этого человека среднего роста с белой красивой бородой, всегда одетого в черкеску с кинжалом у пояса. В. И. Абаев, живший в те годы по соседству, большой друг Цоцко Амбалова, рассказывал, что тот, будучи прекрасным знатоком осетинского языка, который он преподавал студентам университета, всегда находился в окружении студентов, вместе с ними обедал в студенческой столовой... Л. И. Лавров... рассказывал мне, как однажды проходил по Невскому проспекту, и его остановил старик с белой красивой бородой в черкеске с кинжалом у пояса. Тот принял его за своего горца, поскольку на нем был бешмет, и спросил: «Ты зачем приехал?» ... Од-

нажды, проходя по длинному коридору университета, он опять встретился с Л. И. Лавровым, остановил его и спросил: «А ты что делаешь тут?». «Учусь» — ответил тот. Так они и подружались. Л. И. Лавров, по его словам, стал брать у него уроки осетинского языка, ходил на его лекции». ¹⁷⁴

Сам Л. И. Лавров в 1978 г. вспоминал:

«... я встретил на Невском проспекте бородатого горца в черкеске и с кинжалом на поясе...

Оказалось, что под его домотканой черкеской скрывается образованный человек, отличный педагог, большой знаток осетинского языка, собиратель фольклора, поэт и переводчик на осетинский язык произведений мировой литературы... Посещая его лекции, прогуливаясь с ним вечером по набережной Невы, посещая его скромную комнату на Петроградской стороне, все больше и больше обнаруживал в нем не только содержательного и умного человека, но и скромного, обаятельного и настоящего гуманиста. Студенты любили его за добрую душу и шуточный нрав и постоянно окружали его в университете, читальном зале и студенческой столовой, где он всегда питался...

Ходил он обычно спокойно, не спеша, даже чуточку важно и всегда прямо держал голову, покрытую старенькой лохматой папашой. Всех студентов он называл только по имени и требовал, чтобы и они называли его просто Цоцко. Если, идя рядом, я оказывался правее его, он отстранял меня рукой и говорил:

— Ты еще молод ходить справа!

У Цоцко не было семьи. После каждой получки он отправлялся в студенческие общежития Ленинграда и студентам-осетинам совал в руки деньги.

Оригинален он был и как педагог. Чтобы научить студента правильному произношению осетинских звуков, он заставлял его закрыть глаза и вслед за собой медленно повторять одно и то же слово. При этом он наклонялся над самым ухом студента и сердился, если тот открывал глаза.

Он часто декламировал нам отрывки из стихов Лермонтова, Пушкина и, особенно, из поэмы Шевченко «Кавказ». Однажды он сказал мне:

Maguury Zarog

Adaman se esukha uotta
garmoj rajastoj laumyne,
madden-ta na synellotta
Zabal lagoty konyne.

Adaman se lunddonty gant
faata, khadabotta faay,
madden-ta na godygy uast
mardyl kauogon gusy...

Adaman se esadzyn fyatle
caroj fanyma tadzine;
madden-ta xolynbydytta;
lary astatte konyne...

Adaman se fazzedzy kuyt
ne ssy afodzme kuyroj,
madden-ta na afodzy nyad
Zasoj in xoy kafoj...
Khosta.

Lening Savar

17 / 11 - 28 az

Sablou yng 8, 3 cor.

— Я очень люблю «Кавказ» Шевченко, и мне хочется перевести эту поэму на осетинский язык. Но, из-за плохого знания украинского языка, мне трудно это сделать. Помогите мне, Леонид, в этом деле, ведь украинский язык тебе родной!

И мы приступили к работе. Мое участие в этом ограничивалось, собственно, только дословным переводом текста на русский язык и последующей записью под диктовку Цоцко его предварительного прозаического перевода на осетинский язык. Наша работа не была закончена ... ».¹⁷⁵

По воспоминаниям А. Гулуева, на своих занятиях Ц. Б. Амбалов особое внимание уделял «Ирон фандыр» К. Л. Хетагурова.

В данной связи вспоминаются и слова В. И. Абаева:

«Я знал несколько человек, которые были современниками Коста и общались с ним. Среди них Цоцко Амбалов, человек изумительной душевной доброты и красоты ...

В 1925-1932 годы Цоцко жил в Ленинграде. Он помогал Академии Наук издать «Осетинско-русско-немецкий словарь» Всеволода Федоровича. В эти годы мы с ним встречались чуть не каждый день и, несмотря на разницу в возрасте, крепко сдружились. И каждый раз, когда я пожимал руку Цоцко, я думал о том, что эта самая рука пожимала также руку, написавшую «Ирон фандыр». И эта мысль наполняла меня каким-то благоговением, и сам Цоцко становился еще дороже. Через него, слушая его воспоминания о Коста, я сам как бы входил в контакт с величайшим сыном нашего народа ... ».¹⁷⁶

Б. А. Калоев оставил нам воспоминания о встрече с В. И. Абаевым 23 апреля 1994 г.: «Васо рассказывал, что впервые познакомился с Цоцко Амбаловым в

Ленинграде, когда Цоцко приехал туда по делам издания словаря В.с. Миллера. «А, ты, значит, кобинец? «Къобы хъалтæ?» (горделивые кобинцы) — так вас зовут!» — сказал Цоцко».

При встрече 15 октября 1996 г. В. И. Абаев вновь вспомнил о своем старинном друге:

«Потом почему-то вспомнил о своем друге Цоцко Амбалове, большой портрет которого висел на стене его кабинета. Мне уже было известно, что Ц. Амбалов несколько лет жил в Ленинграде на Васильевском острове, занимаясь академическим изданием Миллеровского словаря. Он привлекал к себе внимание тем, что ходил в черкеске с газырями на груди и кинжалом. Среднего роста, с красивой белой бородой, Цоцко появлялся везде в этом костюме. «Его, — говорил Васо, — с восторгом особенно встречала студенческая молодежь Ленинградского университета, на восточном факультете которого он читал курс осетинского языка». По словам Васо, Цоцко обедал только в студенческой столовой. Придя в столовую, он рассказывал, что Цоцко становился в центре зала и произносил: «Бог одна, вера один, кушать хотим». Его встречали с восторгом и сажали на почетное место».¹⁷⁷

Отношения между Ц. Б. Амбаловым и В. И. Абаевым во время их работы в Ленинграде были достаточно тесными и открытыми, о чем могут свидетельствовать даже короткие отрывки из писем иных лиц к В. И. Абаеву. Так, например, в одном из своих писем известный осетинский кавказовед Г. А. Кокиев просит В. И. Абаева передавать «привет Цоцко».¹⁷⁸ В письме от 28 марта 1927 г. одного из членов осетинского землячества Ленинграда говорилось:

«Дорогой Васо!

Не так давно мы все были встревожены слухами о твоей болезни... Я написал тебе письмо, адресованное в Коби. Письма этого ты не получил, судя по ответу Цоцко. От него же я узнал о том, что слухи были сильно преувеличены, и что болезнь не вызывает в тебе особенных опасений... От Цоцко я узнал, что ты переселился сейчас в Цхинвал...».¹⁷⁹

В воспоминаниях от 26 июня 1975 г. Ираклия Абаева, учившегося с 1925 г. в Ленинграде, приводятся следующие сведения:

«При Доме народов Востока было организовано осетинское землячество, где собиралась осетинская молодежь. В землячестве я узнал, что в Ленинграде в Академии Наук находится Цоцко Амбалов, который поддерживает связь со студентами и помогает им своими мудрыми советами, оказывает материальную помощь нуждающимся. Узнав, что в этнографическом театре выступают ансамбли песен и танцев всех народностей СССР, я решил тоже собрать из способных студентов певцов и танцоров. По этому вопросу я решил обратиться к Цоцко за советом. Выслушав меня, он одобрил мою идею, но предупредил о том, чтобы это увлечение не отразилось отрицательно на нашу учебу. Дав обещание, что все будет в порядке, мы, несколько активистов, приступили к отбору участников ансамбля..., составили список будущих участников ансамбля. С этим списком я пошел к Цоцко для ознакомления его с участниками ансамбля. Он подробно интересовался каждым, и, в частности, о том, как учится каждый, и только после этого благословил нас. После ряда выступлений ансамбля Цоцко пришел в театр с академиком Фрейманом и учителем Пора Джигоевым... После выступления ансамбля Цоцко поднялся на сцену, поздравил нас с успешным выступлением, дал конкретные полезные советы... Студенты именовали его "отцом студентов"». ¹⁸¹

Сведения о деятельности Ц.Б. Амбалова были кратко, в диктуемой энциклопедическим изданием форме, приведены И. Абаевым:

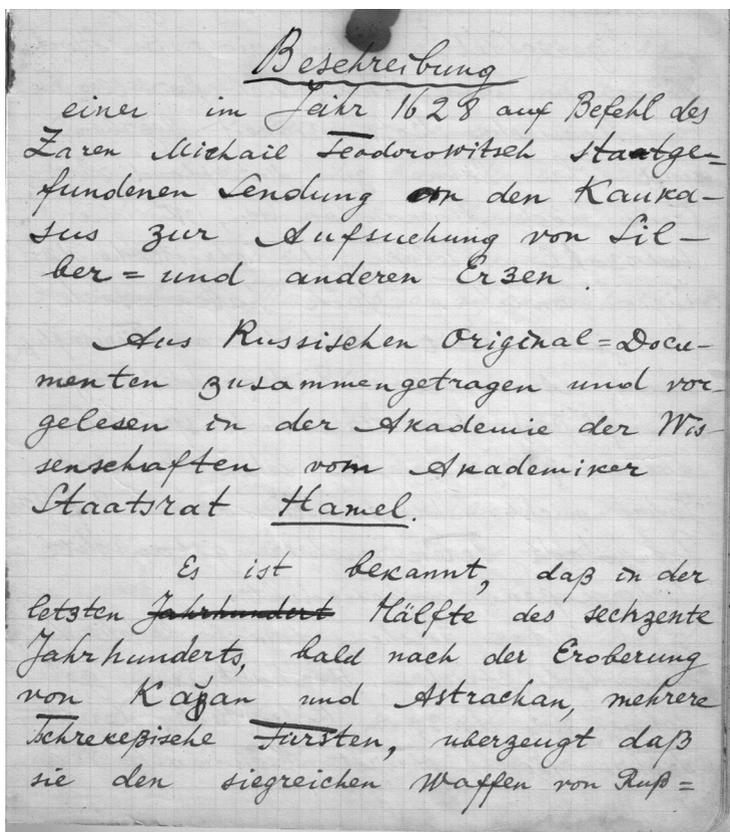
«Амбалов Цоцко — осетинский писатель. В течение 30 с лишком лет работает над развитием осетинского яз. и осетинской лит-ры, состоя преподавателем Ленинградского университета. А. знает вся Осетия, как северная, так и южная. Он является автором целого ряда оригинальных рассказов и сказок с заимствованным народным содержанием. С именем А. связан также ряд крупных переводных произведений русской и миро-

вой лит-ры. Для перевода на осетинский яз. А. брал из мировой лит-ры такие произведения, к-рые по своей идеи являются близкими и легко доступными пониманию осетина-читателя. Легкость стиля и живость яз. в переводных произведениях А. стусшевывают иностранный колорит, подчас сближая его с родным осетинским. Самое крупное произведение А. — «Сборник осетинских народных сказаний». Один из недостатков записи народных сказок А. — субъективность и недословная запись. В последнее время этот недостаток устранен благодаря указаниям Северо-осетинского научно-исследовательского института. Запись произведений народного творчества А. производил преимущественно в сел. Ардон от 71-летнего Ревазова Бидзиго».¹⁸²

В той же энциклопедии Цоцко Амбалов фигурирует первым среди «наиболее активных собирателей осетинского фольклора», а также как переводчик.¹⁸³

Цоцко не только превосходно переводил произведения художественной литературы. Он с не меньшим блеском переводил и научную литературу, которую считал полезной и судьбоносной для своего народа. Он всегда и везде искал такую литературу. Так, во время своей работы в Ленинграде он подружился с известным кавказоведом Анатолием Нестеровичем Генко. От него он узнал, что в архиве Азиатского Музея хранится «Дневник» русского офицера Л. Л. Штедера, побывавшего в Осетии в 1781 г.

Ознакомившись с «Дневником» и убедившись в его научной ценности, Цоцко первоначально сделал из него интересные его выписки. В 1932 г. он перевел его с немецкого языка на осетинский, подготовив к изданию.¹⁸⁴ Одновременно им были сделаны аналогичные выписки (окончены 5 июля 1932 г.), а затем и перевод в 1933 г. еще одного интересного исторического документа — «Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 г. по приказанию Михаила Федоровича для отыскания серебряной руды. Составлено из подлинных документов и читано на заседании Имп. Ак. Наук 10 июня 1829 г. акаде-

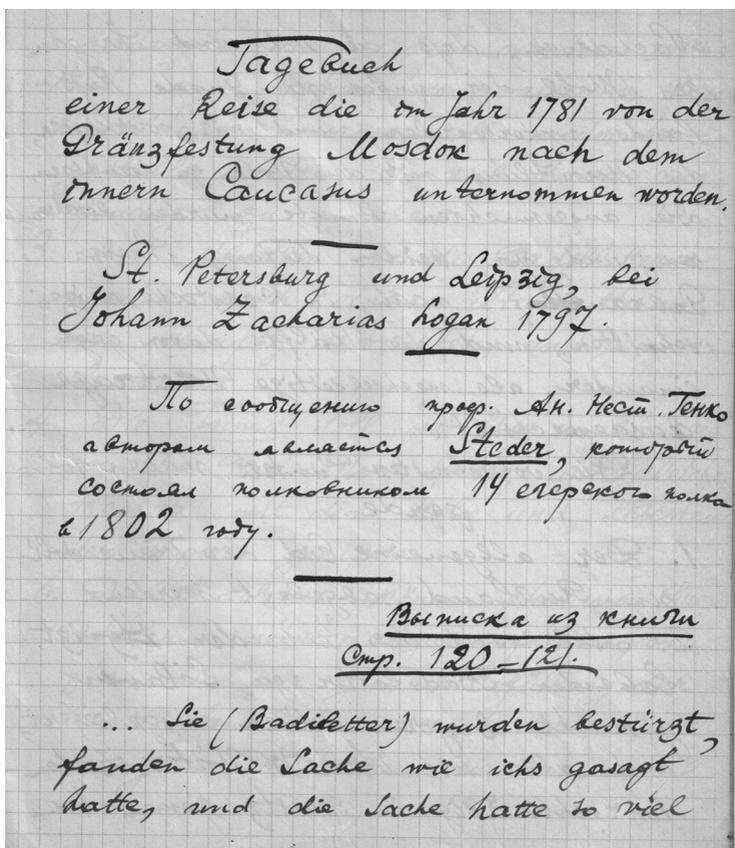
миком, статским советником Гамелем по случаю отправления ученой экспедиции на Кавказ». ¹⁸⁵ К сожалению, оба перевода так и не были опубликованы. Интересно, что сам А. Н. Генко широко использовал свой перевод на русский язык «Дневника» Л. Л. Штедера в изданной в 1930 г. статье «Из культурного прошлого ингушей». Им был переведен на русский язык и второй из упоминавшихся документов. Но данный перевод также не был опубликован.

Свои выписки из «Дневника» Ц. Б. Амбалов снабдил пояснением:

«По сообщению проф. Ан. Нест. Генко автором является Steder, который состоял полковником 14 егерского полка в 1802 году».

Перевод же на осетинский язык сопровождается следующая запись:

«P.S. Jvd kuy'rcyd, uyj fæstæ jæm fysdzag xatt arcastæn Akademij kusæg prof. Anatoli Nestery fyrtimæ Genko, stæj dyggag xatt academy kusæg, axuyrgond kusæg, Abaity Juanejy fyrt Basilimæ, cy rædytтыtæ æзу уydi, уydon кuyd sarastain. Ćinyg rawæg arfæ kæny duuæn dær.

Āinyg wup bacawydta A. N. Генко, uydī ærmæst Akady Azi».

Перевод «Дневника» Л. Л. Штедера на русский язык, в части его информации об Осетии, был произведен и опубликован несколько позднее, в 1940 г., Г. А. Кокиевым, который отмечал во «Введении»:

«Дневник путешествия Штедера, часть рукописей которого хранится, между прочим, среди бумаг ботаника Стевена в Институте Востоковедения Академии Наук СССР, на русском языке никогда не издавался. Он очень слабо использован и в кавказоведческой литературе. Сведениями Штедера по ингушам пользовался проф. А. Н. Генко в работе «Из культурного прошлого ингушей» (Записки Коллегии Востоковедов Ак. Наук. Ленинград. 1930 г., т. V, стр. 685, 690 и 733).

Что касается осетинского материала дневника Штедера, то он до сих пор никем и никогда не использовался.

А между тем дневник Штедера представляет собою такой исторический источник по истории осетинского народа 2-й половины XVIII века, который трудно переоценить».¹⁸⁶

Во время работы в Ленинграде Ц. Б. Амбалов активно использует и открывшуюся ему возможность изучать исследования отечественных и зарубежных фольклористов. В его конспектах появляются выписки, которые, несомненно, отражают его собственное отношение к самой проблеме собирания и изучения фольклорного наследия народа. Приведем некоторые из них:

«... значение народного творчества: — «младенчество словесности всех народов, — говорит он, — заключается в сказках, песнях, пословицах. Сии предания, кажущиеся многим ничтожными, бывают иногда столь же полезны, сколь и любопытны». Поэт здесь может находить поэтические образы, философ — черты народного гения, филолог — старинные формы и обороты. Во всех государствах народные сказания собирались с большим усердием, были некоторые попытки и у нас (в России)».

«Не только отечественные нравы и обычаи и присшествия, но и самая местность, даже язык и особенности его сильно действуют на душу человека».

т.е. с.м. вносилась только кто
 украинский украин (Буслав) в том,
 кто они «Вместе с самим стелит-
 ным изурками предвостра кауки, давали
 Рез жиджковые формулы философские, ч,
 полагая философскими возражениями
 рассматривать свободной круг шиваки,
 только скрывали мысль, насиль-
 ственно казала на нег готовые фор-
 мулы какой-нибудь дететической поэзии».

Стр. 291. (Порич), «Вспомни, что при
 нашей кар-ить, кар-а, стоит
 саксрйи. кри, кара, человек, а казва-
 ние Норичи носили Славяне ка
 известк. Стурани их древнего пи-
 мекного бышия? (По Везекофу).

Р. С. = Моей быти сить сходна с
картами? кар, карта?

«... по его мнению — сказки «драгоценный памятник фантазии, верований ума и воспоминаний народа украинского, и вместе богатейший рудник для будущих поэтов Украины».

— главный результат, достигнутый в области изучения сказочн. эпоса до 40-х гг. нам кажется тот, что постепенно выяснялся характер тех народн. произведений, которые мы называем сказками».

Выписки свидетельствуют и о том, как через изучение мировой фольклористики Ц. Б. Амбалов неустанно стремится ретранслировать ее научные достижения на материалы родного ему осетинского фольклора:

«Все об'ясняет вариант Гана (1 № 3), где вор «прославляет себя похищением стада, т. е. небесных коров = туч и барашков = дождевых облаков.

— «Khærnuх arуу qug dær davу».

«... в одном макленбургском поверье — в течение 12 святочных ночей не называют настоящим именем некоторых животных, между прочим, мыши и лисы».

P. S. Махтæ та кудзу ном нæ фæдзугунс».

«Вспомним, что при нашем ныр-ять, нор-а, стоит санскрит. при, нара, человек, а название Норци носили Славяне на известн. ступени их древнего племенного бытия» ...

P. S. = Может быть есть сходное с нартами? нар, нарта?». ¹⁸⁷

Согласно отчетам ОНИИК Цоцко Амбалов в 1926-1927 гг. принимал участие в работах Библиографического бюро. ¹⁸⁸ Ц. Б. Амбалов и позднее работал над созданием библиографии Осетии, в связи с чем к нему поступило следующее предложение:

«ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО

КРАЕВЕДЕНИЯ

Ленинградская группа

6. II-1930 года

№ 1543

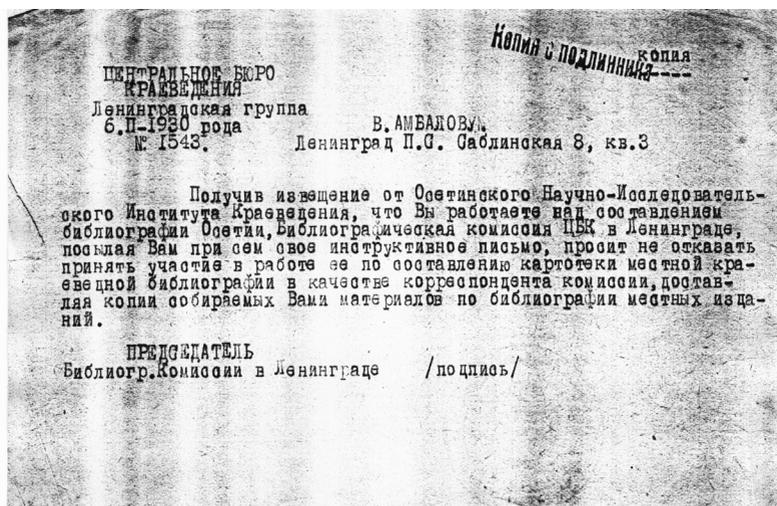
Ц. АМБАЛОВУ

Ленинград Саблинская 8, кв. 3

Получив извещение от Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения, что Вы работаете над составлением библиографии Осетии, Библиографическая комиссия ЦБК в Ленинграде, посылая Вам при сем свое инструктивное письмо, просит не отказать принять участие в работе ее по составлению картотеки местной краеведной библиографии в качестве корреспондента комиссии, доставляя копии собираемых Вами материалов по библиографии местных изданий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Библиогр. Комиссии в Ленинграде (подпись)». ¹⁸⁹

Судя по тому, что последнее получение месячного оклада Ц. Б. Амбаловым в Институте датируется 2-й половиной сентября 1929 г., этим сроком ограничивается его работа в штате ОНИИК.¹⁹⁰ Данный вывод может быть подкреплён письмом самого Ц. Б. Амбалова,¹⁹¹ в котором он отвечал на пункты запроса к нему:

«В Осетинский Научно-Исследовательский Институт Краеведения.

На запрос Института от 22 апреля с/г за № 328 честь имею сообщить

по пункту 1:

Амбалов Цоцко Бицоевич

по п. 2: 1870

3: из земледельцев сел. Ардон Осетии;

4: 30 лет/с 1900 г. приступил к учительской деятельности, до этого еще занимался литературной деятельностью на осетинском языке, и почти с 9 лет стали меня выводить на полевые работы, как и всех, обитающих в селении и занимающихся сельским трудом.

п. 5: беспартийный

по п. б: ассистент Ленинградского Государственного Университета

7: 5 лет

8: Ардонское духовное училище 1890 г.

9: Ленинград, Петроградская сторона, Саблинская ул. д. № 8, кв. 3.

Член-корреспондент Осетинского Научного Института.

1930 года

30 апреля (подпись)».

Предоставленные сведения были учтены Институтом.¹⁹²

В 1932 г. Ц. Б. Амбалоу была выдана следующая справка:

«29/III 32 г.

Настоящая справка выдана ассистенту Ленинградского Государственного Историко-Лингвистического Института тов. Амбалоу Цоцко в том, что он, действительно, с апреля 1920 и по 1 сентября 1925 г. состоял членом переводческой комиссии при Осетинском Окр. ОНО и научным сотрудником Осетинского Научно-Исследовательского Ин-та; по поручению последнего собирал памятники устного народного творчества в разных местах Осетии; с 1 сентября 1925 г. т. Амбалов Осетинским Н. Иссл. Ин-том откомандирован в Союзную Академию Наук для участия в «Осетинско-русско-немецком словаре» Миллера Фреймана, что и удостоверяется».¹⁹³

Во время своей работы в Ленинграде Цоцко состоял в активной переписке с Гаппо Баевым, эмигрировавшим в Германию и работавшим в Берлинском университете. По его просьбам он, в первую очередь, старался достать литературу, касающуюся проблем осетинского языка, культуры, истории и т. д. Об этой деятельности Цоцко, например, свидетельствует письмо А. А. Фреймана от 16 января 1928 г.:

«Глубокоуважаемый Г. В. Баев.

Цоцко передал мне вчера Вашу просьбу о высылке Вам еще одного экземпляра осетинского словаря. Вашу просьбу передали в Академию, и, если она будет удовлетворена, книгу Вам вышлют. Относительно книг, о которых Вы просили в Вашем

письме от 27/VIII, ничего, к сожалению, утешительного не могу сообщить.

Шифнер остался в Академии в таком незначительном количестве, что его уже никому не выдают.

«Осетинские этюды» Миллера и словарь еп. Иосифа, как Вам известно, Академией не издавались, и достать их вообще невозможно, разве что случайно могут попасться у букинистов.

Преданный Вам А. Фрейман».

Данное письмо было обнаружено в архивах Берлинского университета. Здесь же обнаружены и пять почтовых открыток на имя Г. В. Баева от Цоцко Амбалов, в которых тот, отвечая на письма Гаппо, сообщает об исполнении его просьб о высылке литературы, о здоровье семьи и знакомых. Г. В. Баев, действительно, высоко ценил вклад Ц. Б. Амбалова в развитие осетинской культуры, о чем свидетельствует и его письмо на имя редактора газеты «Рæстдзинад» С. У. Косирати, в котором он советовал:

«... Полезно было бы помещать портреты и старых беспартийных культурных работников на страницах газеты с их биографиями. Например, Георгия Цаголова, Александра Кубалова, Цоцко Амбалова, Лаврентия Бор. Газданова и др».¹⁹⁴

Обычно летом Цоцко возвращался из Ленинграда на родину, где его ждали родные и друзья. В эти периоды он продолжал свои путешествия по Осетии, в ходе которых вновь и вновь вел записи памятников осетинского фольклора, продолжал работу над словарем. Его окружали близкие ему люди, которые по мере своих сил и возможностей помогали ему в работе. Наш великий соотечественник В. И. Абаев так вспоминал свою встречу с ними:

«Встретились мы в Алагире в гостеприимном доме врача Агубе Тлатова. Здесь мы познакомились также с Бабу Зангиевым, блестящим переводчиком «Хаджи Мурата» и «Казаков» Л. Толстого. Из Цея приезжал Михаил (Мишка) Басиев. У Агубе гостил в эти дни еще один дорогой для Осетии человек. Цоцко Амбалов, «философ с берегов Таргайдона», как сам он

себя шуточно называл. Встречи и беседы с этими замечательными людьми запомнились на всю жизнь. Агубе, Бабу, Мишка, Цоцко принадлежали к тому высокому разряду людей, которых в народе называют «комы аргъ лаг», «человек ценой в целое ущелье».¹⁹⁵

По воспоминаниям Д. К. Амбалова, ранней осенью 1928 г. он сопровождал Ц. Б. Амбалова в поездке в с. Нар Алагирского ущелья с целью посещения дома К. Л. Хетагурова, сбора редких осетинских слов и нартовских сказаний. По дороге они встретили К. С. Бутаева, который благодарил Цоцко за его веселый нрав, за память о К. Л. Хетагурове и за ежегодные посещения его дома. В 1932 г. в Москве Д. К. Амбалов вновь встретился с К. С. Бутаевым, и тот характеризовал Цоцко как честного и преданного советской власти человека, «любимца осетинского народа».¹⁹⁶

Т. М. Басиев в своих воспоминаниях от 1 августа 1976 г. писал:

«Еще с раннего детства я слышал от отца, а когда стал учиться и повзрослее, то узнал о близости Цоцко Амбалова к нашей семье, его дружбе с отцом моим Басиевым Миха (Михаилом) ... я услышал в семье о том, что Цоцко был «къухыхæцæг» матери моей Тамар Темболовны Аладжиковой, когда отец мой Миха, наконец, решил обзавестись семьей. Ему было под сорок лет, а Тамар около 17 лет. Другими «къухыхæцæгтæ» были врач Агубе Тлатов и Володя (Даддани или Кипиани) ... С Цоцко отец познакомился в Алагире ... Впоследствии сдружились, и Цоцко стал для отца притягательным примером осетина, благородного, с высоким чувством чести, порядочности, внешней привлекательности, культуры и образованности... Цоцко до конца жизни оставался для отца одним из тех друзей, кому он старался подражать, приклоняться, первым из коих был Коста, конечно. По слышанному от сестры Цоцко Дзыккын Амбаловой, когда она отдыхала в санатории «Цей», а также от Зангиева Георгия (Жора) Бабуевича, Цоцко Амбалов, Миха Басиев и Бабу Зангиев как-то... собрались поехать в Ясную Поляну и

повидать самого Толстого... В виду болезни, Бабу Зангиеву поехать не пришлось, а Цоцко и Миха поехали к Толстому...

Когда-то в 20-х годах, будучи в ауле Цей, Цоцко остановился у нас, в доме приятеля Миха, и тогда же подарил мне «Вильгельм Телля», переведенного им, и написал на книжечке: «Газрету от Цоцко»... Второй раз я встретил Цоцко, ехавшим на арбе в Цей, не доезжая Бурона. Он узнал меня, радостно приветствовал и расспрашивал о здоровье мамы и папы. Потом сказал, чтобы я нагнал его, когда сделаю свои покупки, но я не успел его догнать, хотя очень хотел, чтобы уступить ему свою лошадь, чтобы он доехал верхом, а я на его арбе...

Когда я вернулся из Садона и рассказал дома о встрече с Цоцко, ехавшего, как выяснилось, в санаторий «Цей», где работал заведующим и наблюдателем метеостанции отец мой Михаил Николаевич Басиев, мать встревожилась, что и как сделать, чтобы принять такого гостя. Отец пытался успокоить ее, но она то знала, что кроме классических, всегдашних пирогов надо сделать что-то такое, что придаст приему особое уважение к гостю. Остановились на том, что она сварит пиво из ячменя и пригласят, когда оно будет готово. Несколько дней Цоцко не показывался на площадке санатория, видимо, привыкал к высокогорному климату после Ленинграда, где он работал и жил... Когда же, наконец, Тамар (мать) сказала, что она готова к приему гостя, кстати, приехал на отдых и ее родной брат Аладжиков Будзи, отец пригласил после обеда Цоцко и Будзи навестить наш дом, отведать уæлибæхтæ, двойного цейского пива. Гости явились веселые, шумливые, особенно Цоцко, который приподнес Тамар гостинцы из города, как «къухылхæцæг». В характере ее ученого брата Будзи (он окончил два института в Варшаве, отец, два брата его трудились в поте лица, чтобы он выучился) не было привычки баловать сестер, и ему было неловко видеть, как растрогалась Тамар вниманием Цоцко. Присутствуя на беседе за обедом, я понял, что Цоцко в Цее работает над переводами и над «Осетинско-русско-немецким словарем» и успел привлечь к этой работе многих

местных грамотных и почитаемых людей, в том числе и Миха Басиева, Бабу Зангиева, своего давнишнего приятеля, и Будзи Аладжикова. Его веселый нрав, осетинские каламбуры, прекрасный вид в красивой национальной одежде, смеющиеся глаза, усы и красивая борода... и благородные манеры производили неизгладимое впечатление на присутствующих... Другой раз Цоцко Амбалов приехал в Цей на отдых, когда там отдыхали в числе многих других и Хаджимурат Дзарахохов и Заурбек Калоев... Внешне Заурбек Калоев был также красив и обаятелен, ему тоже очень шел нац. костюм, в котором и он, как и Цоцко, был одет всегда, но он был более сдержанным и официальным, чем Цоцко... Цоцко рассказывал больше о фольклоре осетин, о целях культуры и образования, о быстром культурном росте осетин и других народов страны. Втроем они, Хаджимурат Дзарахохов, Цоцко Амбалов и Заурбек Калоев, составляли как бы прекрасное в прошлом Осетии, чем-то заменяя собой Коста и готовя нам молодым новое светлое советское будущее для нового расцвета Осетии. Цоцко жил в верхнем деревянном корпусе и, когда спускался в такую же красивую деревянную столовую, которые строил Е. Урумов, то все отдыхающие и туберк. больные с улыбками и восхищением следили за молодцеватой походкой этого красивого, веселого и прекрасного человека, пышущего бодростью и здоровьем, всем хотелось тоже быть такими. Он спускался по поляне, выдвывая ногами какие-то фигуры из осетинских танцев, и был доволен, что веселит смотрящих на него больных, среди которых, он знал, были такие, которых мог поднять на ноги только цейский воздух, бодрость, аппетит и веселье духа. Иногда он подходил к нам, играющим в волейбол, просил мяч, чтобы подать его, он молодо бил его и, если подача получалась неудачной, он извинялся и продолжал путь в столовую. В том же году в Цей приехали несколько позже и остались дольше сестра Цоцко Дзыккын, учительница, отдавшая всю жизнь детям, и также как Цоцко не обзаведшаяся семьей. С Дзыккын приехала их племянница Земфира...».¹⁹⁷

Теплые воспоминания о Цоцко, действительно, видимо, навсегда остались в душе Т. М. Басиева, о чем можно судить по его письму к В. И. Абаеву от 5 ноября 1974 г.:

«P. S. За обращение к Вам «Васо!» не судите строго.

Мне так приятнее и напоминает, что дома папа звал Вас так: Цоцко, Васо, а отчества он и не знал, наверно».¹⁹⁸

Г. А. Дзагуров вспоминал:

«В 20-х годах (точной даты я уже не помню) я был на Цее и застал там Цоцко и Горга Арсагова. И тот, и другой — оба известны были как любители народной песни и умелые певцы. И я стал свидетелем их состязания в пении осетинских народных песен. Причем, они пели, чередуясь; на их состязании им подпевали присутствующие. И надо было видеть, с каким воодушевлением они оба пели, и с каким восторгом им подпевали и слушали. Горга Арсагов — известный керменист, большевик, герой гражданской войны, а Цоцко — беспартийный, советский служащий. Они были в дружеских отношениях; в частности, их сближала и общая любовь к осетинской народной песне. Они пели, нечувствуя усталости... Вечер прошел очень оживленно, и я до сих пор не знаю, кому отдать пальму первенства, но особенно большое оживление внес Цоцко, когда он запел уаллагкомскую сатирическую песню, в которой имеются двусмысленные, скользкие места; Цоцко эти места, однако, пропел во вполне приличном варианте. Когда же кто-то из окружающих заметил Цоцко, что он поет песню неправильно, то Цоцко, находу, при смехе окружающих, ответил: «А правильно ты пой!»... В моей жизни было много случаев, когда я упивался народной песней... Состязание Цоцко и Горга — один из таких моментов моей жизни».¹⁹⁹

Сохранились и воспоминания Е. Е. Бараковой, которые она относит приблизительно к 1930 г. В санатории «Цей» вместе отдыхали она, ее муж Гино Бараков, Заурбек Калоев, герой гражданской войны Хаджимурат Дзарахохов с женой, бывший красный партизан, партработник Александр (Горга) Арсагов, бывший чекист Андрей (Тотраз) Мзиков с женой, бывший

красный партизан Царай Кесаев с женой, инженер, строитель Дигорского канала Хаджимурат Едзиев, московский сотрудник ОГПУ Шахро Макоев, «видный деятель культуры» Цоцко Амбалов:

«Вечерами мы собирались около санатория на лужайке и тут устраивали вечера фольклора с кадагами, сказками — Цоцко рассказывал о том, как он популяризировал творчество Коста среди народа даже до выхода «Ирон фандыр», будучи учителем. Цоцко и Заурбек были признанными знатоками народного эпоса, а также Бараков, который бывал в доме отдыха только во время еды и сна, и все время проводил с нами... Часто, почти каждый вечер, пели, обычно осетинские героические, и тут вне конкурса был Арсагов Горга — у него был сильный, приятный голос. Его пение перехватывали...».²⁰⁰

Особо близкие дружеские отношения сложились у Цоцко с известным в Осетии врачом Агубе (Александр) Гавриловичем Тлатовым. Они часто писали друг другу, когда Цоцко находился в Ленинграде. Письма А. Г. Тлатова к Ц. Б. Амбалову того периода (1926-1930 гг.) очень интересны для нас в том плане, что они, в отличие от мемуаров, написанных многие годы спустя, предоставляют нам моментальное отражение тех атмосферы и отношений, которые связывали Цоцко с его родными и друзьями (Агубе Тлатов, Бабу (Магомет) Зангиев, Дзыбын (Крым-Солтан, Лаврентий) Газданов, Михаил Басиев и другие). В них непосредственно отражаются происходившие тогда события, что порой так не похоже на то, о чем мы читали в прежних учебниках и книгах. Они интересны для нас тем, что передают те наблюдения, мысли, чувства и переживания, которыми жили Цоцко и близкие ему люди. Поэтому позволим себе привести некоторые из них (орфография сохранена).

«I/XI-26 год.

Дорогой Цоцко!

Наконец-то у нас установилась такая осень, что желание смерти никогда уж не придет в голову. Если бы ты был здесь, то вынес бы непременно такой приговор: «Необходимо еще про-

жить 1000 и более лет, чтобы дышать этим божественным воздухом и смотреть на наши родные ненаглядные горы, которые сейчас так величественно красивы, как никогда». Нашему Тартартупу повезло в хорошей погоде очень, и он был так пьян, как никогда. Осенний свежий ароматный воздух особенно располагает пить муджун араг, который хорошо готовится Тартартупом. И ломка кукурузы, до сих пор еще не поспевшей, нынче не помешала Тартартупу. Все благоприятствовало питию муджун араг. Тем более, что на душе у твоих компатриотов-сельчан, не смотря на то, что ваш (их и твой) «компатриот» Джугашвили — «первый человек в 1/6 части суши», не особенно весело и светло на душе. Это тоже лишняя сила, заставившая в этом году Тартартупа быть более пьяным, чем в те годы. За твое здоровье, за те 150 лет, которые остается еще тебе жить, тоже было пито не раз и не два. Словом, все хорошо. Одно плохо, что тебя нет. Третьего дня все твои друзья сидели у нас (Бабу, Миша, Симона и др.). Застали меня за твоей книгой вместе с Темрко и опять вспоминали тебя. Миша привез в Алагир старшего сына и дочь и сдал их в с/х техникум. Бабу выгоняют и в плохом он настроении как никогда. Единственное утешение — это его надежда, что «фурв æйчвтæ тагъд æрхаудзвств, зæгъгæ, уј твххæј æмæ сæ бос æрдъјæ нараг дæр сси». Когда его спросишь — «Кæд æј сбарстај зæгъгæ?» — всегда отвечает: «Это видно и слепым». — Блажен, кто верует! Кончил, наконец, твою книгу «Закат Европы». Читать ее много труднее, чем пить хину. Оказалась книгой очень интересной. Философия Шпенглера очень туманная. И язык эзоповский. Чтобы хорошо понимать ее, надо знать очень много по истории всех времен, искусство, музыку, литературу. Словом, нужно очень много знать. А так как этого как раз у меня нет, то приходилось целые главы пропускать.

Цоцко! Твое первое письмо читали тут скопом, все твои приятели. Праздник чествования годовщины рождения старика тронул всех нас сильно. Мы все уверены, что твое именно присутствие подарило старику немало радостных и приятных минут. Ибо ты умеешь в такие моменты заставить других чув-

ствовать свое настроение, заразить других непосредственностью и искренностью своих переживаний. Даже все твоё письмо от начала до конца твоего повествования о торжестве так и отдавало твоим настроением, твоей душой, которую, читая письмо, и все мы чувствовали. Так и хотелось всем нам быть на этом скромном празднике.

Книги получил. Лекрека уже прочитал. Взял его Басиев Симона. На очереди — Темрко Годжиев, который, кстати, очень просил тебе кланяться и быть тебе здоровым сильно желал. Книга чрезвычайно интересная. Читал ее со вкусом, что называется, ибо она по содержанию так серьезна, что нельзя ее залпом читать. Марешаля пока не читаю, хотя лежит на столе, и мне ее уже разрезали.

Сейчас тут окр. партконференция. Верхи тоже приехали. Цал мае кафджутæ твннг знæт ств — сæ бвнæдтæн тæрсгæјæ. Æмае тæрсвн дæр диссаг нæу. Виктор Гюго так определяет буржуазию: «Буржуазия есть класс, который имеет возможность отдыхать и в то же время хорошо кушать». Если так, то новая буржуазия вполне сформировалась.

Ног хабарæј нццв ис. Иууддæр дзæбæх, кæј бæфæрсæј. Дзвгквн недавно была здесь с Муратом. Мурату значительно лучше. Принимает опять Андуканара лекарства ...

Ног азв хорзæх уæ уæд! Рајсом ног аз ў. Арфæтæ, ног азв арфæтæ ракæн мæх номæј Андуканарæн æд бинонтæ, Габо'јæн æд бинонтæ, Сау Кудзæн æмае Александр Арнолдв фвртæн.

Ног азв хорзæх уæд, Тотрв фвртв!

Саламтæ двн, ног азв æрфæтæ двн æрвгтвнц — нæ'æфсн, Габола, Зина, Чабахан (ам ств), Иван-философ, Хойрол и весь Алагир.

На уширение Алагирской дороги до Садона опять отпущено 150 т. руб. Сказал мне Борукаев Казбек. Он сейчас сидит тут. Постройку же широкой колеи опять отложили.

Агубе».

«Что мне понравилось — это его резкое отношение к социалистической мысли, которую он называет обманом, и в ней

нет ничего кроме стремления к власти. О социалистах говорит более резко, чем Ницше.

Скажи Габо, чтобы он не забывал родных гор. Время опять взглянуть на них. Дети могут совершенно опетербуржиться и забудут родину Цми-Джинат. Саламтæ ин зæгъ. Привет Саше с детьми. Глубокие приветы Андукапару и Марии Николаевне. Привет седому Савкудзу.

Как бы не случилось так, что в одну из мрачных ночей питерских явится в твою холостяцкую комнату гость. Правда, правда. Я подумываю — не съездить ли мне на рождество туда. Возможно, что и сделаю так. Цоцко! Работать то работай, но помни о здоровье. Все-таки на свежий воздух выходи почаще. Правда, воздух то не родной тебе Нарский, но все-таки он на улицах Питера лучше, чем в комнате. Не увлекайся работой в ущерб здоровью. Лучше доработаешь в будущем году, чем перенапряжение сил в этом году с нежелательными для здоровья последствиями. В будущем году побудем в Нарах побольше, и нагуляешь больше здоровья. Может быть, и лето окажется более удачным и сухим. Кстати, довершим недоделанные твои визиты в Цее, Закка, Джинат, Цхинвал и пр. и пр. и пр. В будущем году обещаю тебе быть более подвижным спутником, чем в этом году.

Вчера мне передали, что Цомаг назначен вместо Алборова.

Оля твн фт кæнв цухтвтæ æвæрвн та днн кæј ферохкодта ўўл. Æз та ин афтæ загъвн — уæдтар хорз нæ ўдвств — фæла мæна нвн хорз цухтвтæ ку раласој (бафæдзæхстон) ўæ вн æрвит-дзвстæм, зæгъгæ.

В Ардоне все живы. Вчера была здесь жена вашего Хаджумара, и я ее спрашивал.

Пиши о своем здоровье. Будь здоров и крепок! Не забывай, что впереди еще 150 лет жизни. Саламтæ двн æрвитвнц иуўлдæр. Удзвгк дæр нвртæгкæ ам ис — чвзджв скъæфтв твххæј та.

Агубе.

Привет Александру Арнольдовичу — твоему шефу».

«13/IV-27.

Дорогой Totry fyrт!

Cyrd læu! Жизнь ведь впереди. Прожито только 55-56 лет, а остается в три раза больше. Мужайся! Эту северную накипь ты опять легко сбросишь, когда к началу лета приедешь опять в родные палестины. Of, of saxta isyn, mæxi hædzar. А тут ведь помимо всего божественный воздух гор, душ горных водопадов помещика. Это, который так молодил и твое тело, и твою душу, что хотелось петь, и петь, и петь бесконечно. Aftæ, aftæ Totry fyrт! Что болезни, что страдания, что надлом душевный с подобной депрессией, когда знаешь, что от всех этих недугов в родных палестинах есть «купель», где за короткое время получают полное исцеление. До твоего приезда наши трудолюбивые пчелы-коммунары (истинные коммунары без диалектики фарисейства) соберут ароматный мед, который так приятен твоему вкусовому аппарату и тоже полезен твоему желудку после питерского клюквенного киселя. Мужайся! Через 2 месяца будешь дома. А словарь dokonчим в будущем году — всенепременно.

Жизнь твоих сородичей монотонна, однообразна. Что прошлый год, то и этот год. Номо hominis lupus est.

Избирательная кампания прошла благополучно. Борьба из-за мест большая. «Бог одна, вера — один — все кушать хотят». Вся материалистическая философия века хорошо передана в этой фразе. Что будет завтра, когда кончат курс Хара и компания? Это интересный вопрос. Ибо эта молодежь претендует на исключительное право (монопольное) на общественный пирог в родных краях. Оказывается, кушать приятнее у себя на родине, и вот страшно цепляются за последнее, когда кого-нибудь выбрасывают в Ростов. Если бы ты видел, как Такоев боролся, как не хотел Северо-Осетинский престол бросать и выезжать из Осетии. Такие и некоторые другие, которых перевели теперь же в Край — Ростов. Борукаев занял его место. На всех остальных местах дигорцы еще в большей степени и в большем числе, чем при Такоеве. Вот тебе наши дела. На уширение на-

13/IV - ПТ

9.

Дороги Тоту турт! ^{11/IV}

Сурд еси! Ишине веги вни-
 реда. Пролетато только 55-56-ы
 а оцаегит итри рота болше.
 Мучаиел! Дуу севернука
 накчи иви оидге лажо
 сбросишь, когда и чатаму
 лега циндешь оидге в род-
 ние налешчии. Оу, оу сахта
 идука, махи хадгаз. А мут
 веги илшшо всеи буместен-
 ши воздух гор, душ горил
 водондов полоничка Эшо,
 который мах маюди и
 иви ишо и ишо душу,
 шо хотелов иешь и иешь и
 иешь безконечно. Афта, афта
 Тоту турт! Шо болезни,
 шо сиродонид, шо подлом
 душвиши с подбоний депрессией
 когда инаешь, шо от всек

Уших недугов в родных
 напечатана ест "Кучель"
 где на коровное звание полу-
 тают полные черенные. Это
 новое звание наша ибруа.
 любивие члене - коммунисты
 (некоторые коммунисты без
 фалекитки формальной) соде-
 ржат ароматиче меда, ка-
 който так придег твоему
 висуекому аичорту и так
 колесит твоему иеиудею после
 ичидуекого кляктынаго ки-
 селла. Мушкетер! Циз 2 ме-
 сца будете дома. А
 слобубе гижити в будущем
 году - в сенсуременно.

Ишана новых сродити ма-
 коботани, одиотрозма. Это про-
 шили вы, но и этот год.
 Кошо лотинис верас. ит.

шей ущельской дороги (военно-осетинская) отпущены опять деньги 150 тыс., так что, есть надежда, дорога значительно улучшится, а, может быть, и откроют сквозное движение до Они.

Недели две лежал у меня Бубо Бугулиев больной — делал ему небольшую операцию. Часто его навещали Бабу и прочие твои товарищи. Вспоминали тебя частенько и просили меня писать тебе привет от их имени. Очевидно, в связи с этими посещениями какой-то диалектик успел шепнуть, что происходят там меньшевистские собрания. Когда стало мне это известно, я и сказал: «Отчего же вы не накроете это собрание когда-нибудь, если вы уверены, что это так?».

Недавно я получил письмо от Александра из Питера. Очевидно, все-таки ты встречаешь его. Судя по письму, он оказался настойчивым и добился больших результатов по кино-искусству. Письмо это меня чрезвычайно порадовало и заставило поверить, что он стал на призванный путь, где может принести существенную пользу.

А что пописывает тебе Гаппо? Или же не пишите больше друг другу? Едва ли будет себя хорошо чувствовать. Тяжела доля эмигранта, особенно такого, как Гаппо, который вне Осетии не мог себя никогда представить. С Дзвбн'ом тоже штуку выкинули. Когда он был в отпуске, к его приезду, его уволили против всяких законов советских, и на его место посадили молокососа какого Морозова — врача, в прошлом году кончившего. Понадобилось вмешательство Края (Ростов), чтобы восстановить его в правах. Он опять занял свое место, но вся эта история сильно на него повлияла, ибо чувствует, что рано, или поздно его выставят оттуда. Хæдзагæнæдзъ мæрд фæзтуар. Я ему писал. Но если бы «mærd fæztuar», то было бы полбеды. А тут живого, полного еще сил и энергии, создателя больницы выставили за дуар. На то и диалектика Гегеля и Гераклита.

Ваши живы и здоровы. Мурат как будто значительно лучше стал.

Книгу Павлова получил. Спасибо. Буду читать.

Темрыко кланяется тебе. Хотел он уходить в отставку, но не отпустили. А работает очень много. Сколько обязанностей. Наши все шлют тебе пожелания всего наилучшего, до Хойрола включительно. Очень желают тебя поскорее видеть здесь здоровым, жизнерадостным и цветущим, как всегда. Будь здоров и крепок. Привет Андудапару с семьей и твоему шефу Александру Арнольдовичу.

Как Саукудз поживает? Кланяйся ему. Агубе».

«Дорогой Цоцко!

Ног азв зэдтв дауджтв хорзæх ўæд даў дæр! Ардвгæј днн іўўлдæр арфæтæ æрвітвнц. Ацв аз бæрæг бон хўз чвсвл ўді. Мæгўр ств адæм, æмæ сæ мæгўрв смаг твнг цæўўæ. На рождестве (праздновали по старому) был в Ардоне, был у вас. Все живы и здоровы. Здорова и Дзвгквн. Обещала приехать к нам погостить, но не сдержала своего слова. Сидел с ней, Абпе и Софьей часа два, говорили о всякой всячине, и о Верочке, и о Жене, но, представь себе, ни единым словом не обмолвились о своих планах — продать дом и покинуть Ардон. В этом вопросе судьяй быть очень трудно. Какие соображения разума подсказали им сразу эту мысль — сказать трудно... ибо лично я не нашел бы ни одного разумного основания для подобного решения вопроса... Словом, я держусь такого мнения (как и ты), что если делать все второпях, после каждого мимолетного желания, то едва ли что-нибудь прочное получится, и едва ли приведет к прочному добру. Ты хорошо сделал, что не написал им ничего по этому делу. Пусть сами еще подумают...

Третьего дня приезжали Кизилбек, Бвбо, Кируш и Пацвл на охоту. Были и на охоте, но неудачно. Ничего не взяли. Провели время недурно. Поминали тебя. Просили писать тебе новогодние поздравления. Бегидзаонов получил посылку и благодарен несказанно, и трубит о твоём «джентльменстве» по всему Алагире. Собирается написать тебе. Не помню уж, писал ли я тебе о покушении на Бегидзаонова. В него стреляли в окно в упор,

и спасся чудом, получив массу мелких ран от осколков разрывной пули. Это было месяца два тому назад. Теперь он никуда больше не ходит вечером. Если и засидится до вечера, приходится провожать его, а то боится ночью. Виновника не удалось властям обнаружить, видимо, и большого желания не было и обнаруживать.

Будь здоров! Привет всем.

Наши все кланяются.

Агубе».

«8/XII

Дорогой Цоцко!

Не стало еще одного из твоих друзей. Вчера скоропостижно скончался Индрис Айдаров. По-видимому, иссякла жизненная сила сердца, и оно стало без боли и охов. Очевидно, этот хороший и цельный старик до конца оказался верным себе и никого не стал беспокоить. Его утром нашли перед печкой мертвым, не раздевшись. Дверь была на крючке, и поздно утром, когда он не подавал знать о себе, взломали дверь и нашли его лежащим перед печкой на полу. Рухсаг уæд! А как, говорят, хотелось ему видеть еще кое-что. На похоронах, говорят, было очень много народу, несмотря на то, что сейчас у нас держатся большие для нашего края, конечно, морозы 10-12-14 градусов. Мне не удалось быть. Подробности передал Дзабо, который прискакал сегодня, к вечеру, по поводу того, что его сынишка проглотил гвоздь. Вещь не страшная, но он был сильно встревожен и с похорон Индриса прямо прискакал.

Все по-старому. Твои друзья все живы и здоровы. Наши кланяются тебе. Будь здоров, и да хранит тебя нæ фвдæлтг Уастурджі.

Агубе».

«19/II-28 az-dzuarr

Дорогой Цоцко!

Писать тебе — мне самому доставляет большое удовольствие, и потому усталость после работы ничуть не мешает бесе-

довать с тобой. На твое письмо о планах Ардонской части вашей семьи на счет продажи дома я писал свои соображения сейчас же по получении твоего письма. Но письмо было послано простым, и, очевидно, оно не дошло до тебя. Пред этим я еще послал одно простое письмо на другой день после прихода вести о смерти Индриса Айдарова, ибо считал нужным сообщить тебе о смерти любимого тобой человека. Если и это письмо не получилось, то выходит, что отсюда простые письма не доходят до места своего назначения. Из Питера приходят простые письма сюда, а отсюда не доходят. Очевидно, тут где-то пользуются марками, а письма уничтожаются. Такие времена и раньше бывали. К этому не привыкать. Будем знать и буду теперь письма посылать заказными.

Оказывается дело так — пишу со слов Удзгко. Дзгквн на вопрос — насколько верны слухи о продаже дома и переселении во Владикавказ, заявила, что подобных планов и в мыслях у них никогда не было. Когда же Удзгко сказал, что он читал письмо Цоцко ко мне, то Дзгквн заподозрила Земка во всей этой истории и вызвала ее, и стала выпытывать — кто писал такое письмо к Цоцко, и она чистосердечно созналась, что писала она единолично и шутя. Поэтому — успокойся. Нет и необходимости писать им об этом. В том письме, когда я еще ничего не знал об этом, в ответ на твой вопрос — как я думаю, я писал, что никаких доводов и уважительных оснований я не могу найти для переселения во Владикавказ. Оказалось, что и голову ломать над этим не нужно было. Проказница Земка подшутила над всеми нами.

Удзгко мне передал приятную для меня весть, что Женя выходит замуж за Цоколаева Бориса. Он около года был тут следователем и произвел на меня очень хорошее впечатление. Я, по крайней мере, очень рад за Женю.

Все твои друзья живы и здоровы. Кланяются тебе. Бабу все переводит «Казак» Толстого. Жить все-таки тяжело для него. Но это увлечение переводом немного скрашивает его жизнь. Он все-таки увлекающийся. А увлечение все-таки боль-

шой отвод от житейской грязи и действительности. Теперь у него все разговоры о «словах», «оборотах» осетинской речи — все вокруг этого. Даже о своих преследователях из провинциальных власть держащих он уже ничего не говорит. Поэтому и характер стал опять выравниваться, и в семейной жизни стал более уживчивым и менее требовательным. Словом, это увлечение переводной литературой духовно очень полезно для него. Не знаю, как материально будет. Хотя живет крепко надеждами и в этом отношении. Сейчас младший сын у него сильно болен гриппом. Мать с ума сходит, а он преспокойно переводит. Она злится, упрекает, что он не любит «ея детей» и т. д. и т. д. А он преспокойно занят «более важным делом». В другое время на подобные реплики жены постарался бы сказать какую-нибудь резкость. А теперь он спокоен, ибо увлечен переводом своим. А переводит очень натурально.

Сейчас происходит в Осетии одно крупное событие. Власть серьезно решила уничтожить араки варенье. Чрезвычайно строго и серьезно взялись за уничтожение этого многовекового зла. Если удастся это, тогда за одно это многое можно им простить из их глупостей и несообразностей. Уничтожаются орудия производства: хатæлтæ æм аджвсæртæ. Даже за хранение араки штрафуют. Собираются поголовные обыски сделать и выливают араку. Некоторых штрафовали по 100 руб. за хранение. Думаю, что араку заменит монополка, но все-таки не будет массового отравления аракой, как до сих пор. Многие не верят в успех этой борьбы. Лично я думаю, что если удастся сократить потребление араки хотя бы наполовину, и тогда это будет большим шагом вперед. Словом, мне очень хочется, чтобы наши Дон Кихоты хоть одно хорошее дело довели до конца. Старики плачут. Я их утешаю, что это не так страшно, что для стариков будем покупать и монополку, что их не обидим. Но это их не утешает. «А, мол, они о своей монополке думают, чтобы создать нового потребителя и т. д.». Это ничего. Поплачут и перестанут. И в голодный год они, ведь, не пили и ничего, не жаловались. Теперь тоже привыкнут. Нет, Цоцко, хорошо бу-

дет, если к твоему приезду летом Осетия станет трезвой, и по Осетии не будет ни физического, ни духовного запаха араки. В такую Осетию приехать будет приятнее.

Привет нашей Питерской колонии, Андукапару с семьей, Габо с семьей, Савкудзу с семьей и всем нашим.

Будь здоров и крепок, и духом, и телом. Когда будешь писать к Гаппо — кланяйся от меня. Привет Александру Арнольдовичу.

Агубе».

«31/ХП

Дорогой Цоцко!

О ком только не болит твоя душа, о ком только твое сердце не полно забот! А это, ведь, не вяжется с твоим твердым желанием — прожить 200 лет. Одно из двух: или будь хоть немного менее чутким к чужому горю, или Тотрүфүрту необходимо расстаться с давно принятым решением — пожить не менее 200 лет. — Б... — фүрт давно бомбардирует меня тоже письмами. Ему отвечали его родные. Но, видимо, его ответы его родных мало удовлетворяли, ибо он просит денег, а они ему шлют письма. — Если бы ему интересно было получать только письма, то он их получал немало еще при жизни своих родителей, и он не удосужился никогда обрадовать последних хоть коротеньким ответом. Они отошли, не получивши от него ответа. А как им хотелось узнать — жив ли их сын или нет. А, кажется, эти родители были не так плохи, чтобы не написать им хоть раз. За все это, дорогой Цоцко, я не отвечал никогда ему. — Теперь же, по получении твоего письма, из-за Андукапара, которого он часто беспокоит своими письмами, и из-за тебя, я ему вчера написал ответ.

Дело я так представляю: если он коммунист и, как таковой, он лишился там места (судя по характеру письма — это очень вероятно) и потому вспомнил давно забытую родину, где коммунистам — лафа, хорошо, как нигде, или он выпрашивает деньги, якобы, на дорогу, но в компенсацию части наследства,

которая ему причитается после смерти родителей. — Вот, исходя из этих предположений, я ему написал следующее: Пусть теперь же начнет хлопотать себе разрешение на въезд в СССР через консульство или полпредство в Германии. Думаю, что до марта он получит разрешение. Дальше пусть сообщит, сколько ему нужно будет на дорогу морем в Петербург, ибо морем будет дешевле. А в марте месяце будет сделан перевод этой потребной до Петербурга суммы. Перебравшись в Петербург, он протелеграфирует сюда, и в Питер ему по телеграфу будет переведена недостающая для приезда на Кавказ сумма. Так будет вернее. До Питера ему понадобится не более 150 руб., немного более 300 марок (марка равна 47 коп, так считают мне за журнал мед., выписываемый мною из Берлина). А потом в Питере смелее можно будет перевести, ибо оттуда уже не вернется в Германию».

«20/II

Дорогой Цоцко!

Sarat — сулема

Chæxhos — медный купорос

Symæg — железный купорос

Галка все пока в одном положении. Боли меньше. Встает по временам. Правда, самочувствие в последнее время опять стало плохое. Комиссия по чистке Притеречного округа (казачки) причинила ему массу неприятностей: его «друзья» воспользовались его абсолютной беспомощностью — болезнью и облили его массой грязи и, приписав целый воз смертельных грехов в должности заведующего больницей — вычистили совсем. Вообще, Галка удивительно «везет». Во главе комиссии оказался человек — самый близкий друг того врача-казака Курасова, которого Галка заставил уволить из больницы, как шарлатана. Далее это же лицо председательствовало и в комиссии по назначению пенсии Галка. И вот вышло удивительно: экспертизой врачебной установили 100% потерю трудоспособности и представили к пенсии с 7 декабря 28 года. Комиссия же по

чистке вынесла приговор об его снятии с должности 20го декабря, аннулируя постановление врачебной комиссии. — Конечно, нелепость и абсурдность всего этого легко доказать. Но наши сородичи никакой роли не играют в своей «автономной области». В связи с чисткой так запуганы, что ни один не хочет заступиться за Галка. Однако выражают свое возмущение. — Конечно, все это скрывалось нами от Галка, но кто-то посвятил его во все это, и он окончательно пал духом. Все это, безусловно, будет влиять самым худшим образом на ход болезни. Приходится поддерживать бодрость духа, и так, и этак. Но все-таки чувствовать стал себя хуже с того времени. И Уззвгко лишили опять избирательных прав и вычистили из членов коллегии адвокатов. И это влияет на него, ибо видит, что остаюсь я один, на которого всегда его надежда, но положение которого тоже непрочное. Ведь, это правда, попытки сотворить со мной что-нибудь тоже имеются, не знаю, насколько будет это интенсивно в этом году. Все это сильно осложняет и без того тяжелое положение Галка. На днях ездил к нему и упрасивал его переехать ко мне в Алагир, и не захотел, под предлогом, что поездка может растряссти больное место.

Будь здоров! Все твои друзья кланяются тебе.

Привет Андуккапару с семьей, Габо с семьей и Саукудзу. Агубе».

«12/III

Дорогой Цоцко!

Должно быть, к весне тоска по родине опять будет зарождаться, и ты будешь поглядывать на тусклую, мокрую атмосферу Питерских улиц и подумывать: «В гостях хорошо, дома еще лучше». В Питере хорошо, а там где-то на «наклонной Владикавказской равнине», как называет Рейнгард, несравненно лучше. Но на этот раз эти мысли, эти сравнения будут несправедливы, по крайней мере, в этот момент пробуждения весны. Думаю, что по своей жестокости, сырости, болезненности — начало весны в этом году у нас будет хуже, чем в Питере. Дней

5-6 тому назад неожиданно ударили такие морозы, которых не было за всю зиму. Мороз дошел до 16,5° по R. Сегодня оттепель, но сразу нудно сыро, туманно. Корма нет, и скотина сильно дохнет. Падеж этот может принять очень скверную форму. Пищу об этом потому, что есть сейчас обстоятельства, которые заставляют задумываться людей даже крепких, которых трудно чем-нибудь прошибить. Дело в том, что хлебная кампания застала наши власти врасплох. Многие, по крайней мере, думают, что статистические данные, которые имелись в Центре из нашей Области о хлебных запасах, не отвечали действительности и далеко не отвечали. Не вина Центра теперь — требовать по этим данным зерно в таком количестве, которого нет у нас. И вот вышло — ты не беременна, а изволь рожать. Зерно собирается, собирается при помощи «некоторого» давления, и почти все думают, что его осталось много меньше, чем нужно на прокорм людей. О скоте и не приходится думать. Скотине не дается зерна, а тут, при известном тебе кризисе в кормовых травах, эти морозы доконают окончательно скот. — Зерно достается за плату, но в процессе раскулачивания зажиточных хозяев такие явления — как реквизиция 3-4 вагонов кукурузы и тюрьма 1-2 года. Известные тебе Урусовы Увжико и Лекса (сыновья Гора) добровольно дали 3 вагона, но у них осталось еще 1 ½, которую реквизировали и предали суду за сокрытие запаса. На суде выяснилось, что они вырабатывают кукурузу собственным горбом членов семьи, без помощи наемных рук, и что по закону такое «трудовое зерно» не подлежит реквизиции. Но расставаться с зерном в 1 ½ вагона было неприятно, и, вот, выдвинуто против них новое обвинение в контр-революции, ибо у «контров» закон не запрещает реквизиции и т. д. и т. д. Сейчас много народу сидит в связи с хлебной кампанией из лагеря осетинской кулачины. Нет, Цоцко, год тому назад один сентиментальный коммунист-общественник за стаканом вина громогласно возглашал мысли, тобою еще раньше выраженные, что у нас кулаков нет, что, если все осетинские кулаки соединить вместе, и то не получится не только один «кулак»,

но даже один «кулачек». Ему сильно аплодировали. Оказывается, напрасно. Он говорил неправду. Кулаков у нас еще много. Только надо уметь их искать. А искать умеют только по приказу. Надо же приказ исполнить. Ты тоже утверждал, что у нас буржуазии нет, что во всей Осетии нет 3-4 семей, которые регулярно, ежедневно обедали бы. Но если будет дан приказ, буржуев окажется много. «Ты не беременна, а рожать изволь». Неумолимая логика туалъца: «Дæ бугкæј нодзирдткæн».

«Нет такой бури, которая не принесла бы кому-нибудь счастья» — эту поговорку приводит Вильгельм в своих Мемуарах. А у русских — «Нет худа без добра». Аналогичная поговорка, вероятно, и у нас есть, но я — не ты, и очень жаль, что не могу тебе ее привести. Это «счастье» и «добро» — победа над аракой. К твоему приезду ее, вероятно, не будет, и ты найдешь родную Осетию трезвой, непьющей. Арака исчезает и исчезнет не по закону запрета варки, а по отсутствию зерна. Существующее зерно оберегается тщательно. — Будет ли голод? Власти категорически отвергают эту мысль. Будут запасы, и оттуда будут снабжать нуждающихся. — Вчера один из видных работников говорил мне, что уже имеется распоряжение из Ингушской Об. перекинуть к нам 300 тыс. пудов кукурузы. Но я этой логики не понимаю, зачем было увозить нашу кукурузу, чтобы на ее место из Ингушетии перевозить ингушскую кукурузу. Или это такая форма зернового братания.

Но все настроены тревожно, ибо вдруг власть окажется не в состоянии справиться с продовольственной задачей. Хорошо, если справится. А вдруг не справится с этой задачей. Голод для нашего брата, физически 100 раз более слабого, чем русский мужик, будет далеко не родной теткой. Единственное утешение — это вера во власть. Народ очень верит в обещания власти — снабжать его во время нужды пшеничной мукой в нужном количестве. Конечно, есть пшеничный хлеб будет много приятнее, чем жевать натхорв кæрдзвн. Впрочем, к тому времени ты сам приедешь, и я тоже верю, что свершится чудо — натхорв кæрдзвн со своей неразлучной спутницей-аракоей исчезнут из

Осетии, и на их место воссядет трезвый пшеничный хлеб, более питательный и приятный. Да совершится это чудо!!

Женя уже вышла замуж. Как раз в тот день и я приехал во Владикавказ. В тот же вечер Верочка перевезла ее приданное в дом Цоколаевых со ствр хўн. Хўн схастој и из Ардона и сама наготовила много. Было много гостей к ужину. И вот гости торжественно восседали и ждали — кушать и пить когда подадут. Пришлось и дальше ждать. Ибо Владикавказские хулиганы забрались в кухню и к'абц и все унесли (украли). Хохот был гомерический, когда эта весточка стала известна восседающим за столом.

Говорю со слов Кати, которая тоже была там званой гостьей и вернулась поздно ночью.

Все наши желают тебе всех благ. Бабу рад, что ты так поощряешь его в его работе. — Все кланяются и ждут, что вот скоро начало лета, и тебя опять увидят здесь. — Время совсем плохое. Много больных. Магур амае низ — неразрывные спутники. Будь здоров! Будь крепок! Привет всей Питерской колонии осетинской.

Привет Александру Арнольдовичу.

Агубе

P. S. Вероятно, ты уже слышал. Похоронили Георгия Хетагурова Михайловича. Туберкулезный процесс генерализовался и при общих и мозговых явлениях за 10 дней скончался».

«27/VI

Дорогой Цоцко!

Решил послушаться тебя. Сегодня — четверг, послезавтра — суббота — будет последним днем приема. С твоими доводами нельзя не согласиться. Они и теоретически (научно) обоснованы и практически так реальны, что прямо чувствуешь их неопровержимость. Пусть будет по-твоему. Но дальше не знаю, куда деться со своей (*неразборчиво* — А. Т.). Куда-нибудь на курорт? Но когда вспомнишь прошлогодних курортников КавМин-вод — довольных, разряженных, берущих от жизни все,

не стеснясь никого и ничего, как будто все устроено на земле для того, чтобы он пользовался этими курортными удобствами, и что это так должно быть, а не иначе — то мои нервы резко начинают себя чувствовать, и приходишь к заключению, что в обстановке курортной шумихи и сутолоки и довольных веселых — мне не успокоиться. Поэтому решения определенного у меня нет и на счет порядка времяпрепровождения. За эти грядущие 2 месяца: прием прекращаю до 1 сентября. Пока стопы свои направляю во Владикавказ и, вероятно, побуду там до 7-10 июля. Думаю побывать и в Гизельстрое, и т. о., должно быть, ты меня застанешь еще в городе, если ты выедешь до 10го. В этом году у Оли были приступы острого суставного ревматизма, и ей нельзя ехать в горы, и что-то сама не хочет, так как девочки занимаются. Здесь, и через каждые 8-10 дней едут во Владикавказ сдавать экзамены.

Адам Кучиев усиленно просит приехать к нему в Тиб на этот раз. Может быть, послушаюсь и поживу у него один дней 10-14 с тем, чтобы с ним направиться в грузинский курорт Шови — тут же сейчас за Мамисонским перевалом. Думаю, что такое подвижное времяпрепровождение даст больше успокоения, чем сидеть в одном месте. Главное — из родных сел плоскости подальше, ибо атмосфера у нас стала чисто классовой. Раньше я не видел классов в деревне — а сейчас явно обозначились. А ты же знаешь, что я плохой военный, не любящий никакой борьбы, а высоко ценящий «мир» и любящий лад в селе, так же как англичане-социалисты любят «мир» в промышленности и предпочитают его гражданской войне. Я тоже, как ты знаешь, большой поклонник девиза — «Худой мир лучше доброй ссоры»». — Когда читаю в газетах, что в деревне — где-то в N^{ской} волости по линии хлебозаготовок идет ожесточенная классовая схватка — я мирюсь с этим, ибо, как будто, это так и должно быть. И медведь, наконец, учится. Время же и нам старикам понять хотя бы азбуку марксизма — классовой борьбы. Но вот, когда раскулачивают при тебе известного хозяина-труженника, день и ночь работающего и личным (не наемным) трудом, трудом

каторжным создававшего минимум жизненных удобств, кушающим прилично только в месяц один раз — тогда болит душа, несмотря на то, что классовая борьба — не шутка и не фунт изюма, и ты хорошо и это знаешь. На днях одна старуха из Христиановского села — беднота — высшей марки, вдова и старая общественная работница — коммунистка — рассказывала мне, что она открыто заявила на сходе: «Асу qudtag хорз næи. Adon davgæ næ rakodtoj, sæ syhdæg uydy fælloj sty. Æmæ асу quydtag rast næј. Otæ ku ua, uæd adæm kæгædzimæ bavnaldzysty». Село тебе не безызвестно. Село во все время голодало, если не потому, что хлебных ресурсов было мало, то потому, что хозяйские навыки осетинки не особенно высоко стояли. Но сейчас так плохо кушают, как никогда, и никакие хозяйственные дарования и навыки осетинки не помогли бы этому. Кукурузный чурек и загрязненная вода из грязных каналов. Сталкиваясь с больными, которым нужна пшеничная мука для æхсугу хalthamædonæи — и при всем желании не могу ни видеть этого. Вот и думаешь: хотя бы огородное дело у нас развилось, и вегетарианский стол пошел бы в ход — картофель, фасоль, зеленые бобы, морковь, макароны — как у итальянцев. Видел я тут итальянцев в Мизуре, и ели почти всегда вегетарианское. А огородные продукты негодны для экспорта и не подлежат изъятию, как зерновые продукты. Словом, у нас питание — острая проблема. При нашей хрупкости, восприимчивости ко всяким заболеваниям — плохое питание угрожает плохими последствиями.

Наркомюст РСФСР по требованию Семашко назначил следствие по делу Галка. Прокуратура обещает, не щадя никого, раскрыть всю подноготную этой травли и привлечь всех причастных к ответственности. Я дал свои показания. Конспективно изложил всю историю и вывел всех лиц, создавших столько страданий для и так много пережившего моего несчастного брата. Но не верю, чтобы из этого что-нибудь вышло. Между прочим, Галка «восстановили в прежней должности». Сколько в этом иронии судьбы. Впрочем, и это хорошо для детей. Восстановил его Край. Агубе».

«Была большая организованная попытка — снять Дзвбвна (Крым-Солтан твой) из больницы: Вчера проездом говорил мне Муха. Но попытка провалилась. Дзвбвн вышел победителем, и все мы радуемся.

Агубе».

«3/XII

Дорогой Цоцко!

Вчера был здесь Темрко Годжиев. Пожил денька два. Приезжал со своим патроном — прокурором на ревизию. Справлялся о твоём самочувствии и здоровье. Когда я спросил, как поживает Дзтгквн, так как Цоцко о ней сильно беспокоится, то он сказал, что Дзтгквн очень здорова, и напрасно Цоцко о ней беспокоится. «Впрочем, — говорит, — точно так же сама Дзтгквн беспокоится о Цоцко; это в порядке вещей». Вот это — правда! Ты, безусловно, прав, Цоцко, когда утверждаешь, что Дзтгквн на своем веку много поработала, много выстрадала, много пережила, перечувствовала. Безусловно, она давно уже заслужила, чтобы на рубеже 6го и 7го десятка лет она пользовалась полным отдыхом и тела, и души, после такой тяжело трудовой жизни. Но судьба иначе решила. Очевидно, нести крест суждено ей и дальше. Поэтому и твой долг, и долг многих близких душой к вам людей — поддерживать в ней бодрость духа. Со слов Темрко, видимо, твои сказочные тменикауские воды ей все-таки помогли. И он говорит, что она себя чувствует в этом году много лучше. Скоро буду в Ардоне и сам узнаю все. Во всяком случае, ты будь покоен за нее. При малейшем недомогании я ее заберу к себе в Алагир. Она у нас всегда желанная и любимая всеми. Оля любит ее не меньше своих сестер. Словом, у тебя и так много хлопот в Питере. За тебя тут-то мы побеспокоимся. Мы тут все радуемся, что великий осетинский язык читается в Питерском у-те. Твое письмо опять читалось «коллегиально» всем кружком твоих друзей: Бабу и К°. Бабу опять весел. За «Хаджимурата» он получил 150 рублей. Кроме того, ему поручили перевести еще «Казак» Толстого. Опять

31/XII

Дорогой Цоуко!

Вчера был день Мелро
Тоддана. Пошла генка Ява.
Президент со своим напарником -
прокурором на ривидань. Справился
о всем самогубством и работе.
Когда я спросил - как поживает
Дзюкки, так как Цоуко о ней
сильно беспокоился, то он сказал,
что Дзюкки очень рада и
начинаю Цоуко о ней беспокоиться.
" Прошел, пошел, много жалею
сама Дзюкки беспокоится о
Цоуко; это в порядке вещей!"
Вот это - правда! Мы безусловно
правы, Цоуко, когда утв-
ждаем, что Дзюкки на своем
веку много поработала, много
выстрадала, много переживала,
незрелая. Безусловно.

она гавно змея. Заслушати, еуба
 на рубине в²⁰ и 7²⁰ гавнока лет,
 она почывалася и многои гавно
 хом и мечи и души, после
 также много-врудики гавно
 Но еуба инаге речила. Уте-
 видно несаи кресте еубоино
 ей и гавноце. Ноутому и шва
 гавно и гавно многои близки
 душою и вати многои - ноуту-
 шавку в ней бодрофе духа.
 Во слов Мерко - видна твои
 скалозиче меменикиске че
 вода ей все гоки и многои.
 И он гавно, что они сега
 гавнокут в 7 гавно году много
 мурше. Скоро буду в ардоне
 и сам удного все. Но ваткан
 еубае, мы судь поковы
 ча нее. При маией еубе
 не гавнозиче еубе гавноку

ки себе в Ашаир. Отка з нас
 всегда желал и любил
 всеми. Она любит ее не
 только свих ресур. Словом
 з гора и бок много х-лоят
 в Ашаире. За гора мит го
 ма и обзакочил. Ма мит
все ридуем, зго великия
о серадем зрак зугадем
и митом у-ге. Миле миве
 онде. зугадем "коммача"

всем кружком мвон дру-
 зей: бабу и ко. - бабу онде
 всея. За "Хаджарурот" он
 митри 150р. Кроме го
 ему митом митом
 мит "казок" Митом мит.
 мит митом митом митом
 зго он митом митом 450-500.
 вот он митом митом
 митом митом митом. -

подсчитывает по итогам, что он получит руб. 450-500. И, вот, он сидит по целым дням и переводит. Я советую ему маленькую поговорку внести в его договор с Нар. Образом. Это — небольшую толику — авансом выбрать денег. Ибо у Советской России по временам бывает «несколько пятниц» на одной неделе. Сегодня обещают, а завтра, увы, другие планы. Вот, например, сейчас упорно идут слухи, что на Гизельстрое работы будут приостановлены, так как, говорят, Центр передумал на том основании, что электроэнергия оттуда в Грозный будет стоить в два раза дороже, чем там в Грозном при помощи нефти. Да еще выдвинули план — отвести Терек (2/3) туда на Грозный, и где-то должен водопад получиться, и этот водопад, мол, легче использовать для электр. энергии, чем Гизельдонский. — Вот тебе новая история. Ведь изучали, изучали этот вопрос и дали ассигновки на этот год 2.600 т., начали работать с большой энергией, и вот тебе финал. Нашелся молодец æмæ тæбæзв дон иннæрдæм акалд. Если нурмæ нæ акалд ўæд тæр акæлвнмæ қав. Если это случится, будет печально. Для желающих работать безработных (их много в Осетии) Гизельстрой был большим отводом. Многие устроились там, много чернорабочих и арб работало там, многие собирались идти туда на работу. Ведь у нас все та же нищета, и нажать копейку есть большое желание.

Словом, если подтвердятся эти слухи — будет большой удар по прогрессивно беднеющей Осетии. «Цæл мæ кафджытæ æм цæл хæрджытæ» — ведут себя еще более мерзопакостно. Победители в стане побежденных. Все-таки там где-то умеют ценить в человеке его работу даже в прошлом. Я очень рад, что Савкудз не голодает, что магурдзинад æмæ зæронддзинад кæрæдзії н'æссардој. Я глубоко убежден, что будь Савкудз здесь, наши «уæлхæрджытæ», не моргнув глазом, причислили бы в разряд лишенных прав и с величайшим для себя удовольствием ввергли бы его в бездну нищеты и крайней нужды.

Оказывается, я ошибался. У нас тоже, оказывается, большая группа оппозиции. Эта оппозиция чрезвычайно радуется успехам оппозиции в Центре. Их желание: хотя бы на месяца три,

чтобы власть перешла в руки оппозиции. «За эти три месяца мы бы сумели расправиться с большой группой лиц, которых не задела революция». Я приводил одному такому оппозиционеру свое мнение: «В Осетии нет 2-3 семей, которые бы обедали ежедневно. Где же тут буржуазия?». На что он мне ответил: «Мы знаем сотни-тысячи людей, которых необходимо, надо обстричь, чтобы раз и навсегда уничтожить их старую спесь». — Вот почему я стал особенным приверженцем нашего «компатриота» Джугашвили, что он согнул в бараний рог эту оппозицию. Вот тебе наши хабары.

Володю Кулаева — твоего соседа так и лишили прав. За этим последует, вероятно, его увольнение, ибо лишенный прав не может быть на службе, так говорит Темрко.

Привет тебе от всех твоих друзей в Алагире. Всегда просят убедительно писать тебе и желать здравствовать долгие года. Привет Андукпару. Очень рады все, что он поправился. Привет Габо с семьей. Желаю ему успеха в его работе и опытах. Привет Александру Арнольдовичу. Привет Савкудзу. Будь здоров, крепок и весел Тотрвфврт!

Наши кланяются все.

Агубе».

«Дорогой Цоцко!

Tyng fæqygkottam iuuldær Магя Nikolaevnæi zianyl. Zonæm æj Anduqaparæn tyng zyn kæj u uyj æmæ kuræm Хусаууæј сæмæј јæм ныfs ua Anduqaparmæ æмæ тухх. Zæronд tuldzæн јæ byndzævxædtæ fidar sty æмæ næ uyrny Anduqaparmæ тух kæј razyndzæн uyj. Ægas Alagiry јæ zongætæ iyuldær qusyn kænynс sæ qygdzinad. Адреса Андукапара не имею, и прошу тебя засвидетельствовать пред стариком наше глубокое соболезнование.

4 недели я уже не был дома. Я тогда последний раз писал тебе о внезапном ухудшении в положении Галка. Явления быстро нарастали, и за короткое время он превратился в живой труп... Мучения выросли с новой силой, и вот я повез его во Владикавказ: консилиум из хирургов: Фалина, Газданова, не-

врологов: Мамсурова, (*фамилия неразборчиво* — А. Т.), внутренних: Чеботаева, Мисыкова... Хирурги не соглашались на операцию... Через 10 дней наблюдения, когда видно стало, что его дни сочтены, что операция последнее, но тоже безнадежное средство, решили оперировать в присутствии неврологов. 30/III оперировали, а в 12 ч. ночи скончался. Успокоился мой несчастный брат, от 9 месяцев нечеловеческих страданий. За 3 дня до его смерти был еще донос, что он симулирует... Всклипывая, глотая слезы, со сдавленным горлом Муха Гарданов в своей речи упомянул о последнем доносе: «Теперь, я думаю, что он больше не симулирует... До какой моральной наглости доходят некоторые представители рода человеческого». Я разрывался на части. Я думал, что я с ума сойду. Но огромная масса народа из города провожала нас почти до полигона. Это меня немного поддержало... Но я не знал еще, как отнесется Осетия родная, народная, где он столько лет работал, и где были свидетелями той гнусной травли, которую учинили против него больного тяжелой неизлечимой болезнью... *Æнаæфæргæнагæй æгас Ирвстон иууддæр фæзмæлудгуств*. Первые партии уже встретили нас между Хутором и Архонкой, а там ближе к Ардону через каждые 2 версты — Сколько слез он унес в могилу — не сосчитать. На похоронах была вся Осетия — а казаки до детей включительно. Словом, масса народная демонстративно показала, что хоронит дорогого человека».

«Дорогой Цоцко!

Рухсаг уæд дæ хо Чаба.

Не был я на похоронах, но передавали мне, что ее смерть вызвала у окружающих много неподдельного соболезнования. И, правда, она была удивительна и искренна сама, и как не стараются современные людишки не видеть разницы в людях, все-таки окружающая масса продолжает видеть, и выделять, и ценить людей, богатых душой, сердцем. Она была такой. Большинство женщин дальше своего гнезда с собственными детьми и знать ничего не знают. Мир весь их интересуется толь-

Ленин (Ленин В.)

1918

Дорогой Цыркэ!

Рухсаг үсэд дее хо Заба.
 Мөвдн д на нахорднх,
 хо нугатам мие, үгс
 сүгүгь вьвалан, ү огууланг
 миео нонддүйтнго соболонвоан.
 И кратк, она бына угууланг
 и крешн сама и кав на
 сьүгүгүгьн сьүгүгүгүгьн мьогч
 шки не вьдгьт ронгун в
 мьогд, вьс тькн огууланг
 маса прогдолганг вьдгьн
 и вьдгьт и чьнугь мьогч
 богьтн дьүн, сьүгүгьн. Она
 бына тькн. Тькн мьогчн мьогч
 цун д ачнн сьогч мьогч
 - е сьогч мьогчн дьүн мьогчн и
 мьогч мьогч не вьдгьт. Мьогч
 вьс и мьогч мьогч мьогч
 сьогчн, но мьогч мьогч
 в чьн сьд дьүн мьогчн.

7. Чабга гнмн жтмн, герн, но
 днл нел продолжмт жнть н
 дурне родственики н дурне
 люди. Она была способна лю-
 бить н быть близким чело-
 веком н для других родственни-
 ков н людей. Помню я, как она
 мне рассказывала историю по-
 хищения Жени. Как неподдельно
 сильно она опять переживала
 эту историю.
 Рухсаг үэд, рухсаг!

ко постольку, поскольку живут в нем ее детеныши. У Чабга были
 тоже дети, но для нее продолжали жить и другие родственники
 и другие люди. Она была способна любить и быть близким че-
 ловеком и для других родственников и людей. Помню я, как она
 мне рассказывала историю похищения Жени. Как неподдельно
 сильно она опять переживала эту историю.

Рухсаг үэд, рухсаг!

Ног хабарај нам ннцү ис. «Цэл має кафджвтæ» та нвртаг-
 кæ амбрдтæ кәнвнц. Борьба не вокруг оппозиции — а во-
 круг портфелей. Удивительно, теперь все это делается открыто.
 По-моему, это шаг вперед по пути к порядочности. Зачем еще
 прикрываться красивыми фразами. Не проще ли было давно
 сказать: «Кушать хочу». Сейчас полоса конференций. Идут пе-
 ревыборы по партийной линии. За этим последуют перевыбо-
 ры и по административной линии. Упорно говорят, что выдви-

гают на пост секретаря Обкома Петка Таболова. Опять антидигорское возмущение после вашего съезда. Пока это настроение вылилось в желание вызвать на ант. выск. П. Таболова, якобы, большого дигорофоба. Но я думаю, что это разговоры. В разговорах иронцы сильны, а в деле дигорцы всегда побеждают. И на этот раз опять наши будут биты. Поживем, опять увидим.

Абон у Татаргупв бон. Ја хорзæх дæ ўæд. Адæм тонвнц натхор. Хорз рæстаг скодта — хур æмæ хус. Іу чвсвл асæлфвнæгкодтæ — фæлæ та схуркодта. Саламтæ двн æрвітвнц іўўæлдæр: Иванæј, Хойролаеј, Полина Сергеев, Тоболаја. Нæ æфсін двн дæ мвдвхæј арввста æмæ мæткæнв ку акæла, зæгъгæ. Æз вн зæрдæ æвæрвн — хорз сæ батвхтæј, зæгъгæ æмæ нæ акæлдзвств, зæгъгæ.

Привет старику Андукапару с семьей. Привет Габо, Саше и детям. Привет Савкудзу.

Будь здоров. Уастврджі д'æмбал! дæ qaqqæнæг!

Привет Александру Арнольдовичу — твоему шефу».

Среди писем А. Г. Тлатова представлено еще одно интересное пространное письмо, написанное им из ссылки в июне 1936 г. Ц. Б. Амбалову, который никогда не забывал и не отрекался от своих друзей. Оно необычайно интересно изложением наблюдений автора об окружающих его заключенных, его мыслей о человеческой натуре и судьбе. Здесь же представлены его воспоминания о посещении в 1904 г. К. Л. Хетагурова. Данные воспоминания уже были опубликованы в сокращенном варианте,²⁰¹ но адресатом письма был ошибочно указан не Цоцко Амбалов, а Борис Алборов.

Приведем полностью данное письмо:

«14/VI Mein lieber und guter Greijs!

Получил твою открытку из Владикавказа. Открытка на этот раз лишняя сделала, чтобы попасть ко мне. Мой старик немного перепутал. Очевидно, траурные торжества памяти Великого его Друга вывели его из равновесия, и он забыл, что его пациент живет (*неразборчиво* — А. Т.) Караул-Тюбе, а не Куй-

люк-Тюбе. А тут недалеко где-то есть и Совхоз Куйлюк-Тюбе, куда и была послана открытка...

«Нет худа без добра». Открытка пришла утром рано, в день отдыха, свободный относительно, когда обычно и тоска по милым родным горам начинает вторгаться в души и овладевать сознанием против воли. А в такие моменты — лучшее лекарство побеседовать с близким другом врачом...

Под влиянием твоей открытки, написанной на этот раз в второпях (или это мне так показалось), налетел на меня опять целый вихрь воспоминаний, переживаний ярких, живых, так свежих, как будто это было вчера... Волнующе радостно, что память Великого Нашего Unicum'a так заслуженно всенародно, торжественно отмечена... Фарисейство — нормальное историческое явление. Фарисейство — присущая Nom. sap. черта, данная ему Творцом... Поэтому не полагается быть строгим судьей... Спасибо великим фарисеям: «Лучше поздно, чем никогда»... Великий Жрец высшего искусства и вольного вдохновения, Великий Служитель Музы, певец и поборник истинной свободы, истинной красоты *искаэји амвндаэј наэ зарвд, искаэји аэмдзэгдэј наэ кафвд!*..

Не исключена возможность, доживи до наших дней, он был бы много дальше, чем Ставрополь-Кавказский. Несмотря на свои 70 лет, чего доброго, он, как инвалид по возрасту и еще инвалид по большой укороченной ноге, был бы здесь, в числе моих клиентов, таких же инвалидов. И наш непревзойденный Коста, наблюдая отсюда горы, горизонты ферганской долины, немного напоминающие наши горы «райгўран бэстэ» и, переживая тоску и боль разлуки по ним так сильно, как один он умел чувствовать и переживать, пел бы во всю грудь: «Қордағай нүжістәм нүўахтам наэ бэстэ фосв дәр ма афтә нүбпүрх кәнв сүрд». И я бы имел счастье слушать это божественное пение...

О, если бы только «нүбпүрх кәнв»!..

Вспомнил тот ужасный конец, ужасную болезнь, которую послала безжалостная судьба нашему Великому Певцу «Края беспроблемной нужды», где испокон веков заэји сәфтән рад и царит безутешное горе...

1904 г., конец июня. С дипломом врача в кармане, со многими переживаниями на душе в прошлом, с далекими воспоминаниями о телеграмме: «Мужайся, обещай» от верного друга, с ранних лет своих до сего дня всегда готового быть там, где его зовут, к нему обращаются за помощью, как Ирв Свзгәрин Уастурджі, полный надежд, планов на будущее, я еду, через Питер, домой. Неожиданно для меня, решил ехать со мною и покойный Долэ Кубалов, когда узнал, что я еду через Питер для того, чтобы остановиться у Додти Бигулова, слушателя Питерской Дух. Академии, который просил меня по пути остановиться у него и обещал снабдить деньгами на дорожные расходы... В Питере, как условились и списались, остановился у Додти. Его самого не было, он уехал на требы на 2 дня. Хозяев предупредил, чтобы меня приняли хорошо и не отпускали до его приезда. Долэ не впускали, говоря, что сделано распоряжение — принять одного меня. Удалось уговорить их, и Долэ тоже был принят... За 2 дня нашего пребывания там, Долэ стал хозяйничать, несмотря на то, что кормили нас больше, чем нужно, и вытасил откуда-то бутылки с хорошим кахетинским вином. Из 10^{ти} бутылок выпили 5. Я тоже легко поддался доводам Долэ, что вина припасены исключительно для меня, своего любимца из Тифлиса. Мы, ведь, один год в Тифлисе вместе учились с ним и дружили. Я, в качестве псаломщика, сопровождал его по «частной практике» там, по «требам», и «спелись» с ним в голосах, как братья Пилиевы в Рокках спелись, помнишь?.. Вернулся Додти. Был рад мне, несмотря на то, что неприятный мим пробежал по лицу, когда на подоконнике увидел пустые бутылки... Ограничился замечанием, что вино было чужое... Выезжаем на другой день. Додти сопровождает до Николаевского вокзала. Жду, что всунет мне в руки малое, только на дорожные расходы, как обещал... А я еще в Юрьеве решил, что тогда заеду по пути в Лабæ, к братьям... Додти не в духе. Огорчается, что денег нет, и ничего не может дать. Я успокоил его, что доеду как-нибудь, решив в душе — держать путь прямо домой, не заезжать в Лабæ... Через несколько лет, когда я был уже в Алагі-

ре, а Додти в Ардоне священником, он передал мне, почему все так получилось. Оказалось, что Долэ (он так твердо был уверен в этом) вытряхнул из его копилки, стоящей на комод, все его сбережения 35 р. золотыми 5-рублевками, из которых то бедный Додти собирался снабдить меня на дорогу... В Ростове на Дону, перерешив опять все-таки повидать своих братьев в Лабаэ и обрадовать их своим неожиданным появлением, по окончании курса, я, воспользовавшись 2 часами времени до отхода поезда, поскакал в казенный Глав. Винный склад, где служил мой бывший сослуживец по Батако-Юрту, учитель Иван Собиев, брат инженера Инала Собиева. Его дома не оказалось. Жена — Гуткян обрадовалась мне, как родному брату, которого, кажется, у нее не было... Объяснил цель моего визита: нужны мне 5 руб., чтобы я мог заехать в Лабаэ. Она принесла сейчас же 5 р. золотом, и я радостный поскакал обратно, чтобы не опоздать к своему поезду. Успел за 5 минут до отхода...

Я — в Лабаэ. Приехал вечером. Утром пошел к Дзасоховым. Посидел немного с матерью Цопян. Захватил с собой Гиго Дзасохова, как провожатого, и направился к Коста. Был жаркий летний день. Накануне мне наш Бадче передал уже, что «Қоста бвнтон дәр сврра, әмәҗ яә кој дәр нічі уал кәнв. Ферох іс адаәмај бвнтон дәр». Приблизительно то же самое сказал мне по пути и покойный Гиго. Кажется, если мне память не изменяет, я передавал все это не раз... Ну, все равно. Если даже так, я продолжу эти тяжелые воспоминания для себя. А отзывчивый и добрый мой врач должен выслушать снова своего любимого пациента, дающего своему врачу хоть тем много приятного, что послушно поправляется от всех своих недугов и крепнет из года в год, несмотря на тяжесть многих десятков лет на плечах и наличие продолжающегося несладкого stat. (*неразборчиво* — А. Т.).

Зашли с Гиго прямо во двор, не постучав предварительно, не желая беспокоить больного. Во дворе фигура голого человека с завернутой совсем головой. Поверх неуклюже двигаются плашмя кисти рук: он трет свою голову из последних сил.

— Дæ бон хорз, Қоста, — обращаюсь я к нему довольно громко.

Он опустил руки, открыл левой рукой лицо. На безжизненном, без мимики, обросшем густой бородой с проседью лице показались его большие, но уже неживые глаза.

— Цүмі кәнвс, Қоста, — опять громко я обратился к нему.

— Солнечные ванны принимаю, солнечные ванны, ванны! Они полезны, полезны... Әмә дү чи дæ? — спрашивает он меня после долгой паузы.

— Студент Петербургского У-та, — ответил ему Гиго, как условились по пути, ибо такие больные от одного слова «врач», «доктор» приходят в неистовство.

— Студент... узаэг... Это хорошо... хорз...

В это время вышла к нам и подошла Олгá с засученными рукавами, в фартуке. Видимо, она готовила ему кушать. Она встретила нас радушно... Но Коста, когда завидел ее, пришел в сильное возбуждение.

— Ты опять пришла?

Такие больные обычно ненавидят ухаживающих за ними персонал, так же, как и врачей.

— Қоста, махур, маств макән. Рац әмә іств бахәр, әххормаг кув дæ нурма. Уәртә дүн карчв бәдул картофтима әцәдтә кодтон. Мәнә узаәджв дәр ракән д'әмә...

Медленно направился в дом, не говоря ничего. Сел на свою кровать. Надел свою рубашу длинную, которой завернул свою голову во дворе. И рубашка, и постель были довольно чисты для такого неопрятного больного... Принесли ему покушать. Набросился на еду. Глаза, лицо как будто ожили немного. Все же недовольно поглядывал на Олгá. Она догадалась вовремя и сказала: «Уйду, уйду, Коста. Ты только кушай» — ушла... Он продолжал есть, не обращая никакого внимания на нас, как будто нас и не было там...

На круглом столе большой роскошный альбом. Я взял его в руки. На первой странице портрет Кипиани. Это я узнал потом от него, так как никогда не видел его и не знал. Слышал,

что «Фæндараст» посвящено ему... Когда Коста кончил есть и превратился опять в безжизненную статую с глазами без былой жизни в них, без былого живого блеска и выражения в них, я указываю на портрет Кипиани и спрашиваю его.

— Коста, ацц нвæ кæј хувз ў?

— Разве ты не знаешь?.. Кипиани... Много любил осетин... и делал много хорошего нам...

Далее ряд других карточек. Ответы правильные. Глаза, лицо, как будто стали опять живыми. А голос, манера говорить точно такие, какими я имел счастье когда-то слышать в Ардоне у Василия Касабиева, будучи семинаристом, и когда я от смущения и восторга пред нашим Великим Кумиром, и ног под собой не чувствовал. Видел его первый раз...

Теперь в Лабæ вижу 2^й раз... Было бы много лучше, если бы этот случай миновал меня!..

Когда заговоришь с ним о давно прошедшем, об епископе Петре (кажется), Кипиани, о Сони Тархановой, говорит нормальный Коста... О настоящем: бред нелепый, бессмысленный... Строю дом в 1000 этажей, каждый этаж в версту высотой... Разрабатываю наши горные минеральные источники...

«Суар, суар — зонвс, зонвс?».

— Зонун, Коста, — отвечаю ему...

— И вот алмазы, бриллианты, изумруды и величайшие ценности в этих наших минеральных источниках... источниках...

Мы ушли. Олгá проводила. Просила меня зайти пред отъездом к ней...

Ушел и шел в таком состоянии духа, что трудно и представить... Наш Бог, наш Кумир-божество, Единая Гордость нации нищей, убогой, чье имя наполняло душу всякого учащегося юноши-осетина радостью, гордостью, надеждами на лучшее будущее для дорогой родины, чье имя объединяло всех в самых лучших чувствах преданности, любви к родному народу, в желаниях и беззаветных стремлениях быть полезным ему в чем-нибудь, в каком-нибудь отношении... И вот на тебе! Все потухло. Мрак. Темь холодной осенней ночи... Потух и не будет боль-

ше светить маяк, заставлявший студента Путей Сообщения бросать институт, этот высший идеал личного благополучия, и идти из Столицы в глухое село, менять блестящую карьеру инженера путей сообщения на работу скромного учителя в селе, чтобы учить детей и знакомить их с песнями Коста...

И ужас! Тут, близко, около него, живущие рядом с ним не знают, что с ним, не интересуются больше... Как будто его давно похоронили, и нет его больше между ними... Для них даже странно, что кто-нибудь еще может интересоваться этим живым мертвецом...

Цæј маънг дæ, Хуцауу дуне! Sic transit gloria mundi!!!

Пред отъездом я, уже один, зашел к Олгá. Она в слезах говорит мне: «Передайте нашим во Владикавказе — в каком я положении, я — одна. У нас нет ничего. Ведь там его любили. Расскажите все, что видели».

Я обещал все передать. Успокаивал ее, сколько было это в моих силах, в моем умении. Не скрыл от нее, что бóльшая тяжесть креста еще впереди для нее.

— Неужели он еще долго будет мучиться?

— Трудно сказать, но запастись надо терпением, самоотвержением. Все зависит от других осложнений, — был мой ответ.

Не мог же сказать ей, что настоящий ужас только начинается. Он болел только один год с лишним... Второй и 3^й год обычно наступает такой духовный и физический распад, что приходится иметь дело с таким живым разлагающимся трупом нечеловека уже, что эту картину не выдерживают и привычные нервы старых психиатров...

Я уехал. Передал виденное Гаппо и др. «нашим» во Владикавказе. Передал и то, что впереди еще для бедной одинокой энергичной женщины, героически сознательно решившей не сдавать Великого Брата до последней минуты в псих. больницу, решившей не расставаться с ним и самоотверженно посвятить себя уходу за ним... 18 июля 1904 г. Я сам уже был в Асхабаде. Узнал, что «наши» кое-что предприняли и сделали, чтобы облегчить материальное положение Олгá...

Почти два года еще, после этого, продолжался этот нечеловеческий подвиг этой исключительной женщины, неродной сестры...

Я же, видевший все это, хорошо знающий, что предстоит еще впереди пережить этой женщине, нвстуан хэссæг, погрузился в личную жизнь начинающего работать врача с мелкими профессиональными и обще житейскими заботами, забыв свой элементарный долг пред этой женщиной, самоотверженно отдавшейся делу, которое было общим для всей страны... И, какой позор, какой стыд, палец о палец не ударил, чтобы оказать некоторую материальную помощь этой одинокой героине, ограничившись письмом, где я успокаивал ее и ставил ее в известность на счет исполнения ее нвстуан «нашим»... Очевидно, «не дано мне»... «рожденный ползать, летать не может!».

Похороны были торжественные во Владикавказе, в интернациональном масштабе, передал Бабу, устроивший ему и национальный бæхфæлдисæн. Весь интернационал Терской области всколыхнулся — отдать последний долг Великому и Смелому Певцу нелегкой доли горца... Но я уверен, что никто и не догадался сказать этой замечательной женщине, какой подвиг она совершила для всей родной страны, хотя она в этом едва ли нуждалась...

А теперь, через 30 лет, тем более. Едва ли многие знают, кто была Олгá для Коста в последние 3 года его жизненной трагедии. И помянул ли ее кто добрым воспоминанием. Если оказался такой, спасибо ему большое, спасибо!

Рухсаг ы Коста, рухсаг!

Рухсаг ы, рухсаг Олгá! Стур тух, стур қазуатдзинад равдвстај. Бірæ нвјараг Мадв бон дæр н'æ с'увдзæн увј бæрц уарзондзинад равдиснн јæ иуунаг қабулв цардв сæрвл дæр... Рухсаг ы, Олгá, рухсаг! Дв иуунагæј бафвстај æгас Дзвллæји æгкој цв хæс æвæрд увдi, үвј... За твой великий подвиг благодарная родина поднесла тебе в награду мученический венец руками близких тебе по крови, братьев!.. Благодарная родина сумела оценить твой под-

виг, сумела отблагодарить тебя точно так, как Соня Гагкаева, тоже рожденная в Лабае, отблагодарила вскормившего отца.

Будь здоров! Привет всем вашим. Получила ли Дзвгкн «невольную» карточку?

Dein pazient.

15/VI

Сегодня решил еще дописать. Больно мне оставлять милого старца под впечатлением тяжелых моих воспоминаний, которых, по настоящему, не следовало выкладывать на бумагу.

Рухсаг ў, Васили Касабиту, кто дал мне счастье лицезреть Великого Нашего Unicum'a во время наивысшего расцвета его таланта, когда он был в зените своей заслуженной славы.

1906 год. Осень чудная, солнечная, прекрасная. В Алагир компанией приехали: Дзвбн, Сабан, Измаил, Уртаев. Я уже был 2 месяца на службе у бельгийцев. Силой забирают и Бабу, и меня с собой в горы, по неопределенному маршруту. В Мизуре моим «туристам» оказали радушный прием. Оттуда в Цей, к Мише, на ледник, обратно через 3 дня в Chnalу, где устроил нам такой прием Гаддзи Ваниев, что покойные Сабан и Дзвбн до самой смерти не забывали. Тут Дзвбн открыл нам свои карты: конечное звено нашего туризма, конечная и самая главная цель их туризма: навестить больного чахоткой легких и горла друга Василия Касабиева в Цми... И вот, мы в Цми. Приезд друзей, особенно, видимо, Дзвбна (по Киеву), страшно его обрадовал... Впоследствии, когда он окреп и почти поправился, и открыл свою гимназию в Христиановском, он в один из моих приездов к больным ученикам его гимназии, чистосердечно признался и говорил, что этот визит его друзей сыграл чудодейственную роль, что с этого дня он стал быстро поправляться...

Сколько юмора, сколько остроумия, шуток было сказано Сабаном и Дзвбном по адресу друг друга. Больной Василий от смеха не в состоянии был сидеть и часто принимал горизонтальное положение. Чтобы больному Василию не причинить никакого беспокойства по приему гостей, остановились у Елмурза Хетагурова. Габо тоже был дома, и было кому ухаживать за гостями.

Бабу читал нам лекции о высоких целебных свойствах наших минеральных источников... Измаил — в ударе, в эйфории — о новых установках юридической мысли в теории и на практике в некоторых местах, за рубежом, кажется, в Новой Зеландии, где нет ни одной тюрьмы, ни одного заключенного, где свои «мечи перековали на орала». Василий видит его и слышит в первый раз, приходит в детский восторг от его красноречия, от его знаний... Дзвбвн в неизменной роли председателя высокого собрания, в заключительном слове, едко критикует докладчика-оратора, выявляя — откуда, из какой книжки Измаил брал эти сведения, эти новинки, и когда, и что он неправильно передал, прибавил от себя или просто преувеличил и т. д. и т. д.

— Было время! Остается одно сказать!

Не могу воздержаться от соблазна — познакомить моего старца и с однокашником Василия по Тифлисской Дух. Семинарии, с которым я имел несчастье познакомиться здесь, и который представляет большой интерес для любителя редчайших экземпляров *Нот. сар.*

Т. А. Иваницкий — Митрофорный протопресвитер (военное духовенство) — 70 лет — грузин, с высоким дух. акад. образованием. Конечно, Казань. Тифлисскую духовную семинарию кончил с Василием. Довольно образован. Он — редчайший экземпляр самой гадкой породы *Нот. сар.* ... Это — воплощение грубейшего, животного эгоизма и ужасающей «моральной наготы», как любил говорить покойный Дзвбвн. Нет такой подлости, такой гнусности, низости, которой он мог постыдиться, и не прибег бы — лишь бы добиться своего освобождения. Он не остановился бы и пред тысячами чужих жизней. Лицам, которым по своему положению не полагается это делать, и то отворачивались от бесстыжей, бессовестной лжи, которую изрекали поганые старческие уста, по грубой ошибке природы, обрамленные красивой белой бородой, как у Деда Мороза, не гармонировавшей этой подлой душе, этой грязно-землистой роже с дьявольскими бегающими глазами, на которые трудно было смотреть, и с челюстями и зубами смею-

щегося волка. Спасибо моим сотрудникам, которые догадались и постарались обнажить это милое личико, и, в одну из генеральных санобработок, сняли, сбрили эту бороду, чтобы она больше не гримировала эту Иудину физиономию, душу...

— «Иудина душа» — старое выражение, когда-то очень сильное, а ныне мизерно малое для нашего случая.

Иуда — делом показал, что у него была совесть, которая незамедлительно заговорила и, убедив его в том, что он предал Невинного, заставила прибегнуть к веревке, как к последнему средству — положить конец внутренним мучениям, ставшим выше его духовных сил. Моего же митрофорного архигада не смутит никакое распятие Невинного, не взволнует смерть не только одного Христа, но и сотен, и тысяч Христов, которых он будет продавать до последних дней жизни, чтобы купить себе право жить, право продолжать поганить, мерзить землю.

При всем моем отвращении к нему, я не мог не заинтересоваться им и часто беседовал с ним, что немало удивляло многих. И вот, что я узнал из его генеалогического прошлого, с его слов. Он не грузин. Его дед был аварцем, старым влиятельным Муллоу, во времена Шамиля, Хаджимурата, князя Воронцова. И вот он, очевидно, такой же подлый, как и внук, и не глупый, хорошо учуял, где сила, где лучшие харчи, где выгоднее для его утробы быть, сочинил видение креста на небе с надписью: «Здесь правда истинного Бога» (вроде креста Константина), и явился к Воронцову в Тифлис, и стал просить его, чтобы «посвятил» его во священники. Набожные русские, насадители единой истинной веры, умилились новоявленному чуду и повелели быть посему: Старый мулла да будет старым попом в гор. Тифлисе. Духовным отцом-восприемником был известный при Воронцове генерал Иваницкий, давший ему, следовательно, и его потомству свою фамилию. И вот, имею несчастье представить маститому старцу Митрофорного внука муллы-прохвоста.

Примечание: Если любимый мой старик помнит, в Алагире для русских была старая школа с мастерскими, с тутовой рощей

и садом имени ген. Иваницкого. Ее с торгов купил Евг. Битаров на слом и построил себе дом. На ее же месте построили кирпичное здание — школа, а вместо постаревших тутовых деревьев насадили фрукт. сад.

Внук унаследовал от знаменитого деда духовные богатства, способности развил, приумножил, и надо же было злой судьбе это, чтобы она принесла его сюда, где и без него было достаточно хорошо.

Я не знаю, способен ли ты представить внутренний мир этого человека: ничего святого нет, не было, не могло быть, не может быть и не будет никогда, все существо, вся жизнь во плоти, души в человеческом смысле нет. Вся жизнь прошла в службе лжи, гнусному обману для целой личной животной жизни, личной выгоды, личного благополучия. Конец 7го десятка — полный физический распад организма. И вот, со страшной гримасой ужаса, отчаяния на гадкой физиономии, он хватается за все, чтобы только пожить еще этой гнусной жизнью.

Как-то, испытывая его, я сказал ему следующее: «*Bathono!* Вы прожили больше, чем достаточно — 70 лет. У вас не должно быть других мыслей, кроме мыслей о смерти. Здесь, тут, для вас самое подходящее место — умереть, отойти от суетного мира тихо, вдали от близких, родных, чтобы больше не причинять никому ненужных, бесполезных хлопот, забот, беспокойства и т. д. А что вы ходатайствуете об освобождении — это уже совсем напрасное, безнадежное дело! Кому вы нужны на 70 году, и на что полезное еще вы способны для кого бы то ни было? «Игра не стоит свеч!» Ваше освобождение не стоит потраченной на него бумаги!».

И вот тут вся мимика лица так запрыгала, задергала, глаза засверкали таким сатанинским блеском, что не было сил смотреть на него, и я отвел свои глаза от этого неприятного зрелища.

— Я, я, я во многом могу быть еще полезным! За короткое время в лагерях я раскрыл много случаев злоупотреблений, вредительства. На воле я делал бы это дело в бóльшем масштабе...

И что же ты думаешь? Негодным тварям, подлым лжецам больше везет. Вскоре он был освобожден по линии НКВД и отправлен обратно на родину...

Картина бурного людского потока, прошедшая пред моими глазами за эти 6 лет, настолько сложна, разнообразна, интересна, что я рад бы был тебе ее описать, если бы было время, подходящая обстановка, было бы это можно. Когда-нибудь, после, если стариковская память будет позволять еще эту роскошь, если Бог даст еще, вселюсь к тебе на 1-2 месяца, все порасскажу более обстоятельно. А пока, на всякий случай, ограничусь кратким описанием, краткими замечаниями и характеристиками отдельных социальных групп.

Попов всякого возраста, разного иерархического чина, разной масти, до архимандритов, архиереев, мулл — встречал, наблюдал, лечил, провожал на тот свет — много. Но второго Иваницкого я не видел среди них. Хотя помню хорошо: 1) «Не судите, и не судимы будете»; 2) «О мертвых или ничего или хорошо», все-таки не могу воздержаться, чтобы не сказать о подавляющем большинстве этой группы людей: «Боже Праведный! Как земля могла их держать до сих пор. Зæхх сæ бvнv кувннæ нvххæуді!» ... Потомки обязаны возобновить старый культ поклонения огню, символу огня новой эпохи, спалившего эту нечисть с лица земли, нечисть, являющуюся «тяжким упреком Творцу на земле», как кто-то где-то выразился.

Раввинов не встречал. Кажется, их и нет совсем в лагерях.

Интеллигенция: в большинстве жалкие шкурники, прихлебатели, подхалимы, меньше всего думающие о человеческом достоинстве для себя, и тем более для других.

Торговый элемент: его душа — деньги. Все помыслы вокруг одной центральной точки: другие, их товарищи, на воле продолжают зарабатывать, а они — здесь, за проволокой. Когда же, наконец, они выйдут, чтобы опять взяться за это милое привычное дело, без которого для них жизнь не жизнь, а хуже смерти??

Люди «Дна», продукт крупных рабочих центров, безрукие, безногие, всякие физические и психические уроды — это но-

вейшая форма отсутствия вообще человеческого, о них трудно даже что-нибудь сказать... Самый опытный зоолог не найдет им места на фенотетическом дереве...

Среди духовенства, как счастливое исключение, и сейчас наблюдаю одного армянского католика архимандрита — армянина, получившего образование в Италии у «святого отца», как он любит называть папу римского. Не молодой уже, лет 50, спокойный, работает с утра до вечера, честный, услужливый, больше думающий о других, чем о себе, с хладнокровным равнодушием относится к своему заключению, дающему ему, как будто, даже некоторую радость, некоторое удовольствие...

Я вижу, что мой старец стал пугаться, волноваться и готов воскликнуть: «С кем же живет мой пациент, и как это возможно, что он не погиб еще в этом аду? Не только не погиб, а поправляется от многих своих болезней?».

Во-первых, твой пациент имеет непревзойденного врача-мага — старца-друга. Во-2^x, подавляющее большинство людского моря, по волнам которого плывет твой пациент, поддерживая духовный контакт со своим добрым рулевым-врачем-чародеем, состоит из родного, близкого нам духовно и телесно крестьянства. Вот тут-то доморощенные наши деревенские философы-стойки всяких национальностей прямо поражают, заражают своим мужеством, нравственной красотой, тихим, не кричащим героизмом в несении посланного им судьбой креста.

Ничто так не выявляет, не обнажает во всей наготе сокровенное глубинное «Само» человека, как примитивный инстинкт самосохранения пред раскрытой пастью смерти. Это важнейшее испытание для выявления истинной внутренней физиономии человека, духовной цельности и монолитности личности.

Будь здоров! Dein pazient.

16/VІ

Не удалось отправить письмо. Хотя мне и жалко моего друга-старца, все-таки я решил еще помучить его сегодня. Хочу просто пофилософствовать со своим духовным врачом по по-

воду вчера написанного. Я слышу уже, что ты говоришь: «Мой узник-пациент преобразился за последнее время во второго Бæбу 3. — доморожденного философа». Не согласен с этим. Бæбу — философ с ранних лет, рожденный философ. Он начал свою философскую карьеру в лучшие времена, когда можно было иметь и аудиторию, и слушателей во всякое время, во всяком месте. Был и необходимый для этой деятельности досуг и для философа, и для слушателей. Но tempora mutantur. И насчет аудитории, и насчет слушателей. Теперь... ни... ни... Единственный слушатель у твоего пациента — это его врач, и то на расстоянии нескольких тысяч верст. Без радио, при помощи одного карандаша, имеющего, как будто, одно предназначение и цель — вконец испортить орлиные глаза доброго старца и пытаться без меры, без границ его терпение, его выдержку. Да простит еще и на этот раз он своему пациенту, который тогда и живет, когда беседует с ним. Постараюсь быть короче, как только это можно.

Раньше я думал, что такие типы, как Платон Каратаев («Война и мир»), студент-разночинец и старый раскольник («Божеское и человеческое») — просто фантазия, идеал великого моралиста-художника. Теперь я воочию убедился, что такие экземпляры среди крестьян действительно живут. Просто, философов крестьян, вроде моего алагирского старика Асахмета Царакова или твоего Хусина Лолиева или Цоци Дзугаева, хорошо разбиравшихся в вопросах жизни, немало встречал и видел среди сородичей и других наций. Но я имел мало представления о том, что они одновременно с глубоким познающим умом, владельцы крепкого нравственного чувства. Они настоящие философы-стойки, которые сохраняют гармонию духа при самых тяжких жизненных пертурбациях. Теперь эти типы для меня не фантазия, не идеал Л. Н. Толстого, а живые реальные люди, изо дня в день, на моих глазах выявляющие свою духовную красоту, свое духовное богатство в объеме и силе, вызывающей восхищение, удивление. Это, своего рода, стальные утесы среди бушующего моря. Волны постоянно бьются о них, взбираются по

ним и обратно катятся от них, слизывая, смывая с них только всякую грязь. По временам же и волны-гиганты налетают на них с бешеным неистовством, готовые вот-вот опрокинуть их головой вниз и похоронить их на дне моря навсегда... Волны проскакивают через их головы, а они опять показываются такие же крепкие, неподвижно гордые, но еще более чистые, в лучшем блеске и величии. Волны оказывают только услугу, еще больше очищая их...

Жизненные испытания, удары волн несладких вод житейского моря только способствуют большей красоте духа этих философов-стойков. Если память мне не изменяет, когда-то мой старик, кажется, с этой точки зрения характеризовал мне Байлу Гадзиева, Саукудза Дзугаева и Иласа Дударова (Слонатв)

...

«Внешние препятствия не наносят вреда человеку, сильному духом. Внешние препятствия озлобляют только животных, человеку же с сильным духом прибавляют нравственной красоты и силы. Куда бы судьба тебя не забросила, с тобой твоё истинное богатство — твой дух, твоя сущность. Не допускай нарушать цельность твоего духа». Марк Аврелий. «Потерять состояние, деньги, дом — не есть несчастье. Самое большое несчастье, когда потеряешь истинное богатство, истинную собственность — свое человеческое достоинство». Эпиктет.

Это было 5 лет назад.

Два родных брата-баптисты из крестьян. Старшему лет под 50, младшему под 40. Всегда ровные, спокойные, без суетливости, без видимых колебаний в настроении, необычно добрые ко всем, делятся последним и просто, не рисуясь, аккуратные, добросовестные, строгие к себе в исполнении возложенных на них нелегких работ. Кончив свою норму, начинали помогать отстающим. Были всегда предметом моего удивления... На каком фундаменте держится, каким цементом скреплен такой красивый истинно стоический дух? Долго не представлялся случай поговорить с ними, узнать их поближе. Наконец, раз нашел старшего и осторожно стал подходить к нему. Предварительно

поговорив о здоровье, о производственных нелегких земляных работах, я спросил его, как он представляет значение и пользу производимых работ. «Нелюди уничтожают людей... Если вы не так думаете, то вы ошибаетесь». Признаться, такой неожиданный ответ меня смутил сначала. Но скоро собрался с мыслями, и я спросил его, что придает ему такую самоуверенность, такое ничем не нарушаемое спокойствие духа, в то время, как другие люди проливают одни горькие слезы?

«Вы поговорите об этом с младшим братом. Ему все дано, и он объяснит вам все хорошо», — ответил он. У младшего брата и вид какой-то особенный был. Трудно и описать. Но мне так и не удалось поговорить с ним, кому «было все дано». Старший лежал как-то тяжело больной от дизентерии и был также спокойный, мужественный... Когда пришли к нему далеко нелегкие вести, что жена и дети где-то в другом месте гибнут, он продолжал тем же быть... Я не думаю, что тут имеем дело с библейским Иовом: Бог дал, Бог взял. Это особая врожденная монолитность, гармония духа. «Дано было ему». Рожденные стойки-философы. Удары жизненных крушений — для них родная стихия, и, как буревестники М. Горького, они тогда испытывают, переживают счастье в сознании своей несокрушимой духовной силы и крепости. «Дано им». Очень жалею до сих пор, что не удалось узнать младшего брата, которому «все было дано».

Немец — учитель сельский, менонит. Болел скоротечной чахоткой. Почти ежедневно писал письма жене с 4^{мя} малолетними детьми, оставшимися где-то на Волге. Неземное спокойствие, неземная выдержка до последней минуты. Я его всегда звал: Mein lieber «Uber alles».

— Как себя чувствуете сегодня?

— Хорошо, хорошо! Температура не выше 40°! — бывал обычно его ответ.

— А как насчет der Mut und die Hoffnung?

— Sehr gut, sehr gut!.. Menschen sterben, Leider nie, — отвечал он всегда спокойно, с удивительно доброй улыбкой.

Со слов медсестры за 5 минут до смерти говорил ей: «Сестра! Уже пришли за мной. Я чувствую... Я ухожу»... Прибежали за мной. Я пришел вскоре, без халата, торопился. Его уже не было. Отошел. Ахїцан. Его обычная неземная улыбка застыла на побледневших губах. Рухсаг ў! Умер 1 месяц тому назад. «Ни потеря трона, ни измена счастья ничего бы для меня не значило. Но знаете, чего я положительно не в силах вынести? Подлой низости, ужасающей людской неблагодарности. В виду такой бесстыдной низости и гнусного эгоизма я с отвращением отвернулся, и самая жизнь сделалась для меня противной, — так говорил великий Наполеон, которого даже ярые враги-современники называли полудемоном, полубожеством. Подлость и эгоизм близких людей оказались тяжестью, погнувшей его стальной позвоночный хребет. И могучий лев, царь царей, гроза мира заревел от боли.

«Многое ему было дано». Алцамај дәр аххәст. Алв қарў дәр хәрх... Не хватало только самого главного — не хватало стойков: Марка Аврелия, Эпиктета, братьев-баптистов, немца-менонита. Увј ін ләвард нә уді!..

Какое удивительно замечательное совпадение, всегда больше всего меня удивляющее? Стоическую философию создали два человека, независимо друг от друга, стоящие на двух противоположных полюсах человеческой социальной иерархии: Марк Аврелий, всему миру известный император могущественной Римской империи, и Эпиктет, никому не известный бедный рабочий. Между ними ничего общего ни по воспитанию, ни по положению. Вот, пойдя и подведи сюда теорию: «Бытие определяет сознание». Два совершенно разных индивидуума, независимо друг от друга, разными путями пришли к одному и тому же построению, создали одну концепцию. Мысли одни и те же, система одна и та же. Разница только в выражениях, словах... Не понимая раньше достаточно сущности этой философской системы, не видя и не понимая всего богатства, всей ценности ее в жизни человека, особенно в моменты тяжких переживаний, испытаний, пертурбаций, я в од-

ном этом знаменательном совпадении всегда видел не случайность, а неотвратимую убедительность правоты... Здесь, пред лицом массовых нелегких испытаний, ценность, несравненная красота, преимущество этого учения — очевидны. Люди, которым «оно дано», как стальные утесы среди бурного моря, приобретают еще больше чистоты, нравственной красоты. Если умирают, то красиво, поражающе спокойно. Люди же, кому «оно не дано», гибнут как мухи и физически, и духовно. Умирают некрасиво, беспокойно, проклиная все и вся с диким страхом и ужасом на лице. «Ему дано», «Умман лавæрд у»! Чем больше наблюдаешь людей, чем больше думаешь над этим — это так.

«Вечно новым и возрастающим удивлением и благоговением две вещи наполняют душу, чем чаще и постоянное ими занимается размышление: 1) звездное небо надо мною и 2) закон нравственности во мне» (Кант). Очевидно этот нравственный закон в человеке для всякого мыслителя не фикция, не фантазия, не галлюцинация. «Ему дано было», и он ясно ощущал и видел его в себе, этот закон, также реально, конкретно, как реально, и конкретно, и ясно видел над собой звездный мир. Едва ли кто усомнится в том, что автор величайшего творения человеческого ума: «Критика чистого разума» мог хорошо разбираться в своем внутреннем мире.

Когда до самых последних дней своей жизни Л. Н. Толстой, не переставая твердить о совести, любви, как о Боге, вечном божественном начале, живущем в нем и во всяком человеке, очевидно, «ему было дано», и он реально чувствовал этого Бога в себе. Отсюда его страстная, непоколебимая вера в близкое торжество этого божественного начала любви в жизни людей, вера в близкий неминуемый переворот жизни на началах не насилия, а любви.

«Да, — писал он незадолго до своей смерти, — мы стоим на пороге совсем новой радостной жизни, когда любовь, которая вечно живет в сознании людей, заменит отжитое и губительное начало насилия» ... Бедный! Немного не дожил, чтобы

видеть своими глазами, как исчезло насилие, и воцарилась любовь между людьми!!!

Но я думаю, что он остался бы верным себе и не перестал бы твердить то же самое, ибо «лаваэрд вн увді».

«Зло и время царят на земле,

Ты владыками их не зови.

Все, кружась, исчезает во мгле,

Неподвижно лишь Солнце любви!».

17/VI

Новости науки!

Širiii nælæ chupp! (к письму)

Французская школа психологии, как последнее слово психологического анализа, создала такое иерархическое построение способностей души. Выше всех способностей души, как высшее качество, психической функции, поставлена способность схватывания настоящего реального окружающего, способность согласовать свою деятельность соответственно этому окружающему настоящему, способность уметь пускать для этой цели в ход весь потенциал гибкости, пластичности психических механизмов.

На втором месте поставлены: таланты и др. способности.

На третьем месте: инстинкты, влечения и т. д.

Как видишь, наиболее высшая, наиболее ценная способность человека — способность приспособления...

Возможно, что борьба за существование стала настолько серьезной, тяжелой, что есть уже опасность вырождения существующего вида hom. sar. и появления нового, а, может быть, его полного исчезновения и способности приспособления, как предупредительная защитная мера, превозносящая выше всего — «über alles». Они — сверхспособности.

«Все от глаза. Что для одного куча, для другого — поэма» (Достоевский). Поэтому я ничуть не был удивлен, когда стал узнавать в этом году эти открытия французской психологической школы, этой новинки психологического анализа, психоло-

гической мысли... Я думаю, что тебе известно, что эти взгляды кое-где популяризируются и успешно проводятся в практику жизни, а не только в одной Франции. Оказывается, этим «сверхспособностям» *hom. sap.* — сугубое внимание, сугубое поощрение.

Совесть, нравственный закон, честность, долг, героизм, рыцарство, как старая монета, потеряли свою ценность и даже места не нашли во французской иерархии. Я сейчас хорошо вспомнил слова знаменитого психиатра Шарко, тоже француза-парижанина: «С теориями всякими надо поступать, как с сорочками: как появятся новые — не запаздывать надевать их, сбрасывая с себя старые и выбрасывая их вон».

Ницше держался немного другого мнения, считая способности приспособления обезьяньими и говоря об обыкновенном типове *hom. sap.*: «Человек больше обезьяна, чем любая из обезьян» (*Also sprach Zarathustra*).

Ја зардæ, ја ахсану, ја оцавн каман ис уман, һај, һај итгæ хорз ў: фвств дзуг бирæ дæр кў уаігкој нард дæр фвджн дæр кў уаігкој, ахсврдаер, цаервджн цвхтдæр бирæ кў дæдтгкој, цувн звнаргъ, даргъ, бирæ, стај æнцон дарæн, чвсва хардз...

Кому что! Для Ницше — сверхчеловек!

Для великих вождей человечества, открывающих новые пути, новые эпохи истории, которым Гегель дал название приказчиков истории — французская школа малоподходящая и мало улыбается.

Новости — очень интересные для старика!

«1) Понижение энергии психической активности, ослабление усвоения новых впечатлений. Трудности понимания, обладания новыми фактами и явлениями влечет 2) консерватизм мышления, непринятие новых взглядов, новых методов работы, новых условий жизни, доходящее подчас до резко выраженного мизантропизма. В противоположность чуждому, непонятному новому — прошлое окружено ореолом необычной привлекательности. Спокойствие, уравновешенность в суждениях по существу, признак увядания и не говорит о «мудрости стариков».

Бережливость, аккуратность — результат сознания меньшей активности, работоспособности» и т. д.

Только не пугайся! Вот тебе почти дословная выписка из одной крупной современной психиатрии по вопросу о старости, о психологии стариков. Небольшая частичка из большой характеристики психологии старости.

Хорошо, что все это неправда. А то одно оставалось бы пациенту с его врачом — раскопать по 3 аршина земли, спуститься, лечь и закрыть очи... Нет, нет! Ни, ни! Мы поспорим еще с современными учеными мужами!

Я не знаю, в каком возрасте был автор этой книги, когда выкладывал на терпеливую бумагу эти мысли? Являются ли последние продуктом честного самонаблюдения, и он познал старость, познавши самого себя, или в них сказалось обычное в наше время желание — не отстать от века, от эпохи новейших темпов жизни, мировоззрения психологической мысли?

На первый взгляд, как будто, кое-что подмечено правильно, сказано метко. Но, если вдуматься, то полная неувязка или неправильная увязка между предпосылками и выводами. Для меня лично «в огороде — бузина, в Киеве — дядька». И «консервативизм мышления», и «спокойствие и уравновешенность в суждениях», и «бережливость и аккуратность», и многое кое-что еще не суть признаки «увядания», а скрепления, сцементирования, приведения в гармонию способностей души, устранения того разнобоя: «кто в лес, кто по дрова», «лебедь рвется в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду», который присущ молодости.

«Годы жизни прошли недаром,

Ясен предо мной конечный вывод мудрости земной» Фауст.

Вот где гвоздь, первопричина тем положительным явлениям старости, которые сей муж ученый считает за признаки увядания, деградации личности. Это — не патология, а норма. Между такой нормальной физиологической старостью и патологической много больше расстояния, чем между нормальной молодостью и сумасшедшей, выражаясь грубо, обывательской.

Такая старость, умудренная жизненным опытом, больше гарантирует от иллюзий, галлюцинаций, всяких ненужных увлечений, скоропалительных заключений. Она, вопреки утверждениям сего ученого мужа, имеет все возможности и «видеть и воспринимать новые факты, новые явления», и давать им более-менее правильную оценку.

«Разбивши в пух и прах ученого профессора» и неопровержимо утвердивши право старика-пациента и его врача — маститого старца — право, полное право — свое суждение иметь и суждение правильное, по всем законам данного Богом разума и данной Аристотелем логики, я, возрадуйся дорогой, и добрый, и терпеливый учитель-врач, кончаю свою писанину. Приведу еще только изречение знаменитого Парацельса, сказанное мне когда-то покойным Дзвбвн'ом в ответ на мой совет ему «приспособиться» к новому времени, новой эпохе:

«Nemo alterius sit, qui suus esse potest».

«Кто способен иметь свое суждение, тот не должен быть иным».

Dein pazient.

18/VI P. S. Приехала ли Земфира, и как она себя чувствует? Привет вашим.

P. S. P. S. Я чувствую, что мой alter Greijs скажет: зачем и для чего моему пациенту вкладывать столько нервов, столько здоровья в это бесплодное мудрствование, которое и маститому старцу ничего нового не дает, кроме утомления глаз и трепки нервов до обалдения? Не лучше бы было, если бы эти силы, эту энергию он отдавал на утешение окружающих, горе с ним мыкающих?

Кроме здоровья, кроме большого приятного удовольствия — такая беседа с верным другом-старцем не дает ничего другого. А энергия и силы после этого еще прибавляются... Не раз я говорил уже другу-старцу — во мне иной раз, прямо стихийно, непреодолимо пробуждается потребность поделиться моими «некоторыми» мыслями» и переживаниями с милым другом. И когда я даю волю и удовлетворение этой потребности, во

мне наступает особое духовное спокойствие. Желание же быть полезным для окружающих становится после этого особенно сильным. Т. о. в конечном счете, все это ведет к сугубой пользе моих несчастных, обреченных пациентов. Выигрывают, в конечном счете, они, выигрываю и я, dein pazient...

Каково же моему верному другу и врачу-старцу — это другой вопрос, тоже для меня не безразличный далеко... Но, увы, другого выхода не нахожу до сих пор... Очевидно, ему тоже на роду написано, «ему тоже дано» — хлебать всю жизнь горе других. «Лæвард вн ӕ» моему другу-старцу.

Dein pazient».

Видимо, следует кратко оговориться. По некоторым воспоминаниям, в 1905 г. Цоцко Амбалов вместе с Бабу Зангиевым, якобы, посетили больного Коста Хетагурова в Лабæ. Однако приведенное выше письмо, как и известные нам данные из биографии Цоцко, заставляют усомниться в их достоверности. Кроме того, препятствуют их принятию и воспоминания самого Б. К. Зангиева.²⁰²

Помощь Ц. Б. Амбалова в период его работы в Ленинграде всегда была востребована на родине. Об этом, например, свидетельствуют письма к нему Цомака Гадиева как директора Северо-Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения:

«14. IX.1930.

Дорогой Цоцко!

В связи с приближением 25-летнего юбилея поэта и общественного деятеля Коста Хетагурова необходимо выяснить ряд обстоятельств его биографии, остающихся в тени и дающих повод относить его чуть ли не к стану реакционеров. Если тебе что-либо известно об обстоятельствах поддержки поэтом осетинского алдарства (часто об этом говорят), я прошу сообщить нам — осветить эту страницу жизни поэта. Ожидаем твои материалы.

С ув. Ц. Гадиев

Директор Осет. Инст. Краеведения».

«18/IX.1930.

Дорогой Цоцко!

Пишу второе письмо в связи с предстоящим 25-летним юбилеем со дня смерти Коста Хетагурова. Необходимо собрать статьи Коста, дабы представить и охарактеризовать его, как журналиста. Статьи его, как известно тебе, появились в «Сыне Отечества», «С-Петербургских Ведомостях» и др. Если бы была возможность поручить кому-либо просмотреть эти газеты за годы 1890-1902 гг., найти статьи Коста и перепечатать их на машинке. Газеты, нужно полагать, имеются во Всесоюзной библиотеке (бывшей Импер. Публичной). Это первое. Второе — ты должен поговорить с Андугаром и просить его написать свои воспоминания о Коста (25-летний юбилей). В частности, пусть он осветит этот злополучный вопрос отношения его к «уæздан'ам».

С уваж. Цом. Гадиев». ²⁰³

Действительно, например, в воспоминаниях Г. М. Цаголова, составленных в 1930-х гг., описывается история его противостояния с представителями алдарских фамилий из-за его антиалдарских выступлений в печати. Лесничий Сабан Коченов просил Г. М. Цаголова оставить это дело и рассказал, что представители алдар несколько раз проводили собрания на квартире присяжного поверенного Джантемира Шанаева, под его же председательством. На них обсуждали вопрос, как заставить замолчать Цаголова: «В особенности их приободрило письмо Коста Хетагурова., в котором ругает тебя за твои противоалдарские статьи. Говорит, что ты, выступая против алдар, вызываешь в осетинском народе раскол. Этого, говорит он, не нужно делать. Алдары у нас — не то, что дворяне у русских. Наши алдары — не враги народа. Они — одно с нами. Нет у нас алдар = дворян. Нет у нас простого народа. У нас есть и должен быть только единый осетинский народ. И этому единству не нужно мешать. Тот, кто говорит против алдар, является, таким образом, врагом осетинского народа, врагом его единства, врагом Осетии». Вскоре, как отмечал Г. М. Цаголов, К. Л. Хетагуров

снова «выразил свое «неудовольствие» в беседе с учителем В. Касабиевым, повторив почти слово в слово, что передавал Сабан Коченов о содержании письма: «Коста просил Касабиева передать его слова мне, чтобы я, в конце концов, перестал вносить раскол в единую Осетию».²⁰⁴

Чтобы осознать всю важность изложенной в письмах Цомака Гадиева просьбы, видимо, следует привести, например, и следующее свидетельство Б. А. Алборова:

«... было время, когда и творчество великого Коста подвергалось подобным нападкам со стороны бывшего заведующего отделом агитации и пропаганды Особкома ВКП (б) Тедтоева. На официальном заседании Особкома он предлагал изъять из обращения бессмертные произведения Коста Хетагурова за некоторые религиозные и националистические промахи в отдельных произведениях, чем вызвал слезы у Шамиля Абаева и у других».

В 1937 г. группа представителей Союза писателей по согласованию с Особкомом ВКП (б) обратилась в Правительство и Совмин СССР с ходатайством о запрете публикаций произведений К. Л. Хетагурова, т. к. в них, якобы, были представлены идеи буржуазного национализма и религиозные настроения. Только вмешательство в 1938 г. в такое развитие событий инициативной группы из Осетии при поддержке представителей Осетии в Верховном Совете СССР и Представительства Осетии при Президиуме ВЦИК не позволило осуществиться подобным планам.²⁰⁵

Е. Е. Баракова вспоминала о праздновании юбилея Коста в 1936 г.:

«Проведение юбилея поручалось Институту. Союз писателей выделил в помощь мне Фарниона Коста и Дзесова Кудзага. Эти товарищи мне много помогли в организации выставки. Прежде всего, мы, 5 человек (Фарнион, Дзесов, я, Хадаев и, кажется, Ардасенов), пошли в музей Краеведения и буквально из-под ног, с кучи извлекли художественные картины Коста без рам, изорванные, грязные. Бывший директор музея Хадаев

удивлялся, как это он не знал, что это картины работы Коста. Но от Фарниона — пылкого юноши, ему здорово досталось. В свалке было много всего, и мы затратили несколько дней, разыскивая работы Коста. Пришлось реставрировать картины.

Помнится, на одном заседании мы обсуждали вопрос приглашения гостей. Составили список, а как приглашать со стороны, чтобы Коста «обнародовать» и «реабилитировать»? Ведь, в БСЭ (*видимо, путается с т. 8 «Литературной энциклопедии» 1934 г. — А. Т.*) имелась статья Дзагурова Г. о Коста, как националисте, мистике, словом, отрицательного характера, и, получив приглашения, любой заглянет туда, рассуждали мы, и не придет к нам».²⁰⁶

В указанный период Ц. Б. Амбалов состоял и в переписке со своим старинным другом Г. М. Цаголовым,²⁰⁷ семья которого находилась в тяжелом материальном положении. Так, например, по просьбе Г. М. Цаголова Цоцко помогал приобрести для его семьи в Ленинграде одежду и обувь. Г. М. Цаголов писал:

«... Я знаю, что настоящей просьбой принес тебе беспокойство, что из-за нее тебе пришлось и придется бегать по городу, но, ради Бога, ты не сердись на меня за это. Здесь, во Владикавказе, нам, инвалидам труда, чрезвычайно трудно достать обувь и одежду. Мы в этом отношении всегда находимся позади всех, на задворках внимания кооперативных организаций, хотя вносим все платежи наравне с прочими. Вот и пришлось беспокоить тебя... 19 апреля 1931 г.».

Приведем еще некоторые выдержки из писем Г. М. Цаголова, которые приходили к Ц. Б. Амбалову по адресу: г. Ленинград, ул. Саблинская, д. 8, кв. 3.

«Дорогой Цоцко!

...Из письма твоего вижу, тоска твоя по родине растет и ширится. Сказал бы я тебе сейчас в ободрение известные слова Куропаткина («Терпение, терпение, терпение!»), но воздержусь от этого, так как сам никогда не умудрялся их выполнять. Действуй так, как тебе наиболее повелительно будет диктовать

нутро. Это последнее не так часто заставляет нас ошибаться, причем, в случаях ошибок, бодрит нас и помогает тверже стоять на ногах...

18/130».

«Дорогой Цоцко!

... За сообщенный тобой рецепт приготовления чесночного «эликсира» приношу тебе благодарность. Постараюсь при первой же возможности приготовить себе его. Мне кажется, что лекарство это должно обладать полезным свойством, так как чеснок содержит в себе какой-то вид или даже несколько видов витаминов. Не погибают ли, однако, они в спирте?

Что касается моего воя относительно одиночества и того, что заставляет меня так выть, то я остался при прежнем своем убеждении и настроении, хотя с большим вниманием прочел посвященные этому вопросу строки твоих писем.

В одном месте этих строк ты выразил, между прочим, пожелания, чтобы я посылал тебе иногда изделия своего стихоплетного производства...

Я буду посылать тебе плоды таких воющих и ноющих концертов, но, по указанным сейчас обстоятельствам, редко... 14 января 1930 г.».

«Дорогой Цоцко!

Твои две открытки и книгу получил. Большое спасибо! Приступил к чтению.

Маруся еще лежит. Ей значительно лучше... Я прочитал ей твое письмо. Она благодарит тебя и шлет тебе поклон.

Пенсию я получаю с 11 июня 1929 года, с какого числа уже не состою на службе. Размер пенсии — 100 руб. в месяц. Из этой суммы 44 руб. 44 коп. я получаю по Страх. Кассе, как инвалид труда. Остальные 55 руб. 56 коп. составляют персональную пенсию, назначенную мне облисполкомом по ходатайству нашей ассоциации пролетарских писателей. То обстоятельство, что наши молодые писатели вспомнили обо мне, старики, про-

вело во мне, старике, бодрящую борозду. Хотелось бы быть полезным для нашей Осетии, так еще нуждающейся в работниках...

Как поживаешь ты? Как протекает курс твоего лечения чесноком? Мне это очень интересно, так как я давно уже собираюсь сделать то же самое, но никак не могу достать второй составной части лекарства (имею в виду «аква вита»). 10 февраля 1930 г.».

«Дорогой Цоцко!

Большое тебе спасибо, что ты поработал над поисками нужных мне книг. Очень жаль, конечно, что их на рынке не оказалось. Я и сам догадывался, что они, видимо, распроданы... Что касается книги Л. Фейербаха «Сущность христианства», то она мне не нужна: я, во-первых, ее читал; во-вторых, она мне не нравится... Дня через три или четыре я пошлю тебе список книг другого содержания, тоже интересующих меня (книг пока пять или шесть) ...

Мы пока живы-здоровы. Впрочем, о себе я этого сказать не могу. Одновременно с атеросклерозом у меня развивается Базетова болезнь (зоб). Прямо, брат, хоть в лес беги и волком вой. Привет тебе от всех от нас. 16 июня 1930 г.».

«Дорогой Цоцко!

Письмо твое получил. Должен сказать тебе, что смерти и я не особенно боюсь, но мне хотелось бы быть все-таки немножечко готовым к ее визиту.

Теперь привожу тебе первый список нужных мне книг...

Это, как я сказал, только часть нужных мне книг. Остальные книги будут тоже в этом ряду, т. е. с большим или меньшим перевесом то в область богословия, то в область философии.

Как видишь, все они не дешевые, и вот почему я считаю необходимым выслать деньги (когда соберу их) ...

Вот еще что. Я как-то поручал одному знакомому привезти мне из Москвы две или три книги подобного содержания.

Он поручения не только не выполнил, но и не пробовал выполнить. Он стеснялся спрашивать такие книги, как потом сам мне чистосердечно признался. Сейчас богословие и религиозная философия не в почете — ну, и оробел человек.

Цоцко, если нечто подобное будешь ощущать и ты, то о книгах сам не спрашивай, а сообщи мне адреса книжных магазинов, где подобные книги имеются, и я тогда pošлю заказ отсюда сам непосредственно в магазин... 26 июня 1930 г.»

«Дорогой Цоцко!

... Когда Маруся достигла школьного возраста, я не мог отдать ее в школу. Время это для меня в материальном отношении было крайне тяжелое. Я не мог тогда купить для Маруси обувь и теплой одежды. Пришлось обучать ее грамоте самому. Потом заболел Гриша. Нужно было ухаживать за ним...

Кстати. В предисловии к 1-му тому осетинского словаря я прочитал, между прочим, что проф. Фрейман отрицает наличие в осетинском языке количественной разницы между гласными звуками (т. е. признает, что по своей длительности гласные звуки осетинского языка одинаковы). Интересуясь этим вопросом, я очень прошу тебя прислать мне статью (или работу), где проф. Фрейман обосновывает этот свой взгляд. А если имеются статьи других авторов, то и их пришли. Лично я нахожу, что такой взгляд ни в какой степени не соответствует реальности. Проф. Фрейман, видимо, переоценивает знания и наблюдательность осетинских филологов. По крайней мере, наши филологи, которых я знаю, обладают «полным отсутствием всякого присутствия» чего-либо похожего на серьезные знания и интерес к делу... 23 августа 1930 г.»

«I

Цоцко! Ты знаешь, несомненно,
 Что в старости нас тянет вновь
 Все то, к чему проникновенно
 Питали в детстве мы любовь.

Когда-то, помню, пред стихами
Благоговел я и слезами
Не раз, не два их орошал
И забывался, и мечтал.
Не от безделья, не от скуки
Стихи так полюбились мне:
Я душу ощущал в стихе,
Я ощущал уж тайны звуков ...
Ах, дни святые!.. Я сейчас
Рыдаю, вспоминая вас.

II

Когда я вырос, то нещадно
Любовь к стихам решил убить,
Другой взять курс и безоглядно
Свое нутро перетрусить,
Меня толкнули три причины,
Одна причина: мой Пегас
Робел взбираться на Парнас.
Вторая: в тот период мглистый,
В ту муть тоскливо-черных дней
Считал для дела я нужней
Перо стальное публициста.
О третьей я здесь промолчу
И лучше точку закачу.

III

Такой же, в общем, точки зренья
Я тщусь держаться и сейчас ...
Кричу: «Долой стихотворенья!»
Реву: «Рассыпья в прах, Парнас!»
А между тем в груди там, где-то,
Кристалльной радостью согреты,
Всплываю звуки чередой
И ввысь зовут меня с собой.

Признаться должен откровенно:
Я забываю все тогда
И, как ребенок, как балда,
Спешу на зовы вдохновенья...
Так алкаголик водке рад,
Хоть сознает, что это — яд...

IV

Все, все прощай на это время!
Все, все тогда идет наснос:
Задач надуманное бремя
И планов всех моих серьез!
В тартарары и рекошетом
Летят статистика, газеты,
Вопросов важных пестроткань,
Публицистическая брань.
На смену им, бодрь, кипучи,
Несутся образы толпой
И слов живых волшебный строй,
И цепи нежные созвучий...
Ах, вновь тогда, брат, я живу
И юность вижу наяву!

V

В такую, именно, минуту,
Назло насмешливой судьбе,
Я, грузом лет в дугу согнутый,
Сие письмо строчу тебе.
Пегас мой вздумал поразмяться,
Пораструситься, поваляться...
Пускай попрыгает старик!
Ведь и ходить уж он отвык!..
Такое, братец мой, вот дело!..
Ты посмеешься, может быть:

Старик, мол, стал совсем дурить,
И замолол-де наш Емеля!
А я, ей Богу, не в бреду
И речь свою всерьез веду.

VI

Теперь я, надоев стихами,
Наговорив здесь за троих,
Письмо закончу новостями,
Хотя у нас немного их.
Стоит здесь чудная погода,
Теплом ласкает нас природа,
Ясна над нами синь небес,
Но с грустью что-то шепчет лес...
Маруся поступила в школу.
Границ ее восторгу нет!..
Ну... все... Довольно... Шлем привет...
Поклон от Майрана и Оли...
Жму братски лапу — Муз швейцар
«Поэт» в кавычках Sau Ёлдар
27-28 сентября 1930 г.,
Владикавказ».

«Дорогой Цоцко!

...Как живешь-можешь? Как здоровье? Сведения относительно стихотворений Коста Хетагурова я послал тебе позавчера.

Привет тебе от моей старухи, Лазаря, Маруси, Майрана. Недавно встретил я на бульваре Гутнова. Он просил меня очень передать тебе от него привет, что я и выполняю... 22 марта 1931 г.».

О жизни Ц. Б. Амбалова нам могут поведать и воспомина-ния его племянницы Е. А. Амбаловой (Цоколаева):

«Семья наша состояла из 12 человек. Мой отец, мать, 8 человек детей. Дядя Цоцко, младший брат отца, тетя Дзыккын,

сестра отца, жили в Ардоне, где Цоцко и Дзыккын учительствовали. До 1913 г. жили на квартире у Хурумовых, а в 1913 году переселились во вновь отстроенный дом. У нас дом был старый, под соломенной крышей, где были две комнаты и большой осетинский хадзар. Дом пришел в негодность, и Цоцко был вынужден строить дом в нашем саду, где были вырублены деревья. В 1911 году Цоцко созвал «зиу», и в один, два дня, у меня осталось такое впечатление, что выехал весь Ардон, и из Кадагарона привезли на стройплощадку кирпич и черепицу, а из Алагира строительный материал, лес. И как было положено, все люди были угощены. Дом строился 2 года, занят строительством был Бибо Бугулиев.

Семья имела хорошее хозяйство, коров, буйвола, баранов и очень много кур.

Цоцко засеивал кукурузой одну десятину, так тогда назывались наделы земли, обрабатывали сами. Цоцко с нами, ребятами, выезжал в поле очень поздно. Без завтрака нас не пускал в поле, и по дороге над нашим выездом смеялись: «Цоцко без чая в поле не выезжает». На шутки он тоже отвечал шуткой: «Кукуруза не убежит».

После окончания гимназии в 1904 г. в Ардон приехала моя старшая сестра Вера и учительствовала по 1916 г., до выхода замуж. Тетя моя до 1908 г. учительствовала во многих селах Осетии.

Цоцко учительствовал и занимался сельскими общественными делами, как, например, организацией потребительской кооперацией вместе с Н. Дзерановым, Бибо Бугулиевым, Габуевым Татари. В Москве учился в народном университете Шанявского. Цоцко в Ленинграде работал вместе с профессором Фрейманом с 1925 по 1932 гг. над осетинско-русско-немецким словарем. Приехал домой в 1932 г. Я уже жила во Владикавказе, имела двух сыновей 5 и 3 лет, которых Цоцко видел впервые. Начал говорить с ними по-осетински, но они не знали ни одного слова. Меня пожурил, как надо. Я начала оправдываться тем, что они ходят в д/сад и потому не говорят на своем родном языке. Он мне заявил, что «отец и мать тоже по-осетински не

говорят», предложил мне их собрать, и он их увез в Ардон, где пробыли 4-5 месяцев, и ни одного слова по-русски.

Пока я жила дома в Ардоне, Цоцко бывал дома, все время занимался хозяйством, вставал очень рано, уходил купаться, а когда возвращался, готовился завтрак, и все как один безоговорочно должны были бросить все свои дела и идти кушать. Жили Цоцко и Дзыккын с нами потому, что своих семей не имели и всю жизнь отдали нам, детям. Дело в том, что отец наш Аппе был слепой и, естественно, работать не мог, а нас детей было 8 человек, и, видимо, они решили из-за нас не обзаводиться семьями. Помню такой разговор, с кем не помню, но Цоцко сказал, видимо, на какое-то предложение: «А куда денутся дети?». Поэтому я сделала такой вывод, что они из-за нас детей были лишены этой возможности.

Благодаря заботам Цоцко и Дзыккын мы смогли все получить образование...

В Ардоне бывали съезды... и Цоцко, конечно, в них принимал участие, и всегда приглашал домой всех своих знакомых из других сел. Жила наша семья очень дружно. Слово Цоцко для всех было исполняемо бесприкословно, так как все мы с ним считались.

Лично я, после окончания средней школы в 1923 г., начала учительствовать в Ардоне в начальной школе. Во время ведения урока под окнами, видимо, проходил Цоцко и слышал, как я вела урок, и когда я пришла домой, он меня позвал в свою комнату и спокойно мне сказал: «Завтра же подай заявление об увольнении с работы, иначе или ты с ума сойдешь, или дети психами станут, ты так на них кричишь». Я так и сделала, потому что считала указания Цоцко, видимо, верными.

Цоцко работал дома над нартовскими сказаниями, занял при нумеровании листов две комнаты, и мне приходилось ему помогать. В 1936 г. все рукописи были сложены в большую плетеную корзину к 1 ноября 1937 г. А когда он был взят, приехали из Алагира и забрали эту корзину и целую стену стеллажей его личных книг с его инициалами, и, конечно, их больше нет. Цоцко так любил и занимался книгами, что когда он в 1932 г. при-

ехал из Ленинграда, то привез большую корзину книг, оставил багаж в Дарг-Кохе, и когда ехал за ним на осетинской арбе, мы ждали подарков, а мать моя нам говорит: «Чему вы радуетесь? Могу вас заверить, что там кроме книг ничего не будет, может, еще чайник и утюг». И так на самом деле и было, настолько мать хорошо его знала.

Мать рассказывала, что когда он учился в семинарии, к его приходу мать, чтобы не остывал, замуровывала в пепел чугуна с обедом. И когда Цоцко пришел, мать моя ему указала, где обед. Он пошел и, видимо, попробовал, и обед был настолько горячим, что обжегся. Вышел и заявил, что «обед надо подогреть». Мать поверила, побежала в хадзар и попробовала тоже обед, еще сильнее обожглась...

Цоцко не пил и никогда не курил, но когда его приглашали в гости, он всегда ходил. Был такой случай. Пошел Цоцко с вечера в гости, вернулся поздно и, чтобы никого не побеспокоить в доме, лег на скамейке во дворе. Утром мать вышла доить коров и когда увидела Цоцко лежащим на скамейке, взволновалась, подбежала к нему и попросила его пойти в дом. Такой был Цоцко.

За все время, сколько я его знала, никогда не слышала, чтобы Цоцко когда-нибудь говорил громко или с кем-нибудь ругался».²⁰⁸

Своими воспоминаниями о Цоцко с нами поделилась и З. А. Амбалова (Габисова): «Познакомились в 1931 году. Всегда ходил в черкеске и папахе, башлыке, летом и зимой... Со всеми он был в исключительно приятельских отношениях. Любил рассказывать всякие анекдоты, придания, сказки. Владел хорошо немецким и английским языками. Очень любил племянников. По характеру он был добрый».²⁰⁹ По некоторым воспоминаниям, его сестра Чаба была искусной мастерицей по осетинской вышивке, и Цоцко всегда носил только вышитые ею вещи.

После окончательного возвращения на родину в 1932 г. Цоцко продолжает свою научную работу, причем, не только в Северной, но и в Южной Осетии. Приказом Наркомпроса

Юго-Осетии № 105 от 21 ноября 1932 г. Цоцко был назначен заведующим Областным музеем и Областной библиотеки в Южной Осетии с 17 ноября того же года. По личному заявлению он был освобожден от занимаемых должностей с 18 августа 1933 г. приказом № 94 от 1 августа того же года. Решением Президиума ЦИК автономной области Юго-Осетии от 8 мая 1933 г. ему была назначена персональная пенсия, в том числе, «принимая во внимание его преклонный возраст, степень потери им трудоспособности».

По воспоминаниям А. Н. Джиевой,²¹⁰ по инициативе Цоцко музей был расширен. В частности, был открыт художественный отдел музея. Цоцко сам собирал книги для библиотеки, и к его уходу та стала значительно богаче. Кроме того, по заданию Наркомпроса Юго-Осетии Цоцко участвовал в переводе учебников для 1-7 классов по всем предметам с русского языка на осетинский язык. Он преподавал в пединституте, продолжал

УВД Исполком Юго-Осетинского Областного Совета депутатов трудящихся
ОБЛАСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
 гор. Сталинир Дом Советов

22 Августа 1967 г. № 1-0
 Дирекции Госмузея Юго-Осетии

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В документальных материалах архивного фонда Обл.оно /бывш. Наркомпрос Юго-Осетии в приказе № 105 от 21 ноября 1932 г. значится:
 "Назначить Амбалова Цоцко зав. Обл.музеем и Обл.библиотекой с 17/ХІ-1932 года с окладом 400 руб..."

Так же, в приказе № 94 от 1 августа 1933 года директор музея Амбалов Цоцко /является не указано/ освобождается от занимаемой должности с 18/Авг-1933 года согласно личного заявления.

ПРИМЕЧАНИЕ: документальных материалов Обл.музея за 1937 г в архиве не имеется.

Осн. № 212, л. II, д. 409, л. 6.

Сектор культуры
 Директор
 Старший консультант

ТАБАРАЕВА/
 ПАМПУХ/

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 19

КОПИЯ С КОПИИ

заседания Президиума ЦИК"а авт. обл. Юга Осетии
от 8.V-1933 года

Председатель - Джатиев К.
Секретарь - Джиоева.

15. О назначении персональной пенсии директору областного музея и зав. государственной библиотекой АМБАЛОВУ Цоцко (Плиев Ив.)

15. а) Признать, что АМБАЛОВ Цоцко Бицоевич действительно имеет исключительные заслуги как в области общественной, профессиональной и научной деятельности вообще, так и в области местной культуры и языка в частности.

б) Назначить Цоцко Амбалову персональную пенсию за заслуги местного значения.

в) Принимая во внимание его преклонный возраст, степень потери им трудоспособности, характер и степень его исключительных заслуг и оклад получаемого им заработка, персональную пенсию на основании ст. 16 Положения о персональных пенсиях ССР Гр. определять в максимальном размере 280 р. в месяц.

г) Выдачу персональной пенсии производить с 8 мая 1933 г.

Выписка с подлинным верна: Делопр. ЦИК-а Ю/Осетии

Выписка верна: Делопр. ЦИК"а Ю/О ПУХАЕВА.
(подпись)
(печать).

1950 г. 2 м-ца, 1 дня, Я, старший Нотариус Государственной Нотариальной конторы гор. Дзауджикау Сев. Осет. АССР Хоруева свидетельствую достоверность настоящей копии с подлинником представленным гр. _____
прожив. _____

копий с подлинником в последнем поправок, подчисток и зачеркнутых слов и других особенностей не оказалось.

Взыскано осв. руб. единой госпошлины по кв. № _____ м-ца _____
дня 194...г.

№ 105.

Нотариус Хоруев.
(Печать)

dær iu axæmy jæ fadættæ fæxuyzdær uydzysty æmæ uæd uyjdær zæronð ænæsæræn adæjmægæn jæ'xxuysy xaj bakændzæn.

Nyr u æmæ fidær læu, dæ quysty iuzærdion u kuyd yl uydtæ aftæ.

Salam dæ madæn».

«Dæ bon xorz Geuærgi!

Baxatyr kæn, ægær ærædzy dyn dzuapp kæj dættyn uyj tyxxæj.

Dzassoxy fyrt jæ bynatæj acux æmæ dyn stipendijy tyxxæj uyj bon nicy ual bauydzæn.

Æxxuys bakænyn dyn acy saxat amal ne'rcæudzæn, uymæn æmæ mæ dzypptæ aftid sty. Mæ pencî kæd rajson uæd dæm fækæsdzynæn. Ænæniz u. Cocco».

Он продолжает активно участвовать в работе по языковому строительству в Осетии, о чем, например, свидетельствует следующий документ:

«7/VI-35

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящее командировочное удостоверение по согласованию с Областным Комитетом Нового Алфавита дается профессору Б. А. АЛБОРОВУ и Цоцко АМБАЛОВУ в том, что они командированы в гор. Сталинир для разрешения ряда вопросов, связанных с созывом Межобластного Съезда Юга и Севера Осетии по вопросам культурного строительства и организации лингвистической экспедиции, согласно предложению Всесоюзного Комитета Нового Алфавита».²¹²

8-11 июля 1936 г. «переводчик Амбалов» участвует в работе конференции по языковому строительству,²¹³ проходившей в здании Облисполкома в г. Орджоникидзе.

Е. Е. Баракова вспоминала:

«Доклады и выступления были интересные. Конференцию закончили осетинским куывдом на острове Парка. Помню, я с Туаевой О. Н. понесли старшим — Зангиеву Бабу, Гарданову М., Амбалову Ц. и др. нгуазан. Бабу в ответном слове поблагодарил нас и очень хвалил осетинку-мать, труженицу, которая, оставаясь вдовой даже с одним ребенком, жертвует своим личным счастьем и в тяжелых условиях воспитывает детей. «Вот почему, — говорил он, — у нас не было беспризорных, нищих».²¹⁴

В своих воспоминаниях, составленных 28 марта 1969 г., Дз. А. Гуткаева отмечал:

«Цоцко Амбалов с 1932 года по 1934 год находился в Южной Осетии и работал директором Областной библиотеки, а после директором Юго-Осетинского краеведческого музея. Эти учреждения были подведомственны Наркомпросу Юго-Осетии, и я, работая в этом наркомате инспектором школ, часто встречался там с Цоцко Амбаловым.

Цоцко был высокого роста, постоянно ходил в черкеске, с кинжалом и в папахе, фигура у него была худошавая, но весьма стройная. Насколько мне помнится, Цоцко был в хороших отношениях с сотрудником научно-исследовательского инсти-

тута Тибилловым Александром, и он с ним принимал участие в подготовке к изданию книги «Ирон фольклор».²¹⁵

В 1935 году Цоцко вместе с другими был приглашен ЦИКом Юго-Осетии на юбилейные торжества, посвященные 15-летию провозглашения Советской власти в Юго-Осетии, и в один вечер в театре по просьбе публики исполнил осетинский национальный танец. Последний раз я видел Цоцко летом 1936 года. Наркомпрос Юго-Осетии поручил ему перевести на осетинский язык какие-то рассказы, и он, выполнив поручение, привез свои переводы, но к его приезду руководители республики были арестованы. Я его встретил перед Домом Советов, поздоровался с ним и спросил: «Цы дæ æрхаста, Цоцко, айхуызæн æвзæр рæстæджы?». Он мне ответил, что выполнил заказ наркомпроса и привез свои переводы, «фæлæ, чемаæ дзурон, уй нал ис». Æз ын загътон: «Цоцко, дæхи бафæсæуон кæн, кæнод дæ куы æрцахсой, уймай тас у». В тот же день Цоцко двинулся обратно в Северную Осетию пешком через Зикарский перевал».²¹⁶

С 13 сентября 1936 г., по заданию ОБЛОНО и газеты «Рæстдзинад», Цоцко совершает очередную для себя, плановую поездку в районы республики. В сентябре-октябре 1936 г.

он также участвует в работе археологической и реставрационной экспедиции под руководством археолога Е. Г. Пчелиной и архитектора И. П. Щеблыкина. В ходе этой экспедиции были проведены раскопки на месте святилища «Реком» и полная научная реконструкция самого святилища (полный разбор его был завершен 2 октября, после чего на его месте были произведены раскопки и последующая реконструкция).

По воспоминаниям Елиоза Бекоева от 26 марта 1969 г., летом 1937 г. Цоцко пешком прошел из Северной Осетии в Южную Осетию, выбрав необычный тяжелый путь. Свой маршрут он объяснил тем, что стал уже стар и хотел успеть побывать там, где еще не был. В Сталинире он посетил редакцию газеты «Фидиуаг» и встретился там с Сико Кулаевым. Елиоз, много слышавший хорошего о Цоцко, теперь лично убедился в справедливости его характеристик. Он по-хорошему позавидовал знаниям Цоцко в области осетинской литературы, был восхищен красотой его речи. Цоцко принес свои переводы «Короля Лира» и «Гамлета» У. Шекспира и передал их Сико. Но вскоре Сико был арестован, и судьба переданных ему переводов осталась неизвестной.²¹⁷

Понимал ли, осознавал Цоцко, что вскоре подобная судьба постигнет и его? Вполне вероятно. Еще летом 1930 г. он вместе со своим другом врачом Л. Б. Газдановым гостил в с. Зарамаг в доме Магкаевых. Там он стал свидетелем проведения массовых арестов сельчан.²¹⁸ Речь идет об операции ОГПУ, которая сфабриковала уголовное дело о никогда не существовавшей в Осетии «Народной партии», якобы, готовившей свержение советской власти. В это время по всей стране, в том числе и в Осетии, разворачивались процессы коллективизации, обратной стороной которых являлась жесткая репрессивная политика государства по отношению к крестьянству.

В Осетии фиксировались примеры сопротивления околкозиванию, экспроприациям и раскулачиванию, в том числе через агитацию (вплоть до религиозной в станицах), фиксировались случаи нападения на отдельных представителей власти и правоохранительных органов и т. п. Но все данные эксцессы носили стихийный и неорганизованный характер. Волна организованных крестьянских восстаний обошла стороной Осетию. Но, по логике властей, имевших в своем распоряжении послушные органы безопасности, такого, просто, не могло быть. Власть обязана установить свой порядок по всей стране, непременно в борьбе со своими врагами, где бы они ни окопались. Поэтому Осетии суждено было встать в один ряд со всеми другими регионами страны и «очиститься» от антисоветской скверны.

Следственные органы ОГПУ в Осетии, чтобы придать видимость создания именно политической антисоветской партии, которая не могла существовать без образованного руководства, активно «подобрали» таковое из числа осетинской интеллигенции. В результате, среди других были арестованы и осуждены друг Цоцко А. Г. Тлатов, литераторы Б. А. Бтемиров и А. С. Бдтаев, ученый-экономист А. П. Хасиев, бывший полковник царской армии С. А. Сабеев и др. Пожалуй, только Г. Ф. Баракову, также первоначально обвиненному в руководстве «Народной партией», удалось тогда вырваться из рук следователей...

Цоцко должен был стать свидетелем и развернувшихся тогда политических репрессий далеко за пределами Осетии. В 1929-1931 гг. в Ленинграде в Академии Наук, где Цоцко тогда работал над составлением «Осетино-русско-немецкого словаря» В. Ф. Миллера и параллельно преподавал в университете, разворачивалось «Академическое дело» («дело академика С. Ф. Платонова», «дело С. Ф. Платонова — Е. В. Тарле»). В его ходе были уволены, посажены и расстреляны многие сотрудники Академии, которых следствие показательно называло «бывшими людьми». Оно же положило начало гонений на краеведческие организации. В этом «деле» особое рвение проявлял и известный в Северной Осетии С. М. Киров, по личному обращению которого к И. В. Сталину и Г. К. Орджоникидзе к «делу» подключили ГПУ. Причем, сам С. М. Киров расправу над учеными связал с делом «правых», выступавших против форсирования колхозного строительства и репрессий против крестьянства.

Сама работа над словарем была очень сложной, и Ц. Б. Амбалову приходилось прикладывать значительные усилия для ее реализации. Вместе с тем, в ее процессе проявлялись и иные трудности, о которых говорилось в достаточно резкой рецензии В. И. Абаева по поводу выхода в свет двух первых томов словаря:

«... За редактирование словаря взялся проф. Фрейман. Пишущий эти строки вместе с некоторыми студентами-осетинами был также привлечен к работе. На первых же занятиях с Фрейманом мы с удивлением и тревогой заметили, что редактор совершенно не знает языка... что касается самого Фреймана, то он... взялся за дело с откровенным расчетом на то, что «живые носители языка» будут ему давать «сырье», а он, Фрейман, будет это «сырье» обрабатывать... «Живые носители», действительно, горячо откликнулись на призыв. Северо-Осетинский и Юго-Осетинский институты краеведения, справедливо считая издание словаря большим культурным делом для всей Осетии, мобилизовали свои силы на помощь Фрейману.

Лучшие знатоки языка впряглись в работу. Материал рос не по дням, а по часам. Объем словаря удвоился и утроился по сравнению с тем, что оставил Всеv. Миллер. Богатая фразеология оживила сухость лексического материала. Так обстояло дело с сырьем.

С «обработкой» было хуже. Медленность печатания превзошла самые мрачные ожидания. Юбилейные торжества 200-летия давно отзвучали, а типография едва выпустила первый том (из трех). Словарь не закончен и по сей день. Пессимисты говорят, что третий том поспеет как раз к следующему, 300-летнему, юбилею Академии... В первые годы вина крылась главным образом в своеобразном положении, в каком оказался редактор. «Своеобразие» это заключалось в том, что эти годы стали для Фреймана годами учебы, когда он на самом словаре впервые усваивал элементы осетинского языка... Не могла она обеспечить и безупречного качества. Там, где Фрейман отрывается от Всеv. Миллера и от осведомителей и предоставлен самому себе, сразу начинаются недоразумения...

1. Словам даны неверные значения или действительные значения перемешаны с вымышленными...

2. Даны несуществующие формы...

3. Словарь изобилует тем, что можно назвать мусором. Произошло ли это в погоне за звездочками, или потому, что редактор, не зная языка, не мог естественно отделить пшеницу от плевел... словарь засорен множеством лишенных какой-либо лексикологической ценности раритетных и искусственных образований, не имеющих ни прошлого, ни будущего... Много лишнего также во фразеологии...

4. Сделавшись жертвой странной иллюзии, что можно быть редактором словаря, не имея представления о языке, Фрейман не ограничивается ролью пассивного регистратора фактов, доставляемых «живыми носителями языка», и предпринимает время от времени самостоятельные этимологические изыскания и экскурсы. После сказанного нетрудно догадаться, что из этого получается...

Эпопея издания словаря еще не закончилась. Но осетинская общественность, с таким энтузиазмом встретившая данное начинание, уже чувствует себя разочарованной. Она разочарована убийственными темпами издания словаря. Она разочарована упорно проводимой старой графикой, которое новое поколение уже не понимает. Она разочарована обилием ошибок и дефектов, которых никто не ожидал от издания, выходящего под маркой Академии и с именем Всева Миллера на заглавном листе. И, тем не менее, она с нетерпением ждет выхода третьего тома. Какой он ни есть, словарь должен заключать все буквы алфавита. Иначе его ценность сходит на нет. Фрейману должна быть обеспечена возможность закончить работу, к которой он теперь, надо думать, подготовлен лучше, чем десять лет назад. В интересах и самой Академии Наук, и культурного строительства Осетии, и всей иранистической и вообще лингвистической науки — довести до конца это чересчур затянувшееся предприятие».²¹⁹

Но уже вскоре сама работа над словарем также будет введена в круг политически вредных явлений. Как отмечают современные исследователи, «в процессе его опубликования серьезные коррективы внесла жесткая цензурная регламентация 20-30-х годов в лице Главного управления по делам литературы и издательства, которое требовало единомыслия в содержании материалов. В ущерб научному содержанию утверждался идеологический контроль партии. Тем не менее, это издание послужило мощным толчком для развития научного осетинского языкознания».²²⁰

Издание же четвертого тома словаря было вообще отменено, т. к. решением Президиума Академии Наук СССР от 27 мая 1936 г. трехтомное издание без всякой аргументации было объявлено «недоброкачественным с рядом политических ошибок». Переиздание словаря в исправленном виде поручалось Институту языка и мышления, который только после вторичного обращения к нему дирекции Северо-Осетинского научно-исследовательского института включил вопрос о переизда-

нии в план 1937 г. С соответствующими документами Академию Наук СССР должен был посетить председатель Совнаркома СО АССР Д. Н. Тогоев.

Как справедливо отмечают современные исследователи, парадоксальным является тот факт, что за все прошедшие десятилетия никто, никогда и нигде не ставил вопроса о переиздании словаря В. Ф. Миллера. Видимо, следует помнить и о том, что со временем и великий основоположник научного осетиноведения В. Ф. Миллер, скончавшийся еще в 1913 г., будет причислен к «монархистам», «реакционным буржуазным ученым», чья теория, дескать, сводилась «к индоевропейскому расовому превосходству осетин над другими кавказскими народами», а его теория «о посредствующем влиянии Кавказа в деле перехода иранского эпоса на Русь» была теорией космополитизма. Не лучшие характеристики будут даны и его предшественнику, основоположнику научного изучения осетинского языка, А. М. Шегрену.²²¹ Фактически, словарь остается до сих пор не реабилитированным...

В данной связи трудно не вспомнить сведения из материалов уголовного дела на известного ленинградского кавказоведа А. Н. Генко, с которым был близко знаком и Ц. Б. Амбалов: «Советовал востоковедам остерегаться актуальных тем в научной работе, ибо всякое соприкосновение с жизненно важной тематикой (особенно словарная работа в области национальных языков народов Союза) якобы неизбежно повлечет за собой для ее авторов репрессии...».²²² Представляется, что переиздание словаря В. Ф. Миллера, с соответствующей корректурой и с включением его четвертого словаря, стало бы исполнением не только нашего профессионального долга, но и данью памяти, как великому осетиноведу В. Ф. Миллеру, так и той осетинской интеллигенции, которая положила огромные труды и саму жизнь на благо культурного развития своего народа.

Конечно, Цоцко вполне должен был отдавать себе отчет в том, что происходило вокруг, видел, как расправляются со многими его знакомыми, уничтожают, в том числе, и цвет осетин-

ской интеллигенции. Он должен был помнить, например, как 10 сентября 1936 г. столкнулся на улице г. Орджоникидзе с арестованным поэтом Г. (В.) И. Тогузовым (Илас Арнигон):

«Они шли по улицам Тамаева и Ленина до улицы Бутырина. Шли так: Газакк по тротуару впереди, следом метрах в пяти два работника НКВД с таким видом, словно не имели к нему никакого отношения.

Навстречу шел по улице Цоцко Амбалов. Увидев Газакка, он резко остановился и воскликнул: «А, мизурский алдар!» — и хотел сказать еще что-то, но Газакк, не останавливаясь, перебил его: «Извини, Цоцко, я очень спешу!» — и прошел мимо. Он еще увидел, как Цоцко остался стоять с протянутой рукой».²²³

Е. Е. Баракова, возглавившая в 1936 г. Северо-Осетинский научно-исследовательский институт, вспоминала о той травле, которую развернули против нее в местной печати:

«... ведь в статьях обо мне писалось о том, что я на работу пригласила буржуазных националистов — професс-в Алборова, Дзагурова и Скитского — он тоже оказался буржуазным националистом...

После ареста моего мужа Баракова Г. Ф. (*арестован 2 октября 1936 г. — А. Т.*) на меня ополчились все «обиженные» мною... И что только они не говорили, не выдумывали! Я оказалась женой такого «врага», который печатал даже в журнале «Малусаг» свои пессимистические стихи, был буржуазным националистом, а я разогнала национальные кадры, выгнала из Ин-та молодых науч. работников, «замахнулась» на таких, как Нигер, Барон и др., «схоронила» Коста и до с. г. не издала академического издания его и т. д. и т. д. Обстановка была для меня тяжелая: каждое утро берешь газеты и ищешь, что опять написали обо мне...

Однажды, именно в тот день, когда вышла газета с подвальной статьей обо мне, написанная Казбековым К., зашел ко мне в кабинет Амбалов Цоцко, держа правую руку за спиной. Поздоровавшись, он спросил у меня, почему я его не спрашиваю о том, зачем он держит руку за спиной. Я ответила: «Откуда

знаю — скажи». И он рассказал, что прочел газету, пришел ко мне и у порога встретился с этим негодяем Казбековым. Последний протянул ему руку, а он спрятал руку — не хотел пачкать свою руку об его грязную». ²²⁴

Даже сегодня достаточно взглянуть, например, на материалы газет «Социалистическая Осетия» и «Рæстдзинад» за 1937 г., чтобы почувствовать весь ужас и бред искусственно развернувшейся в республике, как и по всей стране, вакханалии борьбы с «буржуазным национализмом», в свете которой замелькали, в том числе, и фамилии многих деятелей осетинской культуры.

Кто-то из них, как, например, И. В. Джанаев (Нигер), будет писать ответные письма руководству республики, оставляя на клеветнических и отвратительных по содержанию статьях о себе подобные замечания:

«Потомки, читайте: у вас были бдительные предки, вроде нижеподписавшихся».

«Да, потомки, я не совершенство, но таким подлым, таким клеветником, как автор этой статьи, я не был. Да будет ему стыдно, хотя поддецы не знают, что такое стыд».

«... Сумасброд. Лезет всюду, а сам ... Дон Кихот, нет хуже. Из продажных тож. Новый тип (вот хороший материал для литературы)». ²²⁵

Трагически сложится судьба Г. М. Цаголова:

«Блестящий публицист, один из лучших знатоков социально-экономического положения Северного Кавказа, отдавший всю сознательную жизнь борьбе за счастье своего народа, разделявший его тяготы и беды во времена царизма — он и при Советской власти, «власти рабочих и крестьян», оказался не у дел... И более того — он был выкинут из жизни, ибо инакомыслие в «новом обществе» считалось самым большим преступлением. Цаголов разделил судьбу лучших людей России, разными способами удаленными из сферы «социализма».

Попытка Г. Цаголова заняться журналистикой окончилась неудачей: после публикации нескольких статей по вопросам

социалистического развития Северной Осетии он был подвергнут травле со стороны официальных газет...

Лишенный средств к существованию, ибо его нигде не печатали, Цаголов поступает на службу в разные советские учреждения... Но подорванное жизненными невзгодами здоровье заставило его оставить работу.

В 1929 году писатели Северной и Южной Осетии отпраздновали 40-летний юбилей творческой деятельности писателя, решили издать его произведения, приняли его в свой Союз. Однако конфликт Г. Цаголова с властью предрержащими усугублялся. У него отняли даже ту жалкую пенсию, которую выхлопотали ему писатели Осетии. Оставшись совсем без средств к существованию, Георгий Цаголов скончался от голода 10 августа 1939 года».²²⁶

Ш. Б. Абаев, будучи исключенным из партии, сознательно пошел на развод со своей супругой М. Уруймаговой, опасаясь, что возможные его дальнейшие преследования могут сказаться и на ней. Арестованный Ш. Б. Абаев в результате применения к нему пыток будет страдать «... правосторонним параличом верхней и нижней конечностей с имевшейся у него потерей речи на почве кровоизлияния в мозг...». Видимо, оказавшись «непригодным» для дальнейшего пребывания под арестом, решением Особого Сопещения НКВД СССР от 23 октября 1939 г. ему зачтется в срок наказания время предварительного заключения. Он будет освобожден 2 ноября 1939 г., поступит в больницу 7 ноября и там скончается на следующий день.²²⁷ Проведенное неполное вскрытие констатирует «желтое размягчение мозга в области подкорковых узлов слева, базиллярный менингит».²²⁸ Не скроется от внимания НКВД Г. Г. Малиев, о котором агент «Галкин» сообщал, что он утверждал, что «не следует ничего говорить, потому что листья и те могут подслушать... Раньше жил в Дзинага. Там было лучше, хотя и там были два человека, занимавшиеся доносами».²²⁹

Еще многие и многие деятели культуры Осетии будут арестованы, приговорены к длительным срокам заключения или расстрелу...

Цоцко Амбалов прошел трудный, но достойный и славный жизненный путь. Он, действительно, не знал личной жизни, как и его сестра Дзыккын (по некоторым воспоминаниям, после ареста Цоцко местная администрация требовала от директора школы ее увольнения), не обзавелся собственной семьей, что было продиктовано и их неустанной помощью многодетной семье брата Аппе. Он своими ногами прошел всю Осетию, и на севере, и на юге. Его знали везде, ценили и уважали. Его отличало истинное служение своему народу, без поиска должностей и привилегий, служение своим личным титаническим трудом, разумом и душой...

Но то, что заслуженно ценилось в нем в Осетии, будет превращено иезуитским, извращенным умом сотрудников НКВД, сфабриковавших агентурное дело «Блок», в его «вину» и «преступление». 2308 октября 1937 г. в доме Ц.Б. Амбалова был произведен обыск, а его хозяин был арестован.

УПРАВЛЕНИЕ НКВД
Северо-Осетинской АССР

ОРДЕР № 378

Выдан " 10 " X 1937 г.

Действителен 3 суток

Сотруднику НКВД

Тов. Городниченко

Вам поручается произвести обыск
и арест гр. Амбалова

Цоцко
Якушевца

проживающ. ссс.

Аудан

Всем органам Советской власти
и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие представителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Начальник управления
НКВД СФСР

Секретарь

Протокол обыска

Форма № 4

1937 г. сентября 8 дня. Я. полковник Уполномоченный
Худяков на основании ордера
 ОГПУ за № 848 произвел обыск у гр. Либанова
Цацко проживающего в сел. Ардоне
 по улице _____

дом № _____ кв. № _____

При производстве обыска присутствовали гр. Морзав

Согласно полученных указаний задержаны гр. гр. Либанов Цацко

Изъято для представления в Министр Ардонское Проклад ОГПУ следующее:

Опись вещей, ценностей и документов

№ по порядку	Наименование изъятых	Количество	Качественное состояние
1	2	3	4
1	Литература разная	одна штука	использована
2	Разная переплетка на	780 штук	
3	письма в конвертах	58	
4	- и - открытки	181	
5	старые газеты	35	
6	Копия на пробу и ос. в	одна	
7	Копия за 1933 год	одна	осежена
8	Копия подт. РУ № 738033	одна	
9	о/о от Картонной	штук.	

Лист №

к делу №

Анкета арестованного

1. фамилия *Александров*
2. Имя и отчество *Эдуард Борисович*
3. Дата рождения: число „.....“ месяц *1870* год
4. Место рождения *сл. Ардон Армавир-Ардаванского р-на
СФСР.*
5. Местожительство (адрес) *сл. Ардон ул. Ленина д/к 41.*
6. Профессия и специальность *Учитель - литератор.*
7. Место службы и должность или род занятий *Без определенных занятий
Занятый*
[Указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства]
8. Паспорт *19-5-14847 выдан сл. Армавир-Ардаванского Р-на*
(когда и каким органом выдан, номер и категория, где прописан)
ИТД № 428 623 РД прописан по сл. Ардон.
9. Социальное происхождение *из крестьян-ишляков*
(род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение арестованного)
- а) до революции *Секундарный*
- б) после революции *Секундарный*
11. Образование (общее и специальное) *Высш. - среднее
Общественного НШ.*

12. Партийность (в прошлом и настоящем) Р-партийности
Z
13. Национальность и гражданство (подданство) Восточный сын СССР
14. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете
офиц. о учета.
15. Служба в белых и др. к-р армиях, участие в бандах и восстаниях против Соввласти (когда и в качестве кого)
на учете в запасе.
16. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда каким органом и за что)
не подвергался.
17. Состав семьи Брат Андрей Бичаев - студент.
(близкие родственники: их имена, фамилии, адреса и род занятий)
Сестра Анастасия Бичаева - студентка
Учредительница в сов. Армии
- подпись арестованного У А. Бичаев
1. Особые приметы _____
2. Кем и когда арестован органами НКВД СССР 8.10.1937 г.
3. Где содержится под стражей в Армо. камере в ДТЗ НКВД СССР
4. Особые замечания _____

подпись сотрудника, заполнившего анкету

13. Октябрь 1937 г.

Мещеряков

ПРИМЕЧАНИЕ: Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам.

УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ по СКК
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

И делу № _____

1937 г. сентябрь мес. 30 дня, Я. Олег Уман. № 0154415
Томский допросил в качестве осетинского
(долж. или инст. органа, фамилия)
1. Фамилия Амбалов
2. Имя и отчество Иоанн Григорьевич
3. Дата рождения 1870г.
4. Место рождения сел. Ардон Алагир-Арданского р-на
5. Место жительства с. Ардон мр. Ленина д. №41
6. Нац. и гражд. (подданство) осетин, СССР
7. Паспорт 19/5-38г. част. ст. Алагир Арданского РАИ НКВД
№ 38633 РЧ (куда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)
8. Род занятий без определенных занятий
(место службы и должность)
заместитель
9. Социальное происхождение из крестьян-кулаков
(род занятий родителей и их имущественное положение)

10. Социальное положение, род занятий и имущественное положение:

а) до революции до 1900г. - в семье с.хоз-ов; 1900г.-1911г. - учительской

1911-1914г. - учред. кредит. т.ва; 1914г. - машинистом в ст. Кавказ
1915г.-1916г. - учред. кооперат. т.ва в с. Ардон; 1916-1917г. - инструктор учред. т.ва
б) после революции 1917г. - 1920г. инструктор в кооперативе т.ва в с. Ардон
1920г.-1921г. - учитель с. Ардон; 1921г.-1925г. - в семье с.хоз-ов; 1925г.-1927г. зам. уполном. АИ
1925г.-1927г. сотрудник А.Н. т.ва в с. Ардон; 1927г.-1933г. директор
м.ш. в с. Ардон; с. Сталинград; с 1933г. без опред. занятий

11. Состав семьи Жен. Амб. Григорьевна Амбалов. т.ва в с. Ардон
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)

сестра: Дарья Григорьевна Амбалов. учительница в с. Ардон

Иоанн Амбалов

12. Образование (общее, специальное)

Общее - среднее, специальное - нет

13. Партийность (в прошлом и настоящем)

Благотворительный

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):

а) до революции

не подвергался

б) после революции

не подвергался

15. Какие имеете награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти

не имеет

16. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете

не состоит

17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого

не состоит

18. Служба в белых и др. к-р. армиях (когда, в качестве кого)

не состоит

19. Участие в бандах, к-р организациях и восстаниях

не участвовал

20. Сведения об общественно-политической деятельности

нет

И. А. Сидоров

ПРИМЕЧАНИЕ: Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, а последние и

Мы не знаем, от кого и каким образом стало известно, что арестованный и привезенный в г. Орджоникидзе Ц.Б. Амбалов, перед входом в здание НКВД или в камеру, произнес: «Фарн уæм фæцæуы, фарн, Иры сахъгуырдатæ!» или «Фарн фæцæуы, Иры сахъ лæппутæ, фарн!» (З.А. Амбалова (Габисова), работавшая в союзе писателей и издательстве, познакомилась с Ц.Б. Амбаловым в 1931 г. Она отмечала,²³¹ что Цоцко всегда ходил в национальной осетинской одежде, а при входе всегда говорил: «Мæнæ уæм фарн фæцæуы!». Это же он, якобы, сказал и при входе в камеру). Возможно, это только легенда, как и те, которые записывал Цоцко, путешествуя по всей Осетии, — легенда о легендарном человеке. Но реальная жизнь была гораздо циничней...

Мы не знаем, вспоминал ли Цоцко после ареста, словно, «пророческое письмо» 1936 г. своего ссыльного друга А.Г. Тлатова, который теперь был вновь арестован уже вместе с ним. Но Цоцко, действительно, был тем, «кому было это дано». В стране же окончательно установился такой режим, когда порядочный человек порой должен был отстранять свою руку от приветствия «нерукопожатного», а его протянутая для дружеского приветствия рука уже не находила адресата...

Непосредственно разработка по Ц.Б. Амбалову шла, видимо, как минимум, уже с 1936 г.²³²

Агент «Смирнов» сообщал о событиях 9 сентября 1936 г.:

«Сегодня, при случайной встрече на бульваре с моим бывшим учителем по Ардонской гимназии с известным контрреволюционером националистом Амбаловым Цоцко... на мой вопрос: Цоцко, ты знаток культуры, экономики и истории Осетии. Разъясни мне, в чем целесообразность слияния двух областей в одну Республику? Ответил так: Мы, Северная Осетия чрезвычайно маленькая нация, и нас русские давят, нам в Крае не верят и не доверяют. Во главе Осетинского руководства ставят не осетин, а своих русских, которые мало заинтересованы в благополучии нашей нации. Я историю Осетии прекрасно знаю, знаю хорошо и историю Грузии... Грузинские князья под

сапогом держали Юго-Осетию, выпивали их кровь, издевались над осетинами, мучили их. Так было до революции, так и еще хуже стало для Юго-Осетии теперь при грузинской Советской власти... Вся власть принадлежит грузинам... Нашим братьям на Юге грузины свободы не дали., они эксплуатируют осетин., вся масса требует объединения с Северной Осетией, но их руководителей грузины разогнали».

Далее в сообщении агента указывалось, что Амбалов Цоцко собирается выехать в районы Северной Осетии для агитации за объединение двух Осетий. Как мы знаем, по заданию ОБЛО-НО и газеты «Растдзинад» Цоцко, действительно, совершает плановую поездку в районы республики.

Тогда же, 13 сентября 1936 г., рассылается следующее распоряжение:

«Всем Начальникам Районных отделений НКВД СОАО
по агентурному делу «Блок»

По нашим точным данным известный националист писатель Амбалов Цоцко сего числа выезжает в районы области с целью прощупать настроения масс об объединении Северной и Южной Осетии и если в низовые такие настроения отсутствуют — их организовать.

Главной задачей объединения группа, в которую входит Амбалов, по его объяснению нашему источнику, ставит: «Мы, Северная Осетия, чрезмерная маленькая нация, и нас русские давят, нам в крае не верят и не доверяют. Во главе осетинского руководства ставят не осетин, а своих русских, которые мало заинтересованы в благополучии нашей нации. Мы все, и особенно осетинская молодежь на юге и здесь и везде и всюду, где она есть, должны сплотиться в единую осетинскую республику со своими комиссарами... настал момент проявить свой героизм». Эту контрреволюционную концепцию Амбалов Цоцко будет проводить во время своей поездки по области и под этими контрреволюционными националистическими бреднями готовить массу.

Задача Начальников Райотделений обеспечить Цоцко Амбалова своей агентурой и быть в курсе всех его дел, связей и деятельности.

При выезде в другой район Начальник Отделения обязан информировать об этом Райотделение, куда Амбалов выедет, и нас.

Сводки агентов направлять лично на мое имя.

Зам. Нач. НКВД по СОАО

капитан Госбезопасности Миркин».

Органы НКВД и контролируемые ими спецагенты проявляли большую активность. Сообщения спецагентов были подготовлены и использованы следствием для составления собственной интерпретации «вины» и обвинения в форме «меморандума» по Ц. Б. Амбалову. Следует отметить, что само появление такой зловещей формы как «меморандум» было нарушением социалистической законности, но шло в русле требований соответствующих внутриведомственных приказов. Судьба обвиняемого стала решаться не в соответствии с им содеянным и доказанным материалами уголовного дела, а через «особое мнение», «меморандум», «спецпакет» и т. д.

В деле представлены и другие донесения спецагента «Смирнов», в том числе, отчитывающегося о посещении Цоцко Амбалова в его доме. Цоцко только вернулся из поездки в Алагир, Црау и Суадон, во время которой посещал знаменитых певцов, записывая от них разные рассказы, легенды:

«... Пили кофе... При этом он достал большой том на немецком языке и цитировал. Тут же достал другой том на английском языке и также приводил цитаты ... ».

Тот же «Смирнов» 5 октября 1936 г. сообщал:

«2 октября посетил Амбалова Цоцко в Ардоне... и он сообщил, что он вместе с профессором Пчелиной приводил в порядок Цейский Реком и жаловался на плохое отношение жителей сел. Цей к этой святыни Осетии. В Облисполкоме встречался с Александром Джатиевым и беседовал с ним по вопросу объединения двух Осетий. Джатиев Александр отметил, что

выступление Цоцко на совещании по языкознанию о целесообразности слияния Северной и Южной Осетий обсуждался во всех населенных пунктах Южной Осетии. Все население Южной Осетии приветствовало его призыв к объединению, но в связи с тем, что Грузинское руководство разогнало всех руководителей осетин, поддержавших эту идею, не целесообразно будировать этот вопрос. Далее Цоцко пояснил, что он посетил большое количество северо-осетинских сел, и все жители свое будущее связывают с объединением Северной и Южной Осетий».

Как мы знаем, 8-11 июля 1936 г. Ц.Б. Амбалов участвовал в работе конференции по языковому строительству, проходившей в здании Облисполкома в г. Орджоникидзе. Конференция завершилась поздно вечером 11 июля небольшим банкетом.

Агент «Экспортер» сообщал:

«Когда в гор. Орджоникидзе проходил объединенный съезд по языковому строительству Южной и Северной Осетий, то на банкете присутствовали и представители Южной Осетии, в частности коммунисты Кулаев С. (Наркомпрос) и Бегизов Ч. (Правление Союза писателей). На этом банкете произнес тост за объединение Северной и Южной Осетий некий Амбалов Цоцко (наиболее яркий националист из числа мелкобуржуазной интеллигенции). Причем представители Южной Осетии, зная о решениях ЦК партии Грузии, никакого отпора не дали и сами за это высказывались. Это стало известно Юго-Осетинскому Обкому, якобы через органы НКВД. Сейчас расследуется дело о причастности к... контрреволюционной организации Кулаева, Бегизова и ряда других работников».

«Националистический вопрос» об объединении Осетии, например, был зафиксирован в уголовном деле на председателя Союза писателей Южной Осетии Чермена Давидовича Бегизова,²³³ который был арестован 6 ноября 1937 г. и 16 января 1938 г. приговорен Тройкой при НКВД ГССР к расстрелу. В уголовном деле представлено «заявление» информатора:

«Сотруднику НКВД Гр. ССР тов. Педану.
Заявление.

Согласно Вашего словесного предложения, я в развитии своего устного заявления — сообщаю следующее:

...

3. Когда обсуждался проект новой Сталинской конституции Санакоев Лади настойчиво выступал за объединение Южной и Северной Осетии, отбрасывая в область предания ту дружбу, которая завоевана трудящимися Грузии и Юго/Осетии в течении 16 лет Советской власти в Грузии и Юго/Осетии. На этом же партсобрании его поддержали: Короев, Бегизов Ч., Кулаев С. и др. Правда, на втором собрании, когда т. Бакрадзе (бывший Секретарь ЦК КП (б) Гр.) разъяснил всю ошибку, которая была допущена городской парторганизацией, все они выступили и осуждали свои первые выступления. Казалось, что они полностью осознали свои ошибки в этом вопросе, но, как выяснилось впоследствии, это было неискренно. Я это утверждаю потому, что Кулаев С., Бегизов Ч., Короев К. в 1936 году после всего этого были на конференции в г. Орджоникидзе. Там на банкете кто-то выступил с тостом, приветствуя вопрос объединения Северной и Южной Осетии. Названные выше товарищи промолчали, несмотря на то, что они имели отсюда специальное поручение, что в случае разговоров подобного порядка они должны дать отпор и разъяснение, в соответствии с указаниями т. Бакрадзе. Я думаю, что раз они этого не сделали, то они были согласны с произнесенным тостом».

Спецагент «Зигзаг» сообщал:

«... Амбалов Цоцко. Последний более осторожный, но свою физиономию проявляет во всех своих действиях. Он поет самые старые осетинские песни со словами далекого прошлого. Восхваляет все это прошлое и с презрением относится ко всему современному. Часто говорит: Да, вы уж, коммунисты, все видите, все знаете. Мы — старики, ничего не понимаем, не знаем, под вашим покровительством не пропадем и пр. Все это говорится с иронией и публично».

Заметим, что этот же спецгент, работавший на НКВД в период 1934-1937 гг., будет составлять донесения и на фигурантов дела по «контрреволюционной буржуазно-националистической фашистской организации». Затем к этой «организации» следствие причислит и ... его самого. В его «показаниях» будут «отработаны» обвинения против «защитника и писателя» А. З. Кубалова, который, якобы, «в своих произведениях как, например «Афхардты Хасана» протаскивал контрреволюционные установки, всячески пропагандировал контрреволюционный буржуазный национализм, доказывал, что «Советская власть отняла у горцев хорошую жизнь и, пока существует Советская власть, хорошей жизни не будет».

Сведения о Ц. Б. Амбалове представлены и в донесениях спецгента «Крепкий». Так, он сообщал, что 12 июля 1936 г. посетил дом Газака Тогузова, где находился Цоцко. Агент «Надежный», отмечающий преданность Ц. Б. Амбалова друзьям, всегда и при всех обстоятельствах, информирует дополнительно о том, что три месяца назад прибыл из ссылки врач Тлатов Агубе.

Спецгент «Аригон» 4 мая 1937 г. сообщал:

«Будучи директором Осетинского научно-исследовательского института Дзагуров редактировал и выпустил контрреволюционный троцкистский сборник «1905 год в Осетии». Дзагуров окружил себя в институте буржуазно-националистическими элементами вроде Цоцко Амбалова, Александра Кубалова, Собиева Магомета ... ».

Конкретно в отношении Ц. Б. Амбалова спецгент сообщал следующее:

«Известный в Осетии представитель осетинской националистической интеллигенции Амбалов Цоцко в беседе с ним о путях развития осетинского театра сказал, что в работе театра имеется один существенный недостаток ... В древние времена в Осетии была сильно развита родовая борьба. Борьба эта велась на почве земельного голода ... В данное время эта борьба проявляется на другой почве. Осетины очень маленький народ.

Но они продолжают бороться друг с другом. На почве сведения личных счетов они доносят друг на друга, губят друг друга. Нет между ними спаянности. Они потеряли друг к другу всякое доверие, каждый старается напасть на другого лишь бы обеспечить свое благополучие. Театр должен бороться с такими явлениями. Он должен отражать в своей работе идеи национального единства. Поэтому я предлагаю ставить именно такие пьесы, которые отражали бы эти идеи. В частности я предлагаю театру поставить «Вильгельма Теля»... Это необходимо, чтобы люди перестали губить друг друга, чтобы Осетия стала более крепкой и сильной».

Приведенные сообщения спецагентов легли в основание «Меморандума», с соответствующим «выводом»:

«Так типичный представитель осетинской национальной интеллигенции Амбалов в своей пропаганде контрреволюционных националистических идей переключается с германским фашизмом...».

В материалах уголовного дела представлены протоколы допросов «свидетелей», «изобличающие» Ц.Б. Амбалова и следующие в русле известной информации, полученной ранее от спецагентов. Так, в протокол допроса от 23 октября 1937 г. внесены «сведения» от имени «свидетеля», который решением Тройки НКВД СО АССР от 19 октября 1937 г. был уже сам приговорен к расстрелу за «контрреволюционную деятельность». Данные «сведения» фактически списываются с «донесения» спецагента «Смирнов»:

«... Амбалов мой бывший учитель по бывшей Ардонской гимназии, известный контрреволюционер, буржуазный националист, проводивший контрреволюционную буржуазно-националистическую работу вплоть до настоящего времени...»

Как мне известно, Амбалов вел среди населения СО АССР систематическую контрреволюционную буржуазно-националистическую пропаганду, вербовал кадры для ведения к. р. борьбы с Советской властью. Как факт могу показать следующее: 9го/9 36 г. я встретился с Амбаловым на бульваре Про-

летарского проспекта в г. Орджоникидзе. При встрече Амбалов вел к. р. буржуазно-националистическую пропаганду, заявляя: «Нам надо сейчас добиться объединения Юго-Осетии с Северной Осетией. Тогда нам легче будет бороться против большевиков русских, которые буквально давят нас, нам также надо добиться, чтобы у руководства Осетии стояли только осетины, а не пришлые, чуждые нам люди других национальностей, особенно русских, которых прямо надо гнать отсюда, пока они окончательно не замучили нашу нацию. Наши братья юго-осетины готовы подняться против ига грузинской нации, которые их, юго-осетин, угнетают, мучают... мы сейчас должны пока героически драться за объединение всех осетин, где бы они не были, в единую осетинскую республику со своими правителями осетинами. Я на эту тему говорил с Симоном Такоевым, и последний соглашался со мной, что надо начинать действовать. А ты сейчас собери группу надежной молодежи, только осторожно, чтобы НКВД не узнало. С этими ребятами я сам поговорю, как нужно действовать, бороться. Они, эта молодежь должна разъехаться по колхозам и поднимать колхозников за объединение Юго-Осетии и Северной Осетии без пришлых людей, не осетин... Я сам пока проеду дня на два-три в Дигорское, Алагирское, Куртатинское ущелья, чтобы посмотреть, как там идет наша работа по объединению, сам буду поднимать народ, учить его как надо бороться с большевиками русскими. А чтобы НКВД не заподозрил меня, что я именно еду с к.р. целью — я возьму командировку в Облоно... 2/10-36 г. я был у Амбалова Цоцко в сел. Ардон. Амбалов мне тогда сообщил, что был в селениях Цей, Мизур, Унал, Бад, Алагир где вел среди населения к.р. националистическую работу, к.р. пропаганду, вербовку, кого именно, мне не сказал. Через несколько дней Амбалов назначил мне свидание у себя дома в сел. Ардон, откуда мы должны были поехать на к.р. совещание в сел. Алагир к Бидееву Знауру, где должен был присутствовать Зангиев Бабу, проводивший вместе с Амбаловым организационную к.р. буржуазно-националистическую работу...

Со слов Амбалова Цоцко мне известно, что организационную к.р. буржуазно-националистическую работу в СО АССР ведут следующие лица, имеющие к.р. связь с Амбаловым Цоцко: Дзагуров Губади, Алборов Борис, Джатиев Александр, Бидеев Знаур, Зангиев Бабу...

О Бидееве Знауре и Джатиеве мне известно только со слов Амбалова Цоцко о их связи...».

В протоколе допроса от 19 ноября 1937 г. внесены следующие «показания» от имени малограмотного крестьянина, привлеченного в качестве «свидетеля»:

«...Знаю, как жителя Ардона и активно ведущего борьбу против Соввласти...

Летом 1937 года Амбалов Цоцко часто посещал населенные пункты Унальского с/совета, в особенности с. Урсдон, где он посещал и оставался днями у своего родственника Амбалова Гаго Дудариковевича, который арестован в августе м-це с.г. орг. НКВД. Кроме того, бывал в доме Караева Ельмурза, который доводится племянником Амбалову Цоцко. Через этих лиц, в частности через Караева Ельмурза, Амбалов Цоцко проводил свою к/р работу в к-зе «Красный Октябрь», проводя к/р пораженческую пропаганду, о скором провале Соввласти. В сентябре м-це средних числах с.г. Караев Ельмурза в местности «Каска», где мы были пастухами, повел разговор о положении и устоях Соввласти и заявил: «Хоть пишут, что Соввласть до того окрепла, что никто ей ничего не сделает, все же ее гибели подходит конец. Пусть Сталин знает, что ему недолго осталось царствовать. Последний конец существованию его царствованию, это осень 1937 г.».

При этих разговорах Караев Ельмурза Бибиевич наносил оскорбительные слова по адресу тов. Сталина. Караев Ельмурза на мой вопрос, откуда он черпает эти сведения, ответил: «Все это я знаю от сведущего человека — Амбалова Цоцко. Он летом был у меня и обо всем этом рассказывал мне. Он боролся за Соввласть, а теперь видит, что Сталинская политика идет к обнищанию трудящихся масс, и стал против Соввласти».

Следует отметить, что «показания свидетелей» путем допросов и очных ставок с называемыми ими лицами не проверялись. Приведенные выше письма А. Г. Тлатова к Ц. Б. Амбалоу, которые были изъяты во время обыска, были представлены следствием как написанные для склонения адресата в контрреволюционных целях и для пропаганды среди населения и вызова ослабления Советской власти.

Кроме того, следствие «установило», что изъятые при обыске письма к Ц. Б. Амбалоу «... Гаппо Баева из Берлина являются директивными письмами по развертыванию к/р фашистской буржуазно-националистической работы в Северной Осетии» (подобное «заключение», например, следствие сделало и по поводу упоминавшегося письма Г. В. Баева к С. У. Косирати, о чем сообщалось в республиканской прессе). Следует отметить, что данные письма были написаны в 1926-1929 гг., т. е. они только хронологически не могут служить даже поводом для утверждения о ведении «шпионско-разведывательной работы» Цоцко вплоть до его ареста в 1937 г. Кроме того, как мы знаем, данные письма, как и письма А. Г. Тлатова (за исключением письма 1936 г.), были написаны в период работы Ц. Б. Амбалова в Ленинграде. Приведенное выше письмо А. А. Фреймана к Г. В. Баеву подтверждает, что данная переписка и предпринимаемые в связи с ней действия Ц. Б. Амбалова были вполне открытыми и не носили никакой антигосударственной направленности.

Необходимо также отметить следующее. Следствие не могло непосредственно работать с данными письмами, т. к. велось не владеющим осетинским языком следователем. А данные письма были написаны не только на русском языке, но и на осетинском языке, а также на двух языках сразу (с отдельными фразами на немецком языке). Поэтому следствие пользовалось не самими письмами, а специально подготовленной, отпечатанной на машинке «обработкой» писем Г. В. Баева, что подтверждается материалами протокола допроса, в котором кратко перечисляются по датам именно письма из «обработки».

Ознакомление с ней наталкивает на мысль, что, видимо, в «распоряжении» следствия мог быть представитель осетинской интеллигенции, который осуществил необходимую работу, давая соответствующие пояснения, комментарии, пересказы и т. д.

Судя по тому, что в обработке писем Г. В. Баева к Ц. Б. Амбалову постоянно искажается фамилия Артура Кристенсена, ее создатель, определенно имевший филологические познания, был не столь силен в современных ему зарубежных осетиноведческих исследованиях. Впрочем, он не был силен и в вопросах истории развития осетинской культуры прошлого, не сумев идентифицировать Петра Ивановича Жукаева. Следует также помнить, что в 1920-е гг. Осетинский Научно-Исследовательский Институт Краеведения налаживал связи с зарубежными научными центрами и их представителями, в том числе, по линии книгообмена. Одним из таких представителей и был Артур Кристенсен, об упоминавшемся в письмах труде которого была, например, напечатана краткая рецензия В. И. Абаева (Зорати Вассо) в первом томе «Известий СОНИИК» за 1925 г. Причем, данные связи осуществлялись официально, через Всесоюзное общество культурных связей с зарубежьем и выражались в книгообмене и переписке по вопросам осетиноведения (в том числе, непосредственно с А. Кристенсеном), что отмечалось в отчетах Института.²³⁴

Естественным было бы предъявление подстрочного перевода писем и доказательство на конкретном материале предъявляемого обвинения следователем, не владеющим осетинским языком. Любые заключения и анализы проводятся и приобщаются к уголовному делу только на основании мотивированного постановления следствия. Только следователь обладает правом оценки политической направленности и выявления противоправности вменяемого в вину документа. Но убеждение следователя должно формироваться путем непосредственного ознакомления с документом и восприятия его содержания в соответствии с требованиями уголовного закона. Эти конкретные требования не были исполнены.

Причем, даже в обработках писем указывается, что некоторые из них были составлены частью или наполовину по-русски, полностью по-русски. Обработка и заканчивается показательным абзацем: «В переведенных мною письмах часть была написана по-русски. Так в русских текстах упоминается об Албурове, о Губади Дзагурове, который будучи руководителем Ос. науч. исследоват. института своими «известиями» помогал Берлинскому университету». Таким образом, устанавливается, что следствие не только не имело выверенного им подстрочного перевода писем в их части, написанной на осетинском и немецком языках, но и не удосужилось лично ознакомиться даже с той частью писем, которая была написана по-русски и доступна для его непосредственного восприятия и анализа. Следовательно, следствие не имело никакой возможности приводить доказательства предъявляемого обвинения на конкретном материале.

Мы позволим себе привести данные «обработки» писем, которыми могут заинтересоваться исследователи, если смогут отделить в них правду от вымысла и рассматривать их вне каких-либо идеологических установок, в контексте исторических реалий прошлого. Поскольку «обработка» напечатана крайне безграмотно, мы позволили себе внести в нее некоторые пунктуационные и орфографические исправления.

«Письмо № 1 от 1926 года 11 мая. Берлин

Амбалов Цоцко, мой любимый старый соотечественник!

Когда-то, очень давно, я для своей любимой Осетии занял дорогую трибуну, это был глава наших аулов нарядный, заманчивый Владикавказ. Благодаря тому, что Владикавказ был занят мною как центр, как трибуна, я смог сделать много для моей бедной, безмолвной, загнанной Осетии. Я сделал много для того, чтобы поднять на должную высоту мою Осетию среди кавказских национальностей. Теперь же старый, немощный я на чужбине одинокий, отвоевал мелом и пером в борьбе более красивую трибуну и занял ее для своей Осетии.

В 1926 году в Берлинском университете держал свою первую речь за Осетию твой старый друг, умеющий работать Гап-

по! Речь держал по-немецки перед лучшими великими умами Германии. Слава единому богу! Но один в поле не воин! Теперь задача перед всей Осетией начатое мною дело поддерживать надо крепко всесторонней. Зарплату, которую получаю, поверь, пока не хватит ни на что (буквально же сказано так, жалование мое не умри хватит только откусить раз. После этого предложения многоточие, смысл не очень понятен). Новое дело затеяно мною, мы должны на Кавказе показать в красивом виде (буквально), для того есть возможности (буквально). Поддержать меня надо, в первую очередь, скотиной, а особенно старой и новой литературой (предложение переведено буквально, после предложения многоточие и восклицательный знак. Предложение дано в ином смысле — скотиной он называет поддержку не только среди интеллигенции, но и рядовой низовой массы, иначе понять нельзя. Не просит же БАЕВ посылать ему в Берлин быков и коров). Мой дорогой архив и библиотека, как сильно вы мне нужны сейчас! (Переведено буквально). Но как я могу достать это все? Получеловеком половинчатым в своих желаниях я не был никогда, и мне хочется, чтобы эту причудливую корзину, которую я начал плести... красиво хочется сильн (буквально) Причудливой корзиной новой он называет дело, которое затеял). Тогда и умереть будет нетрудно. Ты был мне самым дорогим товарищем, а потому буду надеяться (буквально перевод, после предложения многоточия. Гаппо полагается на помощь и поддержку Цоцко). Помогайте мне, мои старые соотечественники, в моей новой, но трудной работе Иакт Марджа (Переведено буквально, слово «иакт марджа» не переводимое, его употребляют во время боя, в момент самых опасных наступлений, во время работы тяжелой, трудной, слово звучит обычно как набат, как призыв, действует воодушевляюще).

Подобно смерти будет для нас для всех, если — провалим мы начатое дело. Работу в массах, в аулах, селах поднять надо высоко, нужно так укрепить эту работу, чтобы наши идеи крепко стали на ноги, чтобы наши идеи, подобно большому ветвистому дубу, пусть раскидывают свои ветви по всей Европе

(буквально). Нам всем надо подумать об этом, общими силами, общей контактной работой мозгов нашей интеллигенции. Говорю тебе кратко — бейте в набат, в набат! В набат! Перед нами осуществление великой задачи (буквально), после слова «задачи» многоточие). Прошу тебя, в первую очередь, вышли мне начальный учебник, несколько экземпляров графики. Труды профессора МИЛЛЕРА (профессор Миллер языковед, занимался изучением осетинского языка). Потом немецкого Шеррени и других авторов. Врагов у меня никогда не было, не верю, чтобы кто-нибудь сознательно мог выступить против меня (буквальный перевод, после предложения стоит многоточие. Гаппо намекает, что врагов у него не было среди одномыслящей интеллигенции Осетии). Работать должны крепко, рука об руку, все до одного, работать не только здесь, но и там, для того, чтобы исправить хотя на немного положение Осетии. Мой народ должен будет дать должную оценку нашей... работе. Ваш долг, мои соотечественники, не боясь сказать пару слов в пользу нашего народа. Впрочем, нас немного, но работы нам непочатое поле большой деятельности... для того чтобы двинуть народ вперед. Тот, кто не оставляет после себя наследства, тот никогда не растет, не богатеет (перевод буквальный. Он говорит о моральном наследстве, о завладении умами нашей молодой интеллигенции). Пожалуйста, не оставляйте меня сейчас одного. Не лишайте меня вашей моральной поддержки (он обращается не к одному Амбалову, в Осетии одному человеку на Вы не говорят, обращается ко многим). Передай сердечный привет осетинским ленинградцам нашим. Отнеси мой пламенный привет и в нашу Осетию, обними моего дорогого соотечественника КУБАЛОВА Александра, и других. Да будут живы все!

Остаюсь тот же Гаппо, который эпохе нашей жизни не сказал еще «прощай» (перевод буквальный, трудно переводимый на русский язык, но смысл такой, что на чужбине еще никак не усомнился в победе своего дела, а потому, мол, и вы должны быть такими)».

«Письмо № 2»

Начала в письме нет. Он пишет — Пришли короткий, сокращенный словарь 1881 г. Епископа Иосифа, царствие ему небесное. Тоже боролся вместе с нами посеять благородные плоды в нашем поле. Перешлите мне и эту книгу, обращается не к одному (о мой дорогой архив, моя дорогая библиотека, вы, которых я собирал с такой любовью, как нужны вы сейчас вашему Гаппо. Как олень без рога, как кинжал без ножен, так и я сейчас стою на поле брани совсем без боевых доспехов (буквальный перевод) Кое-кто из немецких писателей взялись переводить Коста Хетагурова на немецкий язык, я взялся быть переводчиком (Далее следует перечень трудно переводимых осетинских слов, которые Гаппо просит Цоцко перевести точно, литературное слово «папах», «казан», «кладбище»). Потом разбросанные вопросительные знаки, минусы и плюсы. Гаппо спрашивает, как это перевести — «граница», «пограничник»? «Сосед»? Тут отметки карандашом, ответы на его вопросы непонятные). Дальше он пишет: В моем архиве остался русский перевод «Авхарды Хасана», маленькая книжка, если сумеешь достать, не то в Ленинграде в «публичной библиотеке» найдешь «Терские ведомости» за 1897 год и оттуда спишешь эти два фельетона, эту боевую песню мы должны видеть на немецком языке (книгу, т. е. повесть «Авхарды Хасана», написал КУБАЛОВ Александр, которому Гаппо в первом письме своем передает привет. В этой книге КУБАЛОВ утверждает идею кровной мести, которую Гаппо перевел на русский язык. Там есть песня о кровной мести врагу, вот эту то песню и хочет видеть Гаппо в немецком переводе. Публичная библиотека написана у него через кавычки, отсюда надо делать вывод, что «Терские ведомости» находятся не в публичной библиотеке, а у частного лица). Далее он пишет: вот пишу тебе все это, а в животе у меня урчит, кишка кишке говорит, чтобы вместо писанины я позаботился о завтрашнем куске хлеба, но, ведь, ни одним хлебом жив человек! Прости, пожалуйста, что я так часто тебе пишу, что делаю столько поручений. Куда же, кому же мне еще промякать (буквально) кроме как тебе, скажи, куда обратить мои взоры.

Когда доедешь до Ельхотова — до границы моей родины, то раскинь свой взор по райской земле моей Осетии, по горам и передай им мой привет, бывайте здоровы. Помни изречение апостола Павла, красиво боролся, жизненный путь свой кончил, но уверенность сохранил!! Обнимаю тебя, старый привратник Гаппо».

«Письмо № 3. От 1926 года 30 апреля. Берлин

Цоцко, мой любимый соотечественник!

Обычай предков не забывай, пиши мне, пожалуйста! Пиши о плоскости, о горах, что там везде? Да, построили они нам дело, показали, что наша литература бедна. А разве они в этом не виноваты? Жизнь не в гонении! Шамиля в 1859 г. покорили. Черкесы, после 1864 г. бежали в Турцию, когда их покорили. В 1866 году гонимые бежали в Турцию осетины (Здесь Гаппо вспоминает историческое прошлое Осетии. После покорения Кавказа потом осетины в поисках земли покидали родину, уходя в Турцию. Гаппо сравнивает то время с сегодняшним днем, потому, что, мол, и там русские, и теперь русские).

Наш великий академик Шегрени в осетинской грамматике (1844 г.) говорит правду — Надо на опыте узнать на Кавказе беспечность туземцев, об умственных их потребностях. Последние события тоже были безобразны для всей нашей жизни (после этого предложения многоточия и восклицательный знак, предложение как-то не увязано с предыдущим). Буквы — это, ведь, не камни, по дороге не покатишь, но сердечное колесо недавно начало вертеться исключительно осетинской кровью. Это самое главное (Здесь Гаппо выступает против латинизированного шрифта, но говорит, что хотя, мол, буквы потеряли осетинскую специфику, но в душе надо сохранить эту специфику). Когда я приехал сюда, то я сказал ГУТНОВУ: мы должны т. е. я постараюсь здесь заложить первый камень, укрепить здание, храм моей родины — доцентуру в Берлине. Но один в поле не воин! Помощь, только крепкая помощь должна прийти от вас сюда, от всех, для кого дорого одно название «Осетия».

1/ Во-первых, в первую очередь пошлешь мне материалы, даже сырье, всякую, какая только попадется тебе. Сходишь к ХЕТАГУРОВУ, к КОДЗАЕВУ Шаукудзу, его книги дорогие. Историю Осетии, Малусаг (в переводе Малусаг значит «подснежник»), грамматику АЛБОРОВА, газеты, этюды Миллера, дигорские сказания. Недооценивать книги нельзя. Пригодятся.

2/ — Во вторых, пошлешь русскую литературу о Кавказе. Дагестанский сборник и литературу о других горских народах. Пошлешь портреты, картины! Полный, красочный должен быть мой кабинет! Найдешь портрет Гадо и пошлешь, мать наша называла его океаном, мощью народа. Портрет Алдаянова Магомета тоже найдешь там (Фамилия «Алдаянов» написана неразборчиво, имя «Магомет». После этой фамилии многоточие) пусть напишет мне все, что знает про Гадо. Спроси у Хусина тоже (Хусина — имя, фамилии — Хетагуров), он расскажет о жизни Коста. «Русско-осетинский словарь», который хотя бы выпустить при помощи академии, этим сообщением ты меня здорово обрадовал. Пожалуйста, дай мне возможность видеть этот словарь. Без того мне очень трудно будет переводить родную литературу. В эти годы я как какой-нибудь апостол отдаю по капле своей крови. Много поработал я над переводами, и это все оказало мне незаменимую помощь (Здесь Гаппо намекает на большую моральную поддержку, оказанную ему Цоцко).

Письмо не закончено».

«Письма 4-5 от 1928 года. 6 апреля Берлин.

Письмо написано по-русски. Обращают на себя в этом письме внимание следующие места. Там, где Гаппо говорит о крестьянине из Дании, так к характеристике крестьянина дана пара осетинских слов: «Раб бывает наглый», перед этим изречением стоит крест, т. е. в математике этот знак положительный, дальше, где он говорит по-русски об этом крестьянине, «Крестьянин этот человек очень упорный» (в конце этого предложения тоже стоит плюс. Это осетинское изречение о рабстве и упорстве этого крестьянина отмечены одним знаком. Дальше

Гаппо пишет в письме по-осетински, что этот крестьянин свой, и говорит Цоцко: — Ради любимого твоего Андрсена сделай, помоги этому благородному делу (слово «Андерсен» взято в кавычки, Андрсен — это фамилия датского писателя, автор фантастических сказок, но под названием Андрсена подразумевается что-то другое). Дальше, в конце письма слово «Архив» взято в кавычки и написано с большой буквы, заглавной. Ни по каким законам языковедения слово «архив» не пишется в середине предложения с заглавной буквы и не берется в кавычки. Дальше он обращается по-осетински — Куда Вы делись! Вспомните бога (после этого предложения стоит крестик. Предполагаю, что под книжным архивом подразумевает Гаппо людей, на помощь которых он надеялся у нас. Дальше по-осетински написано: Обманчивый бог, «бог» взял в кавычках, и опять крестик, и непонятные знаки, и подпись «Гаппо»).

Твой любезный Гаппо.

В начале этого письма есть приписка, что газеты Юго-Осетинскую «Хурзарин» и Северо-Осетинскую «Растдзинад» получил».

«Письмо № 6 от 20 апреля 1928 года.»

Письмо написано по-русски, осетински и немецки. По-немецки он к нему обращается как к своему большому брату. В одном месте в этом письме, где он говорит (пишет по-русски), что старость свою в уединении хотел посвятить в своем замке делу родной письменности (в этом предложении слово «замок» взято в кавычки. Дальше он пишет по-осетински: «Но святому Георгию, богу и покровителю мужчин, лучше, чем всем нам, понятны все наши помыслы, и он, справедливый и снисходительный ко всем нашим ошибкам, направляет все наши дела по правильному пути».

Дальше он говорит что его книжки можно найти у Хетагурова Хусина и Кодзаева Саукудза, и у остальных наших в Ленинграде. И, наконец, у семьи Миллера, его сын Борис Всеволодович Миллер — академик. Дальше он пишет, что никак не

поймет, куда делся Балта, и почему о нем ничего не пишут (Балта — это название горного аула, близко от Орджоникидзе, надо предполагать, что спрашивает не о селе, в целом, а о ком-нибудь живущем в этом селе). В этом письме он упоминает о ДЗАГУРОВЕ, что он ему писал тоже относительно литературы. Дальше его подпись. Твой близкий Гаппо Васильевич Баев.

Сбоку в этом письме есть приписка, что Баев благодарит Цоцко из-за того, что он гостеприимно принял какого-то младшего товарища Баева, за что Баев шлет ему привет. Фамилия написана по-немецки непонятно».

«Письмо от 7-8 ноября 1926 г.

Осетинский семестр Берлинского университета.

Дана в начале письма выдержка из апостола Матвея 24, 13 стр. из библии. Сказано так: Но тот, кто вытерпит все до конца, — тот спасется.

Дальше: Работа боится работника (буквально). В начале обращение так: «Мой любимый соотечественник, единомыслящие вперед! Амбалов Цоцко, твое высочество!»

XXXX.

Слава всевышнему, я получил осетинские листы, последние страницы 496 (и над этой цифрой опять условный знак-крестик), но, правда, куда девались листы №№ 3568-385. Вышли листы 400-433, пожалуйста. Очень рад, что Вы снова начали работать над этим нужным великим делом (обращается не к одному — ко многим). Раз родились мы осетинами, должны работать для Осетии. Пусть живет, здравствует Осетия! Этот труд мой создает маленьких бычков, которые вырастут потом в целых быков (перевод буквальный). Оставим мы своим наследникам полную комнату всех кушаний (перевод буквальный, он говорит о культурном наследстве, которое мечтает оставить молодому осетинскому поколению). Время и обстановка раньше не давали возможности привести в исполнение свои мечты, колесо истории вертится и, вертясь, опирается то на одну сторону, то на другую. Все меняется с каждым днем, каждый

день приносит что-нибудь хорошее (после этого предложения многоточие). Мой милый друг, как будто ты ошибаешься из-за меня. Неси высоко мое знамя, береги мое имя, осталась у меня одна опора — это наш союз. Ты тоже написал мне легкомысленно: Дело — это ишак, возьми палку и гони вперед». Во всех моих рукописях ты не найдешь такого наивного выражения. Это великое дело я ценю дорого, этому делу название «Нужно» или «Надо», это дело, действительно, нужно народу. Это большая ошибка с твоей стороны, прошу прощения, говорю тебе все это любя (все это предложение говорится двусмысленностями, после каждого предложения многоточия. Понять трудно, но одно понятно, что Гаппо упрекает Цоцко в какой-то ошибке, в каком-то промахе в работе). Знайте, что я создаю здесь новую кузницу, кузницу Осетинскую! Очень ждал от тебя литературу, но потом, когда не дождался, то взял большой труд профессора Шегрена и собственными, моими старыми руками, взял и переписал все. Этот мой труд здесь очень редкий. Что делать, даже иногда побеждают солнце. В кои веки один единственный осетин, за свои средства, благодаря своей воле выехал в Европу, учиться, для того, чтобы спасти свою бедную родину, так даже этому человеку ставят спицы в колеса. Это знак того, что мы пришли к гибели. Если мы будем так ненавидеть друг друга, какую же жизнь мы можем построить! Что мы можем сделать среди такого народа? Если бы только мог, я верю, то для меня ты сделал бы все. Вот, например, читал я недавно в Растдзинаде (осетин. газета). «Подумать надо, однако, как 7 лет тому назад наши большие люди, как Гаппо Баев и его единомышленники, своими грязными языками натравливали друг на друга осетин, ингушей, всех трудящихся и пролили невинную кровь». Мой ответ на эту заметку ты знаешь. Эта заметка говорит о том, что мы, как нация, идем к вымиранию. Не любим мы друг друга, осетинская интеллигенция, что же мы тогда еще хотим от нашего бедного темного народа! Коста Хетагуров, умирая, нам завещал: «Братья мои, любите друг друга, было бы очень хорошо, если бы вся наша

литература, наши школы, наши собрания, все наши сокровища принадлежали бы нашему народу». Я тоже когда как бедный косарь вышел на осетинскую ниву. Много красивого я оставил на этой ниве, много красивых полос. Несу я и здесь с честью в Европе знамя моей Осетии. Пою и здесь я песню святому Георгию. Должны радоваться моим успехам все те, кто любит наш народ. Особенно те из наших, кто стоит у руководства народом, а они же, вместо благодарности, втихую срезают мне жир с пятки. Те, кто из вас стоит у руководства в эту страшную эпоху, в эти раздвоенные дни, те должны особенно любить свой народ. После всего этого, говорят, чтобы я работал. Когда то один твой односельчанин ГАЛАЕВ писал одну книжку, где облил грязью весь наш бедный народ. Этот социалист писал безобразные вещи про наш народ: «Воруйте, грабьте, убивайте, лгите друг другу, предавайте. Друг другу давайте ложные клятвы, может быть, земля провалится под вами, и пропадете окончательно». (Это отрывок из какой-то книги). Я тоже был полон заботами о моем бедном народе, мое осетинское сердце изныло от горя, думая о нашем замученном народе. Я звал всегда нашу молодежь к большим боям. Многие сердца загорались тогда мезтью и ненавистью к врагам, и тогда они забывали свою печальную долю загнанного народа. С большой любовью и храбростью защищал я на Кавказе мою нацию «Осетия», во имя этого я шел и в огонь, не боясь ничего! Вспоминаю Тугановское дело, да, разве я могу посчитать все свои заслуги перед моей родиной. Цоцко, ведь не умерло еще во мне сердце осетина! Какими бы коварными клеветами не старались бы меня оклеветать мои враги, все-таки придет время, и заиграет моя правда. О, если бы еще когда-нибудь могла растаять моя Осетия от изобилия нашего общего чувства любви, и если бы она только могла слушать слова такие, которые могли бы привести к счастливой жизни мою бедную темную Осетию. Я не увижу уже другую жизнь, но я прошу только одно у нашего молодого поколения, чтобы они оставили в покое мою многодумную, истстрадавшуюся голову и душу. Да будет проклят тот,

кто пишет про меня такую клевету (он ссылается на заметку в осетинской газете). Несмотря на все это, я все-таки пробиваю себе дорогу. Кто может устать жить и работать среди этого величественного народа (немцы). Мое старое сердце забилось снова огнем, как вспоминаю я летние события (после предложения многоточия). К моей кузнице подъехал датский профессор Артур ХРИСТАУЗЕН, до войны он был в Тифлисе, купил осетинскую литературу, во время же войны бежал из Германии в Данию с 8 товарищами осетинами из Кадгарона, среди них оказался один Дулаев Камболат, который любил осетинскую литературу и писал по-осетински. Благодаря Дулаеву, Шестензауен познакомился с нашим языком, полюбил этот язык. Посылаю тебе труд этого профессора (по-немецки), прошу тебя, передай этот труд Дулаеву и скажи ему, что это подарок профессора. Профессору было бы очень приятно, если бы он получил ответ от Дулаева. Он подарил мне карточку нашей молодежи. Было бы хорошо, если бы устроил, чтобы наш союз, который находится в Ленинграде, послал бы профессору благодарность. Это, ведь, не трудно сделать. Животу надо много, а сердцу немного. Поблагодарите его (буквально). Плетень надо так плести, чтобы не было лазеек. Этот чужой человек помог нам заплести наш плетень. Пусть живет он долго! Впрочем, как у нас мало всего, нет ничего (буквально). Мы пока еще голые. Этот профессор для нас божий подарок. Клубок радости и счастья у меня на душе. Я знаю, что ты сделаешь все это. Ты, ведь, наш замок, наша скала (буквально). Вышли мне свои труды на осетинском языке. «Жаворонок» твой у меня был, и эту книгу отобрал у меня профессор (фамилия неразборчиво). Я просил у тебя «Географию Кавказа», а потом карточку Гадой (фамилии нет), спроси у Андукапара Хетагурова. Писала мне наша молодежь из Америки, чтобы я помог им выехать из Америки и достать им паспорта, а я им ответил, что 30 лет разъезжаю туда-сюда — время и нам, осетинам, построить в Америке хоть одно осетинское село, особенно в Канаде уже пора подумать об этом деле. Америка — страна кукурузная, много скотины

у них, осетины наши любят оседлую жизнь, собственность, такая жизнь им подошла бы по сердцу. Мои друзья немцы писали мне о Канаде, а что ты скажешь, мой друг, если получишь от меня весточку из Америки, из страны, где каждому живется вольно, где человек находит то, что ему надо? Пишу тебе в день святого Георгия, пусть этот святой будет твоим покровителем в твоей трудной работе. Передай сердечный привет моей Осетии. Бывайте здоровы. Пусть ваши труды послужат народу и пробудят в нем храбрость. Вас ждет, на вас смотрит Осетия. Не забудьте меня, кровь осетинскую забывать нельзя. Старый пахарь Баев Гаппо».

«Письмо № 9 и 10 от 4 мая 1927 г.

Написано письмо наполовину по-русски. Начинается таковой вставкой. «Не пишу я тебе черными чернилами, а пишу тебе черной кровью моего осетинского сердца. Родился я осетином. Работал я для Осетии свою долгую жизнь. Должен умереть я и осетином на этой высокой боевой трибуне». После этого идет русский текст, а потом так: предков обычаев нельзя уносить на тот свет. Яблоко от яблони далеко не падает. Нужно в жизни — жить, бедное солнце лучше, чем богатая земля-могила. В живых то я остался до сегодняшнего дня. Слава всевышнему богу, хозяину всей вселенной. Прошло уже 8 лет с тех пор, как перешел я Дарьяльский мост... Много пережил я с тех пор, но никогда не переставал идти вперед, думать только вперед. С прошлого года я в полной надежде. Хлопочу, чтобы окончательно закрепить себя здесь. У себя на родине нет у меня и собачьей конуры (после этого слова условный знак крестик). Потом, та работа, которой я посвятил свою седеющую голову, эта работа не найдет себе лучшего места. И наша Осетия не найдет лучшего народа, чем немцы. Все идет, все меняется (после этого предложения стоит многоточие). Профессору Христианзену от имени Осетии пришлите благодарность, изберите его почетным членом (после этого стоит крестик). Поторопи мои дела. Я снова засучил рукава и

куружная, много скотини у них, осетини наши любят оседлую жизнь
 собственность, такая жизнь им подошла бы по сердцу. Мои друзья нем-
 цы писали мне с Канады а что ты скажешь мой друг если получишь от
 меня весточку с Америки, из страны где каждому живется вольно, где
 человек находит то что ему надо? Пишу тебе в день святого Георгия
 пусть этот святой будет твоим покровителем в твоей трудной работе.
 Подавай сердечный причет моей Осетии. Бывайте здоровы. Пусть ваши
 труды послужат народу и пробудят в них храбрость. Вас идет на вас си-
 трит вся Осетия. я не забывайте меня, кровь осетинскую забывать
 нельзя. Старый пахарь Баяв Гаппо.

Письмо № 9 и 10 от 4 мая 1927 г.

Написано письмо наполовину по русски. Начинается такой вставкой.
 " Не пишу я тебе черными чернилами а пишу тебе черной кровью моего
 осетинского сердца. Родился я осетином. Работал я для осетии свою
 долгую жизнь. Должен умереть я и осетином на этой высокой боевой
 трибуне." После этого идет русский текст, а потом так: предки об-
 чаев нельзя уносить на тот свет. Яблоко от яблони далеко не падает.
 Нужно в жизни- жить, бедное солнце лучше чем богатая земля-погила.
 В живых то я остался до сегодняшнего дня. Слава всевышнему богу
 хозяину всей вселенной. Прошел уже 3 лет с тех пор как перешел я в
 мирьяльский мост.. Много передил я с тех пор, но иногда не переста-
 вал идти вперед, думать только вперед. С прошлого года я в поисках
 надежде. Апоночу, чтобы окончательно закрепить себя здесь. У себя
 на родине нет у меня и собачьей конуры./ после этого слова услов-
 нный знак крестик/ Потом та работа, которой я посвятил свою седла-
 щую голову эта работа не найдет себе лучшего места. И наша осе-
 тия не найдет лучшего народа чем немцы. Все идет все меняется/ после
 этого предложения стоит многоточие/ Профессору Христианову
 от имени Осетии пришлите благодарность изберите его почетным чле-
 ном. / после этого стоит крестик/ Поторопи мои дела. Я снова засу-
 чил рукава и готовлюсь крепко работать. Угоди мне исполни все мои
 поручения. Кому же мне обратиться как не к тебе. Может быть приго-
 жусь я тебе среди этого могучего народа живу, как будто во сне
 как на экране проходит жизнь передо мной. / после этого предложения
 крестик/. Когда выйдет второй том? / второй том чего непонятно/
 Бывай жив. Да поможет тебе Берлинский святой Георгий.
 Осетинский старый косарь Гаппо.-

В е р н о:

готовлюсь крепко работать. Угоди мне, исполни все мои пору-
 чения. К кому же мне обратиться, как не к тебе. Может быть
 пригожусь я тебе среди этого могучего народа, как будто во
 сне, как на экране, проходит жизнь передо мной (после это-
 го предложения крестик). Когда выйдет второй том? (второй
 том чего, непонятно). Бывай жив. Да поможет тебе Берлин-
 ский святой Георгий.

Осетинский старый косарь Гаппо».

потеряла СССР хозяйства. Надо думать и днем и ночью об этих цифрах. Дично я не хочу сейчас рассматривать этот вопрос специально так как как ругать / буквально / после многого / А уже не состо- сточество / вы же должны показать себя что вы мужчины, ва- ша эпоха зовёт вас! Всмотритесь внимательнее глубже в это страшное дело /о великого разорения дошла родная Осетия! Большой позор! Разорение доходит до далеких горных трущоб Юго-Осетии. Черными сле- зами закипает сердце и бегут эти слезы по моим щекам ежедневно. /буквально/ Но сердце колочит кустарник черные думы. Что будет с на- ми страна / буквально /. Нет еще не конец мы еще сильны! нас могут как национальность выплеснуть как стакан воды. Мы точно улетываем птицы соборится еще стали. Но крепкому горю, нужно крепкое сопротивление свобода, общими силами / буквально / Перво /наперво вы должны по- думать в самом главном и важном вопросе, это земля. Аграрный вопрос. Вы знаете сколько трудов я положил на это дело. По капле пролил свою кровь чтобы дать землю нашему народу. И вижу жители гор само- вольно выселились на плоскость. В горах не остается ничего, горы та- рают свою романтику, а плоскость мучается от безземелья потому что польза этой земли как волки, благодаря общественному дикому земле- пользованию. Вы должны положить конец этому. Укрепить культуру в области земледелия. Ты помнишь сколько безумных трудов мне стоило чтобы довести наш земельный вопрос даже до государственной думы. Главное: теперь надо чтобы земля и в горах и на плоскости была бы поделена между отдельными хозяйствами и закрепить навсегда без права продажи земельных участков. леса, водн, дуга, пастбища все должно быть поделено. Так разрешен аграрный вопрос во всей евро- пе. /в скобках он пишет по русски что подробности не касаются/. Очень тебя прошу Цыцко объясни об-ясните это положение тем кому дорога земля! Пусть обо мне пока никто ничего не пишет! Не пришла еще эпоха /многого / тогда само время скажет за меня свое правдивое слово. Пусть лучше наша молодежь выпустит в печати мои осетинские и русские произведения. Потом у меня в архиве много сырья, их наберется не- сколько томов. Но издать это- тоже нужна напористость и храбрость. Когда то давно, когда Коста был в оппозиции у русского правитель- ства я нашел в себе смелость издать его труды, которые были против русских властелинов. Пусть так же сердце такое осетинское сердце найдется и у наших молодых интеллигентов. Человеку боевому нужно спеть боевую песню /здесь Гаппо подразумевает под "боевыми человек" себя / буквально / Где найдется такая смелая душа? Прости что так часто тебе пишу. Прочти Коста книги, тогда простишь меня. Сердечный привет передай нашим. Бывайте здоровы. Останусь старый работник Гаппо.

В переведенных мною письмах часть была написана по русски. Там в русских текстах упоминается об Алборове, О Губади Дзгал, рове, кото- рый будучи руководителем Ос. науч. исследоват. института своими "не- вестиями" помогал Берлинскому университету."

Верно: *Губади*

«Письмо № 11

Взято откуда-то с середины письма. Написано по-русски. В этой маленькой записке обращает на себя внимание то, что Гаппо просит прислать Юго-Осетинскую газету «Хурзарин», все №№ второй половины этого года. Надо делать вывод, что Гаппо аккуратно получает всю нужную литературу. После всех поручений он говорит ему уже не в виде просьбы, а как приказ

в поговорке — пришли все — «долг платежом красен». Записочка кончается так: «Прости, что утруждаю, дело это наше общенациональное, святое!». Гаппо».

«Письмо № 12.

Написано тоже вперемежку на двух языках. Просит передать привет Дулаеву. А потом Гаппо просит Цоцко иметь в виду, при составлении русско-осетинского словаря ввести слова, которые когда-то его дядя Заурбек Баев, будучи старшиной в с. Христиановском, держал речь перед народом (буквально следующее): «О, хороший народ! Наши торговцы, наши лавочники, наши пахари и наши пастухи!» (Гаппо просит, чтобы при составлении словаря поместить эту фразу куда-нибудь и в конце предложения ставит многоточия). Все эти требования звучат как приказ. Он говорит, что (Гаппо) во имя нашего народа Коста Хетагуров выполнил все, т. к. вся надежда на его ум, т. е. на ум Цоцко. Гаппо просит выслать для знакомых молодых людей советские статьи, марки. Просит пособратить это среди своих (не говоря по имени у кого)».

«Письмо № 13 продолжение 12-письма.

В письме этом Гаппо просит прислать ему словарь русско-осетинский, говоря буквально следующее: Кто знает, может быть, я доживу снова до того дня, когда сумею расплатиться со всеми должниками своими, как щедро я тогда тебя одарю (после этого предложения многоточие и восклицательный знак). И дальше продолжает: «Вся моя Осетия предо мной должник» — прости мне последнюю фразу. Дальше его подпись (Гаппо) и приписка на русском языке: Помни слова Коста — нам осетинам предоставлено только одно право — просить, плакать и молить» (Эти слова были сказаны Коста, даже брошены в лицо царским генералам на одном процессе. Гаппо же это время отождествляет с сегодняшним днем, наказывая помнить, что, мол, Осетия бесправная)».

«Письмо № 14 от 5 мая 1926 года. Берлин.

Письмо частью написано по-русски, частью по-осетински. Гаппо просит, чтобы Цоцко со своей стороны посодействовал перед нашими учеными, чтобы сагитировать подписаться на новый энциклопедический словарь, т. к., мол, я по некоторым соображениям, т. е. по известным причинам, не могу пока это дело поддержать. Просит выслать краткие сведения о жизни Коста. Просит выслать книжку АЛБОРОВА Бориса (профессор Алборов, о котором в своих письмах поминает Гаппо). «Первый осетинский поэт — Мамсуров» — эту книгу просит Гаппо выслать обязательно 2-экз. Один для Германской государственной библиотеки. Просит прислать карточку Петра Жукаева (не знаю, кто он такой). Кончает письмо извинением, что так часто беспокоит его просьбами, но оправдывает себя тем, что, мол, всю жизнь посвятил моей бедной Осетии. Привет землякам. Твой Гаппо».

«Письмо № 15-16 от 31 декабря 1926 года.

Мой любезный соотечественник Цоцко! Желаю с новым годом новое счастье. Пусть этот год принесет счастье нашему бедному народу. Поблагодари от меня Саукудза (Кодзаев Саукудз) за его книгу. Его книга дорогой дар для моей библиотеки. Очень его прошу, чтобы он достал для меня труды Киевского профессора Юмана Кулаковского «Аллон» (значит «осетины», т. е. предки осетин). Очень приятно было для меня услышать, что вышел 1 том нашего словаря. Освещаете вы мне мой жизненный путь (буквально). Укрепляете вы во мне веру в моей сегодняшней тяжелой борьбе (буквально). Удостоите старого Гаппо высылкой первого тома нашего словаря (буквально). Ты дома ничего не мог сделать, но здесь сделай (Гаппо приказывает Цоцко сделать, выполнить все поручения, находясь в Ленинграде. После слова «сделай» он ставит многоточие). То, что ты на могилу нашего пророка народного (он говорит о Коста Хетагурове) возложил цветы от моего имени, за это тебе большое спасибо. Но я читал в газете «Растдзинад» статью под назва-

нием «Забятая могила». Из этой статьи я вижу, что пророчески сбылись слова самого Коста о том, что только день будут о нем говорить, потом забудут о нем, и никто не будет знать его могилу и т. д. Очень вас прошу, ухаживайте за его могилой. Не стыдно ли нашим руководителям? Что делают носители нашей культуры и защитники нашего народа? (буквально). Мы в свое время сделали, что могли. Долг наших руководителей издать его произведения и нести его знамя высоко. Что делают покровители нашего народа? Кстати, читал в «Растдзинаде» одно паршивое стихотворение, напиши ка об этом. Я послал тебе одну дорогую книгу профессора Хестензауна, ты не сообщил мне, передал ты эту книгу или нет Дулаеву Камболату? Очень прошу тебя, вышай мне книгу Созырко Бритаева (умер). То, что ты не сумел достать из моей библиотеки и архива мои труды, я на тебя не обижаюсь, но тяжело, что ни братья, ни однофамильцы, ни друзья, ни знакомые, неужели ты у них ничего не мог достать? Перевод «Авхарды Хасана» (повесть о кровной мести, о национальной вражде, об утверждении этих начал) очень нужен, перевели бы его здесь немцы, слава для Осетии! Потом у своих и во всей Осетии должен был найти мои труды, как на осетинском, так и на русском языках. В нужную такую минуту не только материальную помощь, но подать протянутую просто руку, и то очень много. То, что я занял во всей Германии для своей Осетии такую дорогую трибуну, это должна ценить Осетия (последняя фраза написана в виде упрека Цоцко, что, якобы, он недостаточно умеет укрепить в Осетии идеи Берлинского университета, в конце фразы многоточие). Благодарение бога. Железо мое раскалено докрасна. Укрепил я крепко наковальню в новой кузнице. Опасность миновала (перевод буквальный, после предложения многоточие). Очень тебя прошу, что бы ты не нашел в Ленинграде из осетинской литературы, шли мне все. И кавказскую литературу (после предложения многоточие). И на этот раз письмо твое полно ко мне любви, т. е. меня все хвалишь, поешь мне дифирамбы. Хватит! Двенадцать человек, которые учились в высших школах, подарил я Осетии. Ког-

да-нибудь пошлю тебе карточку этого родовитого дерева. Много золотых яблок созрело на этом дереве для бедных, особенно для Осетии. Благославляю я им свои труды (после «трудов» многоточие, после «Осетии» тоже, предложение построено двусмысленно, но понять можно, что Гаппо говорит о каких-то своих учениках и о божественной кузнице, где он сковал 12 бесстрашных, самоотверженных борцов). Передо мной лежат две книги: 1. Четыре крестьянских бюджета сел. Христиановского (Дигора) за 1925 год и четыре крестьянских бюджета сел. Ардон за 1926 год — «Известия Осетинского научно-исследовательского института». Ну и наука, казаки остались-таки казаки, наши соседи. Присвоили себе конституцию с ее большими правами, и вышло, что они опять на прежнем положении. Они не снизились до названия «крестьяне», не захотели смешаться в общей крестьянской массе. А мы, горные орлы и князья, чем хуже казаков? Это не шуточное дело какое-нибудь? Имя, название — это тоже честь, доблесть. Объясни ка мне, что это значит, напиши. Неужели казаки на самом деле не пишут «крестьяне», а официально пишут «казаки»? Эх, Вы, как дошли Вы до жизни такой! В набат, бейте в набат!! Укрепите и вы за собой права в конституции и назовите себя «Горцы Кавказа». Прости мне мою последнюю гордую фразу!! Горит мое сердце от злости!! (в 1919-20 г) осетинские партизаны ставили вопрос о выселении казаков с Терека, вообще о выселении всех русских с пределов Осетии. (В этом письме ставит Баев вопрос о том, что земли наши, якобы, опять отобрали русские). Гаппо».

«Письмо 17-18.

Начала в письме нет. Написано по-русски. Он в этом письме говорит о БЕКОЕВЕ Георгии, который, якобы, пропустил какую-то ошибку. Кусочками, отрывками он пишет, что профессор Миллер дал верную оценку Баеву в «Дигорских сказаниях», но, мол, о себе забыл, т. е. забыли все о нем (профессоре). Тот, кто творит добро, труп того выбрасывают к порогу (буквальный перевод). Дальше Баев обвиняет АЛБОРОВА в том,

что Алборов стоял за осетинский шрифт, а Баев за латинский, и говорит, за сердцем идти нельзя, ибо за сердцем идут только дети и женщины. В письме не очень понятно, в чем Баев обвиняет Алборова, но чем-то им в письме не доволен. Но сделанная в конце письма приписка «Мода! Увлечение! Дорого обошлись уже Осетии эти увлечения. Вымираем! (эта приписка говорит о том, что Баев вообще против новшеств в языке и культуре Осетии, что и советует остальным. Дальше Баев советует, что нужно в Германии на месте изучать культуру, а потом привить ее Осетии). Нам надо у маленьких народов культурных поучиться, как отстаивать себя. Наш общий друг и соотечественник ЦАГОЛОВ Георгий стал крепким националистом, я очень рад, обними его за меня. ГАРДАНОВА Михаила поблагодари за доброе слово (за какую-то статью, непонятно. Тут же просит прислать и карту современного Кавказа). Гаппо».

«Письмо № 19. — От 13 апреля год не отмечен.

Мой дорогой Цоцко!

Я очень доволен народом, который приютил меня. Ценят меня высоко. Самое ласковое мое имя «Действительный член Ставропольской губернии, Кубанского и Терского статистического комитетов». В годы молодости глубоко запали мне в душу слова критика Писарева: «Мечты и иллюзии гибнут, а факты остаются». Потом еще: «Цифры не знают партий, но все партии должны знать цифры». С тех пор я с любовью тщательно собирал все факты, статистические данные о жизни Осетии. Радовался я, начиная с 1895-1917 г. каждый год приносил мне радостные вести и цифры. Мечты врагов не сбывались. Население наше росло от 2-3 тысяч, это был хороший знак. И все это рождало уверенность и силу в себя, и приносил пользу обществу. Ты с такой галантностью вспоминаешь все это. Я же с ужасом прочел о том, что в Юго-Осетии умирают повально. В библиотеке у меня осталась книга «Вымирающая Башкирия», я очень боялся, как бы не постигла и нас эта участь. Ведь, известно, что в Юго-Осетинских школах 70% детей болели ча-

хоткой. Я не верил простым слухам, но вот лежат передо мной «Известия Осетинского научно-исследовательского института», хочется выть, плакать черными слезами, там написано — вымирают. Статья Михаила Гарданова меня прямо убила. Что скрывать! Начиная от 1917 до 1921 г., по моим подсчетам, наша маленькая нация потеряла 10000 хозяйств. Надо думать и днем, и ночью об этих цифрах. Лично я не хочу сейчас рассматривать этот вопрос специально, так как руки у меня коротки (буквально, после многоточие). Я уже не соотечественник ваш, но вы должны показать себя, что вы мужчины, ваша эпоха зовет вас! Всмотритесь внимательнее, глубже в это страшное дело. До великого разорения дошла родная Осетия! Большой позор. Разорение доходит до далеких горных трущоб Юго-Осетии. Черными слезами закипает сердце, и бегут эти слезы по моим щекам ежедневно (буквально). На сердце колючий кустарник, черные думы. Что будет с нами, скажи (буквально). Нет, еще не конец, мы еще сильны! Нас могут, как национальность, выплеснуть как стакан воды. Мы, точно улетающие птицы, собираемся еще стаями. Но крепкому горю нужно крепкое сопротивление сообща, общими силами (буквально). Перво-наперво, вы должны подумать о самом главном и важном вопросе, это земля. Аграрный вопрос, вы знаете, сколько трудов я положил на это дело. По капли пролил свою кровь, чтобы дать землю нашему народу. Я вижу, жители гор самовольно выселились на плоскость. В горах не остается никого, горы теряют свою романтику, а плоскость мучается от безземелья, потому что пользуются землей как волки, благодаря общественному, дикому землепользованию. Вы должны положить конец этому. Укрепить культуру в области землепользования. Ты помнишь, сколько безумных трудов мне стоило, чтобы довести наш земельный вопрос даже до государственной думы. Главное: теперь надо, чтобы земля и в горах, и на плоскости была бы поделена между отдельными хозяйствами, и закрепить навечно, без права продажи земельных участков. Леса, воды, луга, пастбища, все должно быть поделено. Так разрешен аграрный вопрос во всей Европе (в скоб-

ках он пишет по-русски, что подробностей не касается). Очень тебя прошу, Цоцко, объясни, объясните это положение тем, кому дорога земля! Пусть обо мне пока никто ничего не пишет! Не пришла еще эпоха (многоточие), тогда само время скажет за меня свое правдивое слово. Пусть лучше наша молодежь выпустит в печати мои осетинские и русские произведения. Потом у меня в архиве много сырья, их наберется несколько томов. Но издать это — тоже нужна напористость и храбрость. Когда-то давно, когда Коста был в оппозиции у русского правительства, я нашел в себе смелость издать его труды, которые были против русских властелинов. Пусть такое сердце, такое осетинское сердце найдется и у ваших молодых интеллигентов. Человеку боевому нужно спеть боевую песню (Здесь Гаппо подразумевает под «боевым человеком» себя (буквально)). Где найдется такая смелая душа? Прости, что так часто пишу тебе. Прочти Коста книги, тогда простишь меня. Сердечный привет передай нашим. Бывайте здоровы. Остаюсь добрый работник Гаппо».

«В переведенных мною письмах часть была написана по-русски. Так в русских текстах упоминается об Алборове, о Губади Дзагурове, который будучи руководителем Ос. науч. исследоват. института своими «известиями» помогал Берлинскому университету».

Кроме того, в уголовном деле представлено и воззвание антибольшевистского содержания, которое, якобы, хранилось в доме Ц.Б. Амбаловым и было изъято во время обыска. Речь идет о воззвании к осетинскому народу от имени исполняющего обязанности Провителя Осетии полковника Елоева, т. е. времен, когда Северная Осетия находилась под властью Добровольческой армии А.И. Деникина. Данное воззвание уже публиковалось в республиканской печати.²³⁵ Приведем полностью его текст:

«ОСЕТИНСКИЙ НАРОД!

Я обращаюсь к вам с верой в то, что Ваше народное сознание, имеющее свою личность, обычаи и честь, не помутнело в кошмаре большевизма. Огнем и мечом хотели большевики

вытравить из Вас это сознание, сжигая Ваши дома и расстреливая в августовские и другие дни, страшных переживаний Осетии, Ваших отцов, братьев, сыновей. Натравливанием одной национальности на другую, брата на брата, и сына на отца — большевики поддерживали свое кровавое существование, съедая дружбу, братство и достояние нашего и других народов. На пепле фабрик, заводов и на развалинах железных дорог большевики ставили печатные станки и выпускали невероятное количество бумажных денег и, ничего не создавая, а только разрушая, покрывали все разрушенное кипами этих денег, стремясь заглушить здоровые стремления народа труженика, погоней за этими бумажками, летавшими чуть ли не по воздуху. Результаты этой финансовой и экономической политики сейчас налицо. Не стало фабрик, заводов и железных дорог, а остались только станки для печатных денег, правильно стали говорить, что в наше время, желая что-нибудь купить, нужно запрягать арбу, чтобы отвезти деньги, а купленный товар можно будет, мол, и в кармане принести. Теперь настал момент, когда мы, так или иначе, должны взять в собственные руки разрешение впоросов нашего народного благополучия и, вспомнив, что помимо прав существуют еще и обязанности, напрячь все силы к тому, чтобы поднять, в общей массе окружающих нас народов, авторитет и имя Осетинской нации.

Да, трудно в холод и дождь ездить в лес за дровами, но приятно отдыхать в теплой сакле, среди обогретых и накормленных членов семьи.

Трудно нести обязанности гражданина-осетина, но приятно жить в народе, дышащем довольством и исповедующим дружбу и любовь друг к другу.

Осетины! Ваш гражданский долг зовет Вас к исполнению своих обязанностей, весьма трудных в условиях настоящего времени, но необходимых для того, чтобы возродить все то, без чего не может быть ни общественного спокойствия, ни возможности работать по созданию хозяйственного благополучия осетина пахаря.

Большевизм, разрушив все, оставив нам в наследство нищету в жизни и поток бумажных денег, теряет доверие народных масс, шаг за шагом, сдает свои позиции. Просвещенная Европа в лице Англии, Франции, Италии, Греции и Америки высаживают свои войска в России, направляя танки, тяжелые орудия, пулеметы, штыки и силу своих денег, обеспеченных их народным достоянием, против насильников-большевиков, захвативших власть в сравнительно отставшей, в культурном отношении, России. Если Вас удивляет, почему развитые и стоящие на более высоком уровне развития Европейцы и Американцы бьются с большевизмом в России, то нужно только вспомнить, что когда у соседа пожар, то тушить его бросается каждый, кому не хочется, чтобы сгорел его дом, и в случае, если с ним случится несчастье, получит и от него помощь. Слишком много слов было выпущено за последнее время. Слова эти, кроме разрухи, ничего не дали. Вместо обещанного нам рая на земле мы получили ад мучений и пыток и тяжесть того положения, которое мы сейчас переживаем. Большевизм экзамена не выдержал. Необходимо взяться за строительство жизни, и одним из средств, обеспечивающих народу возможность этого строительства — является воинская сила. Оглянитесь назад, вспомните свои бедствия и Вы скажите, что будь бы у Осетин воинские части, правильно организованные, послушные воле начальника, то не было бы и пройденного нами пути народного обезличивания, позора и бесправия.

Призываю Вас, Осетины, к осознанию всей серьезности переживаемого нами времени, я верю в здравый ум и гражданственность своих братьев Осетин. Верьте и Вы в то, что новая власть, поставившая себе целью водворить право и порядок в Вашей среде, положит все усилия к борьбе со всем тем, что будет вредить возрождению этих начал.

Беспощадная борьба с деятельностью тех, кто самой историей наших переживаний признан врагами народа, и широко открытые двери каждому, кто хочет потрудиться на благо и пользу народа.

И. д. Правителя Осетии, Полковник Елоев».

Следует указать, что появление в деле данного воззвания, как происходящего из изъятых во время обыска материалов, самим «Протоколом обыска» не подтверждается. Сам Ц. Б. Амбалов в связи с его обнаружением и содержанием не допрашивался. Таким образом, источник появления и принадлежности данного документа материалами самого уголовного дела не устанавливается. Но его наличие напоминает об обвинении против проходившего по тому же уголовному делу Б. Н. Аладжикова. Он, кроме всего прочего, обвинялся в том, что в 1919 г. являлся сотрудником «ОСВАГ» белой армии, в качестве доказательства чему предъявили письмо на его имя с предложением сотрудничать. Но Б. Н. Аладжиков отрицал сам факт получения такого письма, и доказательств в его получении у следствия не было.

Показательно само ведение следствия по Б. Н. Аладжикову. Он был арестован 4 апреля 1937 г., т. е. гораздо раньше, чем были произведены аресты его «подельников», и совершенно по другим обстоятельствам. Дело по обвинению Б. Н. Аладжикова 10 мая 1937 г. было направлено на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР. 17 июля 1937 г. оно было возвращено на доследование, т. к. обвинение самими материалами дела доказано не было. Вот тогда дело Б. Н. Аладжикова 15 октября 1937 г. и было «приобщено» к другому делу, по которому проходили Ц. Б. Амбалов, А. Г. Тлатов и др., превратив его в участника «Народной партии» и «Осетинской национальной партии» на основании «показаний» арестованных фигурантов дела, различного рода «свидетелей», в том числе тех, кто «показал» о ведении Б. Н. Аладжиковым антисоветских разговоров в камере. Причем, самого арестованного по вопросам о его принадлежности к «контрреволюционной организации» и о ведении им антисоветской деятельности вообще не допрашивали.

А. Г. Тлатов, осужденный в 1930 г. как один из ее «руководителей» «Народной партии», 23 марта 1937 г. был освобожден из мест заключения. После непродолжительной остановки в

Северной Осетии он выехал в Южную Осетию, где проживал в г. Сталинир (Цхинвал) и работал заведующим больницей. Но 25 сентября 1937 г. был вновь арестован. Следствие «установило», что А. Г. Тлатов был завербован в контрреволюционную организацию в 1925 г. Л. Б. Газдановым и являлся ее региональным руководителем по Алагиро-Ардонскому району с конца 1925 по 1930 гг. Занимался вербовкой новых членов организации и вел антисоветскую пропаганду. В 1930 г. он принимал непосредственное участие в работе по организации вооруженного восстания в Осетии, войдя в состав контрреволюционной организации «Народная партия». Свои письма к Ц. Б. Амбалову он писал, склоняя его к контрреволюционной деятельности.

Собственно, «изобличительные показания» арестованных, «свидетелей», письма и т. п. в 1937 г. были и не нужны следствию для преследования А. Г. Тлатова. Он был арестован в порядке печально известного приказа НКВД СССР за № 00447 как судимый в 1930 г. Из самого «Обвинительного заключения» следует, что он фактически был вновь осужден за то же самое, за что был осужден в 1930 г, т. е. за то, что являлся «организатором и руководителем» районной организации «Осетинской национальной партии» с 1925 по 1930 гг.

По одному делу с Ц. Б. Амбаловым и А. Г. Тлатовым проходил и их друг, известный в Осетии деятель культуры и переводчик Б. К. Зангиев. На допросе от 15 ноября 1937 г. он «признался»: «По своим политическим убеждениям я сторонник буржуазно-демократических принципов и поэтому февральскую революцию 1917 года в России я встретил сочувственно, но зато Октябрьскую революцию 1917 года я встретил враждебно, ибо считаю, что частная собственность есть основа человеческой общественной жизни. Исходя из этого, я считал Советскую власть временным явлением и ждал, что на смену Советской власти рано или поздно придет другая власть с буржуазно-демократическими порядками, и установления таких порядков я желал». Б. К. Зангиев также «признался», что свои антисоветские настроения высказывал в кругу знако-

мых, сослуживцев, учащихся старших групп алагирской средней школы, в которой преподавал. В отношении собственной принадлежности к «Осетинской национальной партии», как и Б. Н. Аладжиков, он вообще допрошен не был.

Один из «свидетелей», например, давал никем не подтверждаемые «показания» об антисоветских разговорах Б. К. Зангиева среди учителей. Другой, характеризуя его как контрреволюционера, высказывавшего контрреволюционные взгляды, ссылаясь на слова одного из близких родственников Ц. Б. Амбалова, который не был допрошен. Еще один «свидетель», делая личные выводы, заявлял, что Б. К. Зангиев «явный контрреволюционер, ненавидит Советскую власть и ее порядки». В качестве примера он указывал, что он говорил, что советские учителя работают почти даром, сравнивая товары первой необходимости в дореволюционное время и теперь, говорил, что учителя получают месячный оклад, равный двум-трем рублям царского времени.

Кирилл (Хьыцци) Гутнов на допросе от 31 августа 1937 г. «сознался» в ведении им «шпионско-разведывательной работы в пользу Германии», что выражалось через передачу в 1932-1934 гг. сведений о политических настроениях рабочих, о том, что, «якобы, в связи с переживаемыми трудностями население СССР, в частности СО АССР озлоблено против Советской власти и коммунистической партии». Он также «сознался» в том, что по просьбе своего брата Е. С. Гутнова, владевшего типографией в Берлине, передавал ему в письмах сведения о количестве и адресах типографий в Северной Осетии. Сам он «с целью контр-революционной буржуазно-националистической пропаганды» распространял среди населения Северной Осетии полученные из Берлина произведения на осетинском языке. «Эти произведения печатались по специальному подбору — исключительно к/р буржуазно-националистические, как например, произведения Гулуева, произведения и переводы Цоцко Амбалова».

Сам Ц. Б. Амбалов, согласно «протоколам допросов», «сознался», фактически «пересказывая донесения» спецагентов,

что стремился к объединению Северной и Южной Осетий в целях облегчения борьбы против большевиков-русских. Он, якобы, стремился добиться того, чтобы во главе Северной Осетии стояли осетины, а не пришлые люди других национальностей, стремился к объединению народа, которое, в первую очередь, должно охватить молодежь. Он «показал», что, сразу же после развала контрреволюционной буржуазно-националистической организации «Круг Коста», в 1920 г. им и Лаврентием Газдановым была создана «Осетинская национальная партия». Ее целью было создание буржуазно-демократического государства в Осетии через объединение Северной и Южной Осетий, которое превратит их в «более крупную единицу, и позволит вести активнее борьбу с советской властью». В программу «... входило ослабление хозяйственной мощи Сов. власти путем развала колхозов, организации вредительства в сельском хозяйстве ..., воспитание масс в духе к/р буржуазного-национализма, искусственное прививание ненависти к Сов. власти».

Он также «признал», что письма к нему Г. В. Баева «являются директивными письмами по развертыванию к/р фашистской буржуазно-националистической работы в Северной Осетии. В этих директивных письмах Баев предлагал мне вести к/р фашистскую буржуазно-националистическую пропаганду, вербовать кадры для ведения этой к/р работы в основном из среды националистической интеллигенции, предлагал всячески дискредитировать среди населения Советскую власть и коммунистическую партию, прививать мысль о к/р борьбе с Сов. властью. Баев особенно останавливался в своих директивных письмах на необходимости обработки в к/р духе молодежь, в расчете последующей вербовки на ведение к/р фашистской буржуазно-националистической работы в Северной Осетии. Причем, Баев предлагал в ведении этой к/р работы ориентироваться на германский фашизм».

Ц. Б. Амбалов, по определению следствия являвшийся «кулаком», как и другие его «подельники», «называли» друг друга в составе контрреволюционной организации.

Кроме того, в уголовное дело был подшит «рапорт» начальника РО НКВД Алагиро-Ардонского района И. Б. Кучиева от 14 октября 1937 г. на имя наркома внутренних дел СО АССР С. М. Миркина и «переданный» следователю В. А. Боярскому 27 октября 1937 г., в котором «излагались» следующие «события»:

«Согласно Вашего распоряжения от 10/X-1937 г. мною был арестован г-н сел. Ардон Амбалов Цоцко. При отправке из сел Ардон в ДПЗ гор. Орджоникидзе, по дороге между Алагиром и Ардоном, Амбалов Цоцко пытался спрыгнуть с автомашины и когда мной он был предупрежден о том, что при побеге будут к нему другие меры, он бросился на секретаря РО НКВД т. Карацева, рядом сидящего с ним, и стал душить его, в это время я стал его оттаскивать и Амбалов Цоцко бросился ко мне и нанес мне удар по груди, заявляя, что он «умирает за осетинский народ и он живым себя не даст в руки фашистского террора». Одновременно пытался выхватить оружие у меня, но это Амбалову не удалось и после неудачи захватить оружие, с криком заявил: «Тревога, фашисты меня душат, мирного жителя, который за осетинский народ проливал кровь и будет проливать до последнего часа за свой любимый народ».

После чего, когда он узнал, что ему побег не удастся, он начал биться головой об стенку машины, одновременно заявляя, что он живым не доедет, ибо его напрасно терроризируют и хотят угробить старого революционера, который боролся против царского строя, а сейчас молокососы, которые захватили руководящие посты, без головы и мучают народ».

В дело также были подшиты 2 «медицинские справки» от 19 октября 1937 г. об осмотре «пострадавших конвоиров» и «собственноручное заявление» Ц. Б. Амбалова от 26 ноября 1937 г., в котором он, якобы, выражает желание дать чистосердечные признательные показания.

7 декабря 1937 г. было составлено «Обвинительное заключение»:

«Обвиняемые по настоящему делу Зангиев Б. К., Дзасохов М. Т., Амбалов Ц. Б., Дулаев К. К., Гутнов К. С., Кцоев Б. В., Тлатов А. Г., Фардзинов Х. У., Аладжиков Б. Н. являются членами к-р буржуазно-националист. шпионско-повстанч. вредительской организации, организованной в 1920 г. обвиняемыми по настоящему делу Амбаловым Цоцко и ныне умершим врачом Газдановым Лаврентием.

Члены к-р организации именуемой «Осетинская национальная партия» вели широкую вербовку среди кулацко-белогвардейских элементов Сев. Осетии к-р повстанческих кадров для борьбы с Советской властью.

Члены к-р организации Гутнов К. С. и Амбалов Ц. Б. вели шпионско-развед. работу в пользу фашистской Германии.

Обвиняемые Зангиев Б. К. и Тлатов А. Г. являлись руководителями районной организации «Осетинской национальной партии», первый с 1930 г. по момент ареста, второй с 1925 г. по 1930 г.

Обвиняемые Дзасохов М. Т., Дулаев К. К., Кцоев Б. В., Фардзинов Х. У., Аладжиков Б. Н. вели среди населения Северо-Осетинской АССР повстанч. пропаганду, призывали к вооруженной борьбе против Сов. власти.

ПОСТАНОВИЛ:

След. дело по обвинению выше перечисленных направить на рассмотрение Тройки НКВД СО АССР».

В тот же день решением Тройки НКВД СО АССР все обвиняемые были приговорены к расстрелу, о чем свидетельствует выписка из протокола № 16 заседания Тройки НКВД Северо-Осетинской АССР по «делу 4 отдела НКВД СОАССР № 666», подписанная секретарем Тройки О. Славиной. В данной выписке обвинения против Ц. Б. Амбалова сформулированы следующим образом:

«Обвиняется в том, что являлся организатором к-р буржуазно-националистической шпионской повстанческой организации. Вел шпионскую разведывательную работу в пользу фашистской Германии».

Выписка из протокола № 16

ЗАСЕДАНИЯ ТРОЙКИ НКВД СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР

от 7 декабря 1937 года

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
92. Дело 4. отдела НКВД ССАСР № 666 по обвинению:	
101) АМБАЛОВА Цоцко Бицоевича, 1870 года рождения, б/кулака.	АМБАЛОВА Цоцко Бицоевича -
Обвиняется в том, что являлся организатором к-р буржуазно-националистической шпионской повстанческой организации. Вел шпионскую, разведывательную работу в пользу фашистской Германии.	РАССТРЕЛЯТЬ.
102) ПЛАТОВА Агубе, он-че Александр, Гавриловича, 1872 г. рождения, б/тагаурский алдар, б/активный участник к-р повстанческой организации "Народная партия", возвратился из ссылки в 1932 г.	ПЛАТОВА Агубе, он-че Александр, Гавриловича -
Обвиняется в том, что являлся районным руководителем к-р буржуазно-националистической прохонско-повстанческой организацией, вел вербовочную работу в данную к-р организацию. Руководил вредительско-разложеческой работой.	РАССТРЕЛЯТЬ.
03) ЗАНГИЕВА Бабу Касаевича, 1869 г. рождения, бывший кулак.	ЗАНГИЕВА Бабу Касаевича -
Обвиняется в том, что являлся членом к-р буржуазно-националистической шпионской повстанческой организации, вел вербовку, организовывал вредительскую работу районной к-р организации.	РАССТРЕЛЯТЬ.

СЕКРЕТАРЬ ТРОЙКИ НКВД ССАСР

(Славича)

В уголовном деле представлена и «Выписка из акта»:
 «Постановление Тройки НКВД Северо-Осетинской АССР от 7. XII м-ца 1937 года о расстреле Амбалова Цоцко Бицоевича приведено в исполнение 9. XII. 1937 года в 20 часов.
 (Подпись)».

Сегодня у нас есть основания полагать, что дело об «Осетинской национальной партии» было сфальсифицировано

следственными органами НКВД. Отсутствие точных сведений о самом моменте гибели Цоцко Амбалова порождало и до сих пор порождает различные предположения. З. Кулаева, племянница Ц. Б. Амбалова, в частном письме отмечала: «Через сотое лицо до нас дошли слухи, что его убили в камере, когда отказался подписывать протокол в том же 1937 г.».²³⁶ По сведениям Б. А. Калоева, возможно, полученным через В. И. Абаева, «в тюрьме он не выдержал, покончил с собой, разбив голову об стенку».²³⁷ Появляются и другие «свидетельства».²³⁸

О реальной же судьбе Ц. Б. Амбалова, видимо, упоминал следователь НКВД СО АССР И. Б. Кучиев (арестован в 1939 г., приговорен к расстрелу в 1940 г.), хотя в публикации его свидетельства явно допущено искажение фамилии Ц. Б. Амбалова:

«Видел в кабинете Боярского поэта Алибалова со связанными руками, он был избит, лицо в крови. Боярский требовал от него признательных показаний. Алибалов так и умер в кабинете Боярского, но он доложил его дело на «тройке», как о живом. Было принято решение применить к нему ВМН, составили акт о расстреле, тогда как он давно умер...».²³⁹

В связи с начавшимся впоследствии процессом реабилитации жертв незаконных политических репрессий, было рассмотрено и архивно-следственное дело по обвинению девяти «участников» «Осетинской национальной партии». Старшим следователем следотдела КГБ при Совете Министров СО АССР по итогам данного рассмотрения 21 декабря 1954 г. было оформлено «Заключение». Но, видимо, отсутствие руководящих разъяснений и опыта по проверке таких дел привело к тому, что основная часть «Заключения» получила форму обзорной справки по материалам архивного уголовного дела. В результате все надуманные обвинения против восьмерых фигурантов дела и решение Тройки НКВД были признаны справедливыми. Реабилитирован был только Б. В. Кцоев.

24 ноября 1955 г. по протесту прокурора СО АССР Президиум Верховного суда СО АССР вновь рассмотрел дело и своим постановлением отменил постановление Тройки от 7

декабря 1937 г. в отношении осужденных и дело о них производством прекратил. Однако в нарушение ст. 412 УПК РСФСР Президиум Верховного суда СО АССР в отношении осужденных Ц. Б. Амбалова, А. Г. Тлатова и Б. К. Зангиева дело в реви-зионном порядке не рассмотрел и своего мнения по вопросу обоснованности их осуждения не определил.

12 января 1958 г. Е. А. Амбалова подала заявление на имя прокурора РСФСР с просьбой о реабилитации ее родного дяди Ц. Б. Амбалова. В заявлении указывалось, что ей до сих пор не известна судьба ее родственника, а на ее заявление в Прокуратуру СО АССР она получила отказ в реабилитации без объяснения причин отказа. В связи с указанным положением заместителем прокурора РСФСР был подан протест (в порядке надзора) в Судебную Коллегию по уголовным делам Верховного Суда РСФСР.

В протесте отмечалось, что Ц. Б. Амбалов, А. Г. Тлатов и Б. К. Зангиев, согласно обвинительному заключению, были признаны виновными в том, что являлись членами буржуазно-националистической организации, вели вербовку кадров для борьбы с советской властью. Кроме того, Ц. Б. Амбалов был признан виновным в том, что вел шпионско-разведывательную работу в пользу фашистской Германии.

Однако в процессе предварительного следствия не было добыто никаких данных, подтверждающих практическую деятельность такой организации. Согласно справке из архивного отдела МВД СО АССР от 18-26 марта 1958 г. за № 28/31, указанной организации на территории СО АССР с 1920 по 1937 гг. не существовало, что подтверждено и материалами дополнительной проверки, проведенной в 1955 г. Таким образом, предъявленное обвинение Ц. Б. Амбалову, А. Г. Тлатову и Б. К. Зангиеву является неосновательным и явно вымышленным. Антисоветская агитация по обвинительному заключению и постановлению Тройки осужденным не вменялась.

Признание, например, Б. К. Зангиевым собственных антисоветских высказываний были неконкретным, никем из сви-

КОПИЯ.

РСФСР
ВЕРХОВНЫЙ СУД

С П Р А В К А.

28 мая 1958 г.

№ ОСВ-391
г. Москва, К-12, ул.
Кульбишева, д. 3/7

Выдана в том, что Постановление Тройки НКВД Северо-Осетинской АССР от 7 декабря 1937 года в отношении АМБАЛОВА ЦОЦКО ВИШОЕВИЧА, 1870 года рождения, определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 20 мая 1958 г. отменено с прекращением дела производством за недоказанность предъявленного обвинения.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР - ПОДПИСЬ /Ф. ТОКАРЕВ/

печать

28 мая 1958 г. я, Светлана нотариус
Мариам Ситиди государственной
нотариальной конторы, свидетельствую верность этой копии
с подлинным. За исключением копии с поличного, в
последней изобразительных, вычеркнутых слов и других
особенностей не обнаружено.
Взыскано госпошлины 2 руб. По реестру № 14449

детелей не подтверждались. Показания одного из свидетелей о контрреволюционных настроениях Б. К. Зангиева обосновались им получением информации от третьего лица, которое, тем не менее, не было допрошено. Все другие свидетели, будучи передопрошенными в 1958 г., характеризовали Б. К. Зангиева с положительной стороны. В переписке Ц. Б. Амбалова не содержится ни контрреволюционной агитации, ни директивных указаний. Показания против него свидетелей неконкретны...

Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев 20 мая 1958 г. в судебном заседании протест заместителя прокурора РСФСР, нашла протест обоснован-

ным и подлежащим удовлетворению. «Коллегия определила: Постановление тройки НКВД СО АССР от 7 декабря 1937 г. в отношении Ц. Б. Амбалова, Б. К. Зангиева, А. Г. Тлатова отменить, и дело о них производством прекратить за недоказанностью обвинения».

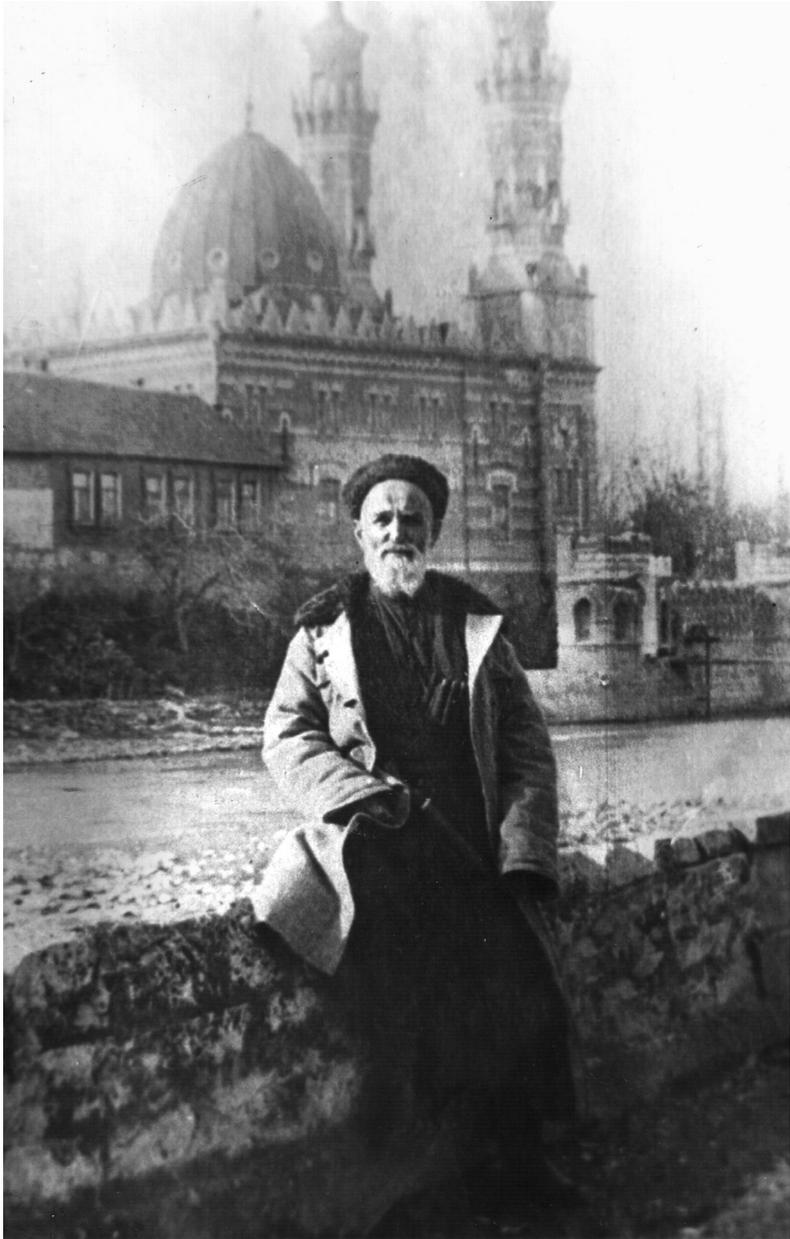
28 мая 1958 г. была составлена справка о прекращении определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР дела в отношении Амбалова Цоцко Бицоевича за недоказанностью предъявленного обвинения. Справка о реабилитации Ц. Б. Амбалова по письму его родственников от 5 августа 1992 г. была направлена в Министерство безопасности СО АССР, что подтверждается «Заключением» в отношении Ц. Б. Амбалова от 4 сентября 1992 г.

27 июня 1958 г. Е. А. Амбалова писала В. И. Абаеву:
«Василий Иванович!

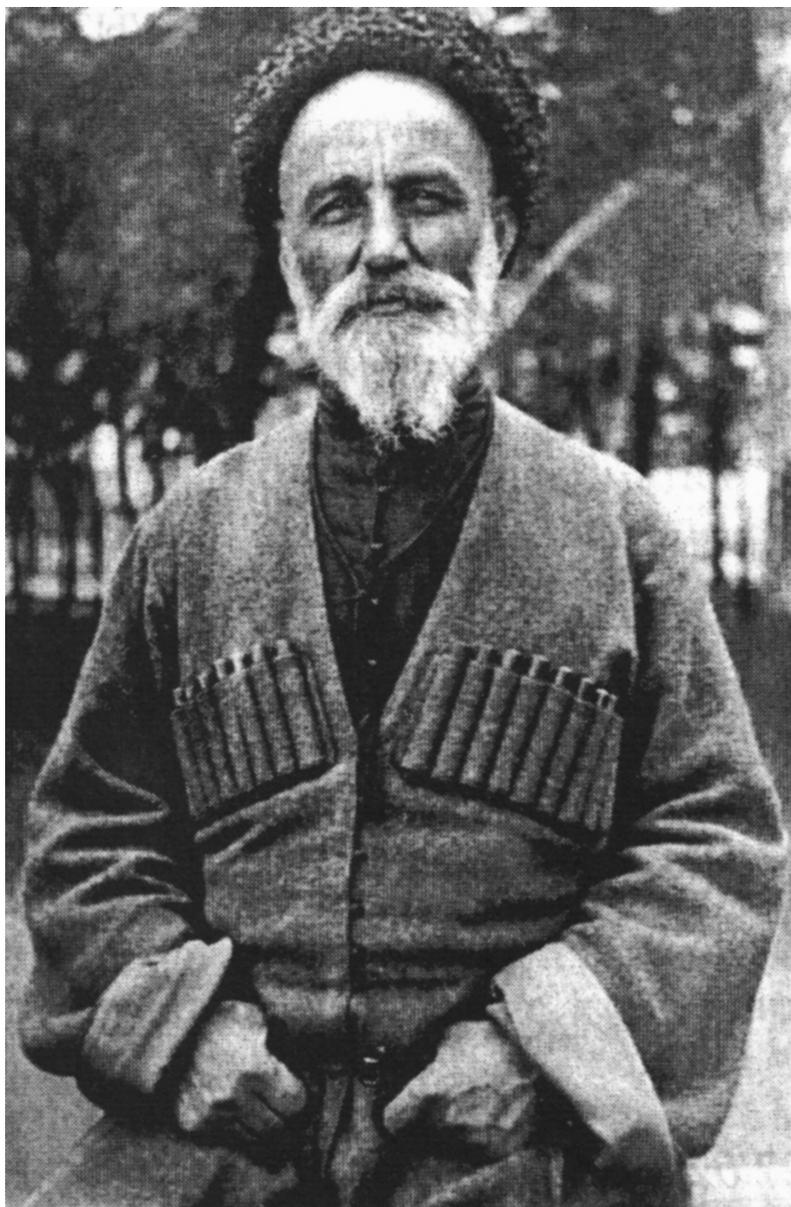
Извините за беспокойство, но написать Вам я должна была по поручению Научно-Исследов. Института СО АССР. Дело в том, что хорошо Вам знакомый, мой дядя, Цоцко Амбалов после 20 лет после его ареста, реабилитирован, так же как и остальные, о чем получила извещение, только 29/V с/г. Наш научно-исслед. ин-тут кое-что имеет из его работ, некоторые его рукописи, о нартовских сказаниях со статьей Бекоева, обращались к нам, но 9/X 37 г. его богатая библиотека была у нас вывезена, и ничего у нас не сохранилось, а поэтому, очень Вас прошу, если только можно, что-либо восстановить из его трудов с Вашей помощью, в этом мне не отказать, что можно для этого сделать.

С уважением Е. Амбалова».

Многое из рукописных трудов и изданий Ц. Б. Амбалова, составляющих «золотой фонд» осетинских фольклористики и литературы, сохранилось в архиве и библиотеке института. Они пополнялись и еще будут пополняться. Но главное, что для Осетии было навечно сохранено имя ее великого сына...

Примечания

- ¹ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 286. Л. 11, 17; Ф. 12. Оп. 5. Д. 371. Л. 31.
- ² ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 298. Л. 20.
- ³ ЦГА РСО-А. Ф. 150. Оп. 1. Д. 154. Л. 84.
- ⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 150. Оп. 1. Д. 63. Л. 4, 7, 11, 23, 27, 31, 35.
- ⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 150. Оп. 1. Д. 16. Л. 22об., 29.
- ⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 150. Оп. 1. Д. 154. Л. 82.
- ⁷ Æмбалты Додтан. Хорз лæг адæмæн æхсæны у (Мæ мысинæгтæ Цоцкойы тыххæй) // Мах дуг. 1978. № 1. Ф. 90.
- ⁸ НА СОИГСИ. Ф. Хетагурова К. Л. Оп. 1. Д. 55. П. 5; Коста Хетагуров. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1961. Т. V. С. 274.
- ⁹ Кусов Г. И. Вокруг Коста. Орджоникидзе, 1979. С. 255-256; Christensen Arthur. Textes Ossètes. København, 1921. P. 48, 60.
- ¹⁰ Он счастья не знал... Коста 150 лет. Владикавказ, 2009. С. 221.
- ¹¹ Хаханов Д. С. Осетинские народные песни на стихи Коста Хетагурова // Вопросы осетинского советского искусства. Орджоникидзе, 1981. Т. XXXVIII. С. 84-85.
- ¹² НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 5. Л. 18; Кочоцты Арсен. Хетæгкаты Костажу тыххæй (Мысинæгтæ) // Мах Дуг. Marthi-Aprel, 3-4. F. 39.
- ¹³ Баситы М. Дыууæ фембæлды хуры тынтимæ // Мах дуг. 1986. № 1. Ф. 62.
- ¹⁴ НА СОИГСИ. Ф. Хетагурова К. Л. Оп. 1. Д. 55. П. 5. Письмо 2; Д. 59. П. 9. Письмо 1; Коста Хетагуров. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1961. Т. V. С. 128, 135.
- ¹⁵ НА СОИГСИ. Ф. Гуриева М. Н. Оп. 1. Д. 13.
- ¹⁶ Коста Хетагуров. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1961. Т. V. С. 35-36.
- ¹⁷ НА СОИГСИ. Ф. Хетагурова К. Л. Оп. 1. Д. 57. П. 7. Письмо 8.
- ¹⁸ Коста Хетагуров. Критико-биографический очерк. Стихотворения, Письма и воспоминания, Документы к биографии, Портреты. Ростов на Дону, 1909.
- ¹⁹ НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. Оп. 1. Д. 56. П. 6. Л. 99.
- ²⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 35. Д. 823; НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 67 «а». Л. 222-242.
- ²¹ Личный состав Кавказского Учебного Округа к 1 января 1902 [без выходных данных]. С. 221.

²² Гаппо. Ирон библиография // Ног Цард, 26 сен. 1920 аз. № 12. Ф. 3; Кўрдалагон. Ёмбалтв Цоцко // Ног Цард, 3 окт. 1920 аз. № 13. Ф. 4; Плиев Хадо. Воспоминания о Ц. Амбалове // Архив Музея осетинской литературы им. К.Л. Хетагурова; Фыссæг Плиты Хадойы мысынæгтæй // Ёмбалты Цоцко. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу, 2009. Ф. 462.

²³ НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. Д. 64. П. 30₁. Л. 71; Калоев Б.А. Осетины Восточной Осетии и районов Грузии. М., 2012. С. 152.

²⁴ Калоев Б.А. В. Ф. Миллер — кавказовед. Орджоникидзе, 1963. С. 41-42; Хамицаева Т.А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973. С. 11-12.

²⁵ Цаголов Г. Интеллигенция и деревня // Казбекъ. 24 мая 1902 г. № 1601 // НА СОИГСИ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 48.

²⁶ Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке (1863-1917 гг.). Орджоникидзе, 1966. С. 25.

²⁷ НА СОИГСИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 51. Л. 159.

²⁸ Периодическая печать Кавказа об Осетии и Осетинах. Цхинвали, 1978. Т. I. С. 79.

²⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 122. Л. 15.

³⁰ Туганов Энвер. О близких друзьях отца // Махарбек Туганов. К 105-летию со дня рождения. Цхинвали, 1986. С. 71-72.

³¹ Кўрдалагон. Ёмбалтв Цоцко // Ног Цард, 3 окт. 1920 аз. № 13. Ф. 4; Калоев Б.А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. С. 31, сн. 1; Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 367, 369; Калоев Б.А. Из дневника кавказоведа. I. Начало пути // ЭО. 2000. № 4. С. 122-123; Калоев Б.А. Записки кавказоведа. Владикавказ, 2002. С. 14-15, 149-150.

³² ЦГА РСО-А. Ф. 150. Оп. 1. Д. 114. Л. 123об., 126.

³³ Ёмбалты Додтан. Ног хъæуицау // Мах дуг. 1980. № 7; Ёмбалты Додтан. Ёнустæм цæрæццаг // Мах дуг. 1983. № 3.

³⁴ НА СОИГСИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3. Л. 3; Д. 11. Л. 208, 209; Д. 56. Л. 58-60; Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 16; Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т. V. С. 176; Революция 1905-1907 гг. на Тереке: Документы и материалы. Орджоникидзе, 1980. Т. 1. С. 116-118.

³⁵ НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73; Ф. 19. Оп. 1. Д. 83. Л. 195.

- ³⁶ НА СОИГСИ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.
- ³⁷ НА СОИГСИ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 155.
- ³⁸ НА СОИГСИ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 92.
- ³⁹ НА СОИГСИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 12. Л. 83; Революция 1905-1907 гг. на Тереке: Документы и материалы. Орджоникидзе, 1986. Т. 2. С. 41.
- ⁴⁰ НА СОИГСИ. Ф. 16 (лит). Оп. 1. Д. 59. Л. 8; Цомак. Первая осетинская газета. (По личным воспоминаниям) // Горский вестник. 1924. № 2. С. 67, 68, 69; Джусойты Нафи. Цомак Гадиев. Очерк жизни и творчества. Орджоникидзе, 1965. С. 7-8.
- ⁴¹ Гадиев Ц. Осетинские газеты (Библиографическая заметка) // Сборник Научного Общества Этнографии, Языка и Литературы при Горском Педагогическом Институте. Владикавказ, 1929. Т. I. С. 143-144.
- ⁴² Цабаты Васо. Фыццаг ирон газет (Йæ рацыды 60 азы бонмæ) // Мах дуг. 1966. № 9. Ф. 89-90; Хоруев Ю. В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971. С. 172.
- ⁴³ Хоруев Ю. В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке (1863-1917 гг.). Орджоникидзе, 1966. С. 108; Зангиев Д. В. К истории книгоиздания в Северной Осетии // ИСОНИИ. 1966. Т. XXVI (литература). С. 83.
- ⁴⁴ Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2002. С. 137; Атаев О. Ю. Гражданская инициатива передовой общественности Осетии во второй половине XIX-начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Владикавказ, 2011. С. 86-87; НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 515. Л. 208-209.
- ⁴⁵ Хоруев Ю. В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971. С. 182.
- ⁴⁶ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Л. 14об.; ЦГА РСО-А. Ф. 150. Оп. 1. Д. 136. Л. 46, 49.
- ⁴⁷ Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2002. С. 160; НА СОИГСИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 51. Л. 242.
- ⁴⁸ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54. Л. 5.
- ⁴⁹ Лолаева М. Ю. Научно-просветительская и педагогическая деятельность Ц. Амбалова: Дисс. ... канд. пед. наук. 13.00.01. Владикавказ, 2010. С. 33.
- ⁵⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 203. Л. 1-17.
- ⁵¹ Отчет Правления Владикавказского Осетинского издательско-

го О-ва «Ир» за 1912 г. Владикавказ, 1913. С. 7.

⁵² Домашний архив А. Д. Туаллагова.

⁵³ Периодическая печать Кавказа об Осетии и Осетинах. Цхинвал, 1991. Т. V. С. 237.

⁵⁴ Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов. Нальчик, 2007. С. 380; Канукова З. В. Женское пространство в пореформенной Осетии // Кавказский сборник. 2008. Т. № 5 (37). С. 294-295.

⁵⁵ Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2002. С. 132; Дзалаева К. Р. Социокультурная адаптация владикавказских осетин (вторая половина XIX-начало XX вв.) // Б. А. Калоев и проблемы современного кавказоведения. Владикавказ, 2006. С. 262; Атаев О. Ю. Гражданская инициатива передовой общественности Осетии во второй половине XIX-начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Владикавказ, 2011. С. 74; Лолаева М. Ю. Научно-просветительская и педагогическая деятельность Ц. Амбалова: Дисс. ... канд. пед. наук. 13.00.01. Владикавказ, 2010. С. 76.

⁵⁶ Кўрдалагон. Ёмбалтв Цоцко // Ног Цард. 3 окт. 1920 аз. № 13. Ф. 4; Лолаева М. Ю. Научно-просветительская и педагогическая деятельность Ц. Амбалова: Дисс. ... канд. пед. наук. 13.00.01. Владикавказ, 2010. С. 76-77.

⁵⁷ Нæ бæств хабартæ // Ирон Газет. Иун 10 бон 1917 аз. № 7. Ф. 4.

⁵⁸ Цоцко. Qæутæј // Ирон Газет. Август 12 бон 1917 аз. № 16. Ф. 2-3; Август 19 бон 1917 аз. № 17. Ф. 3; Джыккайты Шамил. Ирон литератураы истори (1917-1956 азтæ). Дзæуджыхъæу, 2003. Ф. 11, 24-25.

⁵⁹ НА СОИГСИ. Ф. 15 (лит.). Оп. 1. Д. 106-109; Д. 52. Л. 164-165; Джусойты Нафи. Елбасдуко Бритаев (Очерк жизни и творчества). Цхинвали, 1963. С. 136-141, 207.

⁶⁰ НА СОИГСИ. Ф. 15 (лит.). Оп. 1. Д. 28.

⁶¹ Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973. С. 15; Джыккайты Шамил. Разагъды лæгтæ: Сфæлдыстадон сурæттæ: Арсен. Елбыздыхъо. Цомахъ. Гино. Гаппо. Дзæуджыхъæу, 1999. Ф. 92; Джыккайты Шамил. Ирон литератураы истори (1917-1956 азтæ). Дзæуджыхъæу, 2003. Ф. 56-57.

⁶² Он счастья не знал ... Коста 150 лет. Владикавказ, 2009. С. 105.

⁶³ НА СОИГСИ. Ф. 10 (лит.). Оп. 1. Д. 9, 10.

- ⁶⁴ НА СОИГСИ. Ф. 10 (лит). Оп. 1. Д. 17.
- ⁶⁵ НА СОИГСИ. Ф. 10 (лит). Оп. 1. Д. 13.
- ⁶⁶ Рклицкі М. Ирвстонв қәутв // Рәстдзінад. 9 мај 1924 аз. № 7 (33). Ф. 3; 10 мај 1924 аз. № 8 (34). Ф. 3-4.
- ⁶⁷ Домашний архив А. Д. Туаллагова.
- ⁶⁸ НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 67. Л. 5.
- ⁶⁹ Ёүнәг. Цв фәрәдвд «Ног Цард»? // Ног Цард. Сентіабврв 6-м бон, 1907 аз. № 50. Ф. 3.
- ⁷⁰ Сідәјнаг. Цәгатв Ир әмә «Зонд» // Ног Цард. Октябврв 11-м бон, 1907 аз. № 60. Ф. 3-4.
- ⁷¹ Дзәјджв-қәјтқаг. «Ног Цардв» тох Цәгатв Ірімә» // Ног Цард. Ноіабврв 8-м бон, 1907 аз. № 67. Ф. 3.
- ⁷² Бәхтәјв фврт. Ирон літәратурә // Хабар. 24 февралә 1909 г. № 1. Ф. 2.
- ⁷³ НА СОИГСИ. Ф. 30 (лит). Оп. 1. Д. 6. Ф. 7-8.
- ⁷⁴ Фидиуәг. 1976. № 1. Ф. 78-79.
- ⁷⁵ Бекоев Г. Г. Литературно-критические статьи. Цхинвали, 1982. С. 119-120.
- ⁷⁶ НА СОИГСИ. Ф. 30 (лит). Оп. 1. Д. 13. Л. 6 об.
- ⁷⁷ Периодическая печать Кавказа об Осетии и Осетинах. Цхинвал, 1991. Т. V. С. 371.
- ⁷⁸ НА СОИГСИ. Ф. 15 (лит). Оп. 1. Д. 108; Д. 52. Л. 160-162.
- ⁷⁹ НА СОИГСИ. Ф. 15 (лит). Оп. 1. Д. 114. Л. 35; Дзаттиаты Г. П. Александр Тибилов и вопросы осетинской литературной критики (историко-филологическое исследование). Цхинвали, 1985. С. 221-222.
- ⁸⁰ НА СОИГСИ. Ф. 13 (лит). Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
- ⁸¹ Семенов Л. П. Лермонтов у европейских и восточных народов // Проблемы литературы и эстетики. Сборник статей, посвященный памяти профессора Л. П. Семенова. Орджоникидзе, 1976. С. 29.
- ⁸² Д. Новая книжка на осетинском языке // Терские ведомости. 23 августа 1915 г. № 181. С. 2.
- ⁸³ НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 67. Л. 20-22; Д. 193. Л. 20-22.
- ⁸⁴ Әвзong Тух. Мају 5-әм бон 1928 аз. № 16 (63). Ф. 2.
- ⁸⁵ Труды I-го Всеосетинского Учительского Съезда, состоявшегося в г. Владикавказе с 10 по 16 июля 1917 года. Типография Союза Объедин. Горцев. С. 1, 11; Кочисов В. К. Актуальные вопросы разви-

тия образования и педагогической мысли Осетии: история, теория, практика. Владикавказ, 1997. С. 154.

⁸⁶ Ирон Газет. Апрель 26 бон 1917 аз. № 1. Ф. 2; Джыккайты Шамил. Ирон литературайы истори (1917-1956 азтæ). Дзæуджыхъæу, 2003. Ф. 9.

⁸⁷ НА СОИГСИ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3. Л. 25; Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 67. Л. 17-18; Д. 193. Л. 17-18; Бутаев К. С. Избранное. Владикавказ, 2003. С. 31.

⁸⁸ Хачиров А. Формирование осетинской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964. С. 71.

⁸⁹ Гадиев Цомак, Амбалов Цоцко, Гуриев Гагудз. Письмо в редакцию // Горская Жизнь. 1 ноября 1917 г. № 27. С. 3.

⁹⁰ Бекоев Г. Осетинское Историко-Филологическое Общество (Первое научное учреждение среди горцев) // Краеведение на Кавказе. 1924. № 1. С. 26-27; Дзагуров Д. А. Северо-Осетинская Автономная Область (Из деятельности Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения за три года существования 1925-1928 г.) // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1-2. С. 124.

⁹¹ Цоцко. Ирæд // Ирон Газет. Июл 1 бон 1917 аз. № 16. Ф. 2-3; Июл 8 бон 1917 аз. № 11. Ф. 3; Джыккайты Шамил. Ирон литературайы истори (1917-1956 азтæ). Дзæуджыхъæу, 2003. Ф. 10-11.

⁹² «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана. Вступительная статья С. М. Исхакова // ВИ. 2001. № 5. С. 23-24.

⁹³ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 3.

⁹⁴ НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 67. Л. 23-24; Д. 193. Л. 23-24.

⁹⁵ НА СОИГСИ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 12. Л. 40-41; Созаев Т. В. Об отдельных моментах работы партии «Кермен» // Гражданская война в Северной Осетии. По воспоминаниям участников. К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Орджоникидзе, 1965. С. 105.

⁹⁶ НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 67. Л. 19; Д. 193. Л. 19.

⁹⁷ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 348.

⁹⁸ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 347. Л. 13 об., 14, 14 об., 21 об.,

22, 44 об., 50 об, 59, 67, 86.

⁹⁹ Домашний архив А. Д. Туаллагова.

¹⁰⁰ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 18, 23, 25; ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 78. Л. 22.

¹⁰¹ Кусов Г.И. Вокруг Коста. Орджоникидзе, 1979. С. 172.

¹⁰² Кўрдалагон. Ёмбалтн Цоцко // Ног Цард. 3 окт. 1920 аз. № 13. Ф. 4; Джыккайтн Шамил. Разагъды лагтае: Сфæлдыстадон сурæттæ: Арсен. Елбыздыхъо. Цомахъ. Гино. Гаппо. Дзæуджыхъæу, 1999. Ф. 385; Джыккайтн Шамил. Ирон литературæйы истори (1917-1956 азтæ). Дзæуджыхъæу, 2003. Ф. 18.

¹⁰³ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 15. Л. 3; Ф. 21. Оп. 1. Д. 478. Л. 3; Алборов Б. А. Правда об Осетинском Историко-Филологическом Обществе // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2007. № 6.

¹⁰⁴ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 15. Л. 3; Ф. 21. Оп. 1. Д. 208. Л. 19-20; Д. 483. Л. 16.

¹⁰⁵ Алборов Б. А. Правда об Осетинском Историко-Филологическом Обществе // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2007. № 6. С. 77.

¹⁰⁶ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 5 об., 8, 12.

¹⁰⁷ НА СОИГСИ. Ф. 10 (лит.). Оп. 1. Д. 21.

¹⁰⁸ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Д. 4. Л. 57; Д. 5. Л. 84; Ф. 22. Оп. 1. Д. 6. Л. 358.

¹⁰⁹ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 10; Д. 5. Л. 95.

¹¹⁰ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 25; ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 78. Л. 22.

¹¹¹ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 33; ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 72. Л. 63.

¹¹² НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 37.

¹¹³ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 5. Л. 177.

¹¹⁴ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

¹¹⁵ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

¹¹⁶ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

¹¹⁷ ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 78. Л. 22.

¹¹⁸ ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 77. Л. 83 об.

¹¹⁹ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 9; Д. 5. Л. 91; Бекоев Г. Осетинское Историко-Филологическое Общество (Первое научное учреждение среди горцев) // Краеведение на Кавказе. 1924. № 1. С. 27.

- ¹²⁰ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 20; Д. 5. Л. 106.
- ¹²¹ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 23, 25.
- ¹²² НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 80.
- ¹²³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 78. Л. 58-60.
- ¹²⁴ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 83, 84; ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 78. Л. 62.
- ¹²⁵ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 87, 88, 90; Д. 5. Л. 111-112; Д. 6. Л. 100, 123; ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 78. Л. 65-66.
- ¹²⁶ ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 71. Л. 106.
- ¹²⁷ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 122.
- ¹²⁸ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 98; ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 78. Л. 75-76; Хаамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973. С. 23-24.
- ¹²⁹ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 153.
- ¹³⁰ Знаур Алхазтв. Ирон Историко-Филологон Қорду кўст // Рæстдзинад, 7 марті 1924 аз. № 4 (30). Ф. 2.
- ¹³¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.
- ¹³² НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 203.
- ¹³³ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 233, 234.
- ¹³⁴ НА СОИГСИ. 15 (лит.). Оп. 1. Д. 44. Л. 1-2.
- ¹³⁵ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 5. Л. 115; ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 78. Л. 13, 79.
- ¹³⁶ Цаголов Г. М. К вопросу об осетинском стихосложении // ИОНИИК. Владикавказ, июнь 1925. Вып. I. С. 118.
- ¹³⁷ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 250, 251, 283; Хъаныхъуаты Савели. Рагон къамтае дзурынц // Рæстдзинад, 11 апрель 1996 азы. № 69 (19251). Ф. 2.
- ¹³⁸ НА СОИГСИ. Ф. 19 (лит.). Оп. 1. Д. 208; Ф. Фольклор. Оп. 1. Д. 30¹⁻¹⁵. П. 73.
- ¹³⁹ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10. Л. 4, 16 об.; Д. 12. Л. 16.
- ¹⁴⁰ НА СОИГСИ. Ф. 15 (лингв.). Оп. 1. Д. 64; Д. 114. Л. 35.
- ¹⁴¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 178. Л. 189-192.
- ¹⁴² Учредительный съезд Горских Краеведческих Организаций Кавказа. Махач-Кала, 1924. С. 5, 16, 36; Учредительный Съезд Северо-Кавказской Горской Краеведческой Ассоциации // Краеведение на Кавказе. 1924. № 1. С. 84.
- ¹⁴³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 72. Л. 76 об.
- ¹⁴⁴ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 107; Д. 6. Л. 232; Беко-

ев Г. Осетинское Историко-Филологическое Общество (Первое научное учреждение среди горцев) // Краеведение на Кавказе. 1924. № 1. С. 28.

¹⁴⁵ НА СОИГСИ. Ф. 16 (лит.). Оп. 1. Д. 84; Гадиев Ц. Прекрасное начало. К переводу «Вильгельма Телля» на осетинский язык // Горский вестник. 1924. № 2. С. 64, 65; Джусойты Нафи. Цомак Гадиев. Очерк жизни и творчества. Орджоникидзе, 1965. С. 142, 152-153.

¹⁴⁶ Цомаф. «Вилгелм Телл» Силлер Фридрих фонст. Раивта жæ Цоцко Æмбалтв. Джиппв жæ рауафта Гутнатв Елбвздуво // Рæстдзинад. 2 Iун 1924 аз. № 8 (34). Ф. 2; Джыккайты Шамил. Ирон литературæйы истори (1917-1956 азтæ). Дзæуджыхъæу, 2003. Ф. 447.

¹⁴⁷ НА СОИГСИ. Ф. 10 (лит.). Оп. 1. Д. 7. Л. 1-2.

¹⁴⁸ Гулаев Андрей. Г. Коцоев. «Radzyrdtæ» (Рассказы). Цхинвал, 1924 г., стр. 80. Изд. Наркомпроса Юго-Осетии // ИОНИИК. Владикавказ, июнь 1925. Вып. I. С. 519.

¹⁴⁹ НА СОИГСИ. Ф. 10 (лит.). Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

¹⁵⁰ Guriaty G. Rajdajæn činyg. Duuæ-xæjon. Dzæudžyqæu, 1924. X. 2. Ф. 3.

¹⁵¹ M. Dz. Korolenko. — «Makhary fyn» Æmbalty Coccojy ivd. Gutnaty E. rauahd. Berlin 1925 az. 46 farsy. Arh somyrdtæg // Ziu. Iron aiv literæтуры æmæ æxsæny cardy æmbyrdgond. Fyddzag činyg. Mæsku, 1925. F. 115-116.

¹⁵² Г. Б. V. G. Korolenko. Makhary fyn. Činyg rajvæg Æmbalty Cocco. Berlin 1925 az // ИОНИИК. Владикавказ, июнь 1925. Вып. I. С. 518.

¹⁵³ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7. Л. 3; Д. 12. Л. 51.

¹⁵⁴ НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Д. 30₁₁. П. 73. Л. 1-3; Бековев Г. Цоцко Амбалов, как собиратель памятников осетинского народного творчества // Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1928. Вып. 3. С. 1-2.

¹⁵⁵ Хадарцева А. А. Становление и развитие осетинского литературоведения // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ, 1995. С. 86.

¹⁵⁶ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 12. Л. 49, 50; Д. 43. Л. 20, 21.

¹⁵⁷ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10. Л. 60 об.

¹⁵⁸ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10. Л. 76 об.

¹⁵⁹ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10. Л. 54; Д. 16. Л. 5 об.; Д. 35. Л. 64, 65, 92; Д. 38, л. 2, 6, 10, 14, 18, 24, 28, 29, 36.

¹⁶⁰ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 33. Л. 56.

¹⁶¹ Историко-филологический архив. Владикавказ, 2007. № 6. С. 46-47.

¹⁶² Алборов Б. Первая печатная осетинская книга (Причины появления, содержание, автор, язык) // Известия Горского Педагогического Института. Владикавказ, 1929. Т. V. С. 162; Алборов Б. А. Новое в истории изучения первой осетинской печатной книги 1798 г. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1964. Т. XXIV. Вып. I. С. 132; Автобиография Б. А. Алборова (материалы) // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2007. № 6. С. 24.

¹⁶³ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10. Л. 7, 13, 18 об., 21 об.; Д. 12. Л. 19, 25, 47.

¹⁶⁴ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 12. Л. 27, 29, 35.

¹⁶⁵ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 12. Л. 56.

¹⁶⁶ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 16. Л. 11, 15 об., 19.

¹⁶⁷ Dzasarbeg. Iron ævzadžy dzyrduat // Ræstdzinad. 1 April. 1926 az. № 23 (140). F. 1.

¹⁶⁸ Дзагуров Д. А. Северо-Осетинская Автономная Область (Из деятельности Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения за три года существования 1925-1928 г.) // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1-2. С. 125.

¹⁶⁹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 22.

¹⁷⁰ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10. Л. 57; ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 8. Л. 127, 128; Д. 78. Л. 8 об.

¹⁷¹ ЦК РКП (б) — ВКП (б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918-1933 гг. М., 2005. С. 549-550.

¹⁷² ЦГА РСО-А. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 178. Л. 128-129.

¹⁷³ НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 67. Л. 6-10.

¹⁷⁴ Калоев Б. А. Из дневника кавказоведа. I. Начало пути // ЭО. 2000. № 4. С. 132; Калоев Б. А. Записки кавказоведа. Владикавказ, 2002. С. 37, 149-150.

¹⁷⁵ Домашний архив А. Д. Туаллагова.

¹⁷⁶ Абаев В. И. Светоч народа // Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. С. 558-559.

¹⁷⁷ Калоев Б. А. Василий Иванович Абаев и вопросы этнографии в его трудах. М., 2001. С. 111, 141.

¹⁷⁸ НА СОИГСИ. Ф. Абаева В. И. Оп. 1. Д. 87. Л. 6.

¹⁷⁹ НА СОИГСИ. Ф. Абаева В. И. Оп. 1. Д. 88.

- ¹⁸⁰ НА СОИГСИ. Ф. Абаева В. И. Оп. 1. Д. 50.
- ¹⁸¹ Домашний архив А. Д. Туаллагова.
- ¹⁸² Абаев И. Амбалов Цоцко // Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 1. Стб. 110-111.
- ¹⁸³ Дзагуров Губади. Осетинская литература // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 8. Стб. 328, 331.
- ¹⁸⁴ Домашний архив А. Д. Туаллагова; НА СОИГСИ. Ф. 10 (лит.). Оп. 1. Д. 3, 4, 5.
- ¹⁸⁵ Домашний архив А. Д. Туаллагова; НА СОИГСИ. Ф. 10 (лит.). Оп. 1. Д. 1.
- ¹⁸⁶ Кокиев Г. А. Осетины во II половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940. С. 5.
- ¹⁸⁷ Домашний архив А. Д. Туаллагова.
- ¹⁸⁸ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.
- ¹⁸⁹ НА СОИГСИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 51.
- ¹⁹⁰ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.
- ¹⁹¹ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 43. Л. 33-34.
- ¹⁹² НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 43.
- ¹⁹³ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 46. Л. 31.
- ¹⁹⁴ Туаллагов А. Д. Приговоренные к бессмертию. Владикавказ, 1993. С. 335.
- ¹⁹⁵ Абаев Вассо. Знаток и ясновидец // Махарбек Туганов. К 105-летию со дня рождения. Цхинвали, 1986. С. 65.
- ¹⁹⁶ Домашний архив А. Д. Туаллагова.
- ¹⁹⁷ Домашний архив А. Д. Туаллагова.
- ¹⁹⁸ НА СОИГСИ. Ф. Абаева В. И. Оп. 1. Д. 55.
- ¹⁹⁹ НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. 1. Д. 67. Л. 19-20.
- ²⁰⁰ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 490. Л. 15, 18.
- ²⁰¹ Неизвестные страницы воспоминаний о Коста // Фыдыбæстæ. Ноябрь-декабрь 1998 г. № 7 (56). С. 4.
- ²⁰² Zændžaty В. Kuyd bazongæ dæn Kostajy tyxxæj (mysinægtæ) // Мах Дуг. 1935. Marthi-April, 3-4. F. 42.
- ²⁰³ НА СОИГСИ. Ф. 16 (лит.). Оп. 1. Д. 153; Джусойты Нафи. Цомак Гадиев. Очерк жизни и творчества. Орджоникидзе, 1965. С. 109-111.
- ²⁰⁴ НА СОИГСИ. Ф. 11 (лит.). Оп. 1. Д. 84. Л. 503-506.
- ²⁰⁵ Алборов Б. А. Правда об Осетинском Историко-Филологическом Обществе // Историко-филологический архив. Владикавказ,

2007. № 6. С. 94; Он счастья не знал... Коста 150 лет. Владикавказ, 2009. С. 182-184.

²⁰⁶ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 208. Л. 13 об.–15.

²⁰⁷ НА СОИГСИ. Ф. 11 (лит.). Оп. 1. Д. 35, 36; Ф. Хадарцевой А. А. Оп. 1. Д. 36. Л. 89.

²⁰⁸ Домашний архив А. Д. Туаллагова.

²⁰⁹ Домашний архив А. Д. Туаллагова.

²¹⁰ Домашний архив А. Д. Туаллагова.

²¹¹ НА СОИГСИ. Ф. 10 (лит.). Оп. 1. Д. 23.

²¹² НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.

²¹³ Конференция по языковому строительству // Пролетарий Осетии. 11 июля 1936 г. № 157 (897). С. 4.

²¹⁴ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 208. Л. 12-13.

²¹⁵ Домашний архив А. Д. Туаллагова.

²¹⁶ Домашний архив А. Д. Туаллагова.

²¹⁷ Домашний архив А. Д. Туаллагова.

²¹⁸ Магкаев П. Знать всю правду // Социалистическая Осетия. 1 апреля 1989 г. № 76 (20241). С. 3.

²¹⁹ Абаев В. И. Всеволод Ф. Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь. Под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана. Т. I-II. Л., издательство Академии Наук, 1927-1929 // Язык и мышление. Л., 1934. Т. II. С. 169-173; Гуыриаты Тамерлан. Ёвзгазгонынады фарстатæ ЦИЗИ/ЦИГИИ-йы // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ, 1995. Ф. 46-48; Гуыриаты Тамерлан. Рæзты фæндагыл // 80 лет служения отечественной науке. Владикавказ, 2005. Ф. 86-88.

²²⁰ Калинин С. Б. Формирование и развитие научного пространства в республиках Северного Кавказа и Ставрополя: Дисс. ... докт. ист. наук. 07.00.02. Ставрополь, 2006. С. 330-336.

²²¹ Тотоев Ф. В. Историческое осетиноведение и СОИГСИ // 80 лет служения отечественной науке. Владикавказ, 2005. С. 16-17; К. Егоров. Порочная книга // Социалистическая Осетия. 2 апреля 1949 г. № 65 (4479). С. 4; Историко-филологический архив. Владикавказ, 2007. № 6. С. 110; Цориева И. Т. Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии (вторая половина 1940-х — первая половина 1980-х гг.). Владикавказ, 2012. С. 201; НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 13. Л. 8-9.

²²² Генко Г. А. Н. Генко — заключенный (<http://www.nplg.gov.ge/ca>)

ucasia/caucasology/Rus/2004/№5/Summary/7.htm).

²²³ Дзесов Кудзаг. Рубцы на сердце // Дарьял. 1991. № 1. С. 20.

²²⁴ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 208. Л. 8 об., 22 об.–23; Сабаев С.Б. Литературно-критические статьи. Владикавказ, 1996. С.30-60.

²²⁵ НА СОИГСИ. Ф. 28 (лит.). Оп. 1. Д. 7. Л. 5, 6, 13-17, 20.

²²⁶ Суменова Замира. Г.М. Цаголов (1871-1939) // Цаголов Г.М. Собрание сочинений: В 3-х т. Владикавказ, 1992. Т. I. Стихотворения. Рассказы. Очерки. Зарисовки. С. 13-14.

²²⁷ Туаллагов А. Д. Приговоренные к бессмертию. Владикавказ, 1993. С. 6-102.

²²⁸ НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Гр.А. Оп. 1. Д. 67 «а». Л. 51.

²²⁹ Туаллагов А. Д. Приговоренные к бессмертию. Владикавказ, 1993. С. 392-393.

²³⁰ Уголовное дело № 3497.

²³¹ Домашний архив А. Д. Туаллагова.

²³² Уголовное дело № 3479.

²³³ Уголовное дело № Р 7884-57.

²³⁴ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 10. Л. 28, 29, 36; Ф. 13. Оп. 1. Д. 12. Л. 37, 38, 43, 45.

²³⁵ Мах дуг. 2010. № 8. С. 104-105.

²³⁶ Домашний архив А. Д. Туаллагова.

²³⁷ Калоев Б. А. Из дневника кавказоведа. I. Начало пути // ЭО. 2000. № 4. С. 132; Калоев Б. А. Записки кавказоведа. Владикавказ, 2002. С. 36-37, 149-151.

²³⁸ В столице Северной Осетии состоялась акция «Памяти скорби и печали» // Кавказский Узел (http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/126439/?full_page=true).

²³⁹ Альбац Евгения. Мина замедленного действия (Политический портрет КГБ). М., 1992. С. 112-113.

²⁴⁰ НА СОИГСИ. Ф. Абаева В. И. Оп. 1. Д. 55.

ПУБЛИКАЦИИ, КАСАЮЩИЕСЯ ВОПРОСОВ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Ц. Б. АМБАЛОВА

Цаголов Г. Интеллигенция и деревня // Казбекъ. 24 мая 1902 г. № 1601.

Личный состав Кавказского Учебного Округа к 1 января 1902 [без выходящих данных].

Їнаг. Цв фæрæдвд «Ног Цард»? // Ног Цард. Сентиабурв 6-м бон, 1907 аз. № 50.

Сидæйнаг. Цæгатв Ир æмæ «Зонд» // Ног Цард. Октябурв 11-м бон, 1907 аз. № 60.

Дзæўджв-гаўгкаг. «Ног Цард» тох Цæгатв Ирима» // Ног Цард. Ноиабурв 8-м бон, 1907 аз. № 67.

Бахтæјв фурт. Ирон литература // Хабар. 24 февраль 1909 г. № 1.

Терский календарь на 1913 год. Владикавказ, 1912. Вып. 12.

Отчет Правления Владикавказского Осетинского издательского О-ва «Ир» за 1912 г. Владикавказ, 1913.

Труды I-го Всеосетинского Учительского Съезда, состоявшегося в г. Владикавказе с 10 по 16 июля 1917 года. Типография Союза Объедин. Горцев.

Д. Новая книжка на осетинском языке // Терские ведомости. 23 августа 1915 г. № 181.

Гаппо. Ирон библиография // Ног Цард. 26 сен. 1920 аз. № 12.

Кўрдалæгон. Амбалтв Цоцко // Ног Цард. 3 окт. 1920 аз. № 13.

Цомак. Первая осетинская газета. (По личным воспоминаниям) // Горский вестник. 1924. № 2.

Переиздано:

Гæдиаты Ц. Уацмыстæ. Орджоникидзе, 1959. Ф. 390-394; Первая осетинская газета (По личным воспоминаниям) // Фыдыбæстæ, ноябрь 1996 г. № 6 (43); Цомахъ. Ирон фыццаг газет. Мæ мысинагтæм гæсгæ // Рæстдзинад. 31 январь 2008 азы. № 10 (22101). Ф. 3.

Цомаг. «Вилгелм Телл» Силлер Фридрих вуст. Раивта јæ Цоцко Амбалтв. Джиппв јæ рауафта Гутнатв Елбвздврц // Рæстдзинад. 2 Иун 1924 аз. № 8 (34).

Иунаг. Библиографи // Хурзæрин. 1924 аз. № 2.

Переиздано:

Коцойты А. Уацмыстæ. Прозæ. Пьесæтæ. Поэзи. Публицистика.

Орджоникидзе, 1982.

Знауr Алхазтv. Ирон Иcтopикo-Филологон Кордv кўст // Рæстдзi-над. 7 мартi 1924 аз. № 4 (30).

Учредительный съезд Горских Краеведческих Организаций Кавказа. Махач-Кала, 1924.

Учредительный Съезд Северо-Кавказской Горской Краеведческой Ассоциации // Краеведение на Кавказе. 1924. № 1.

Бекоев Г. Осетинское Историко-Филологическое Общество (Первое научное учреждение среди горцев) // Краеведение на Кавказе. 1924. № 1.

А. Т. Æmbalты Соцко // Xurzærin, 15 июнь 1925 г. № 18.

Переиздано:

Тыбылты Алыксандр. Рæвзаргæ уацмыстæ. Ирон æвзаг æмæ литературайы фарстыты фæдыл. Цхинвал, 1964; Тыбылты Алыксандр. Уацмысты æмбырдгонд. Цхинвал, 1988; Тыбылты Алыксандр. Æмбалты Цоцко // Мах дуг. 2006. № 5; Тыбылты Алыксандр. Æмбалты Цоцко // Æмбалты Цоцко. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

Отчеты о деятельности Осетинского Историко-Филологического Общества за все время его существования (28 апр. 1919-1 мар. 1925 г.) // Известия Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения. Владикавказ, июнь 1925. Вып. I.

Переиздано:

Отчеты о деятельности Осетинского Историко-Филологического Общества за все время его существования (28 апр. 1919-1 мар. 1925 г.) // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2007. Вып. I (40).

Цаголов Г. М. К вопросу об осетинском стихосложении // ИОНИИК. Владикавказ, июнь 1925. Вып. I.

Г. Б. V. G. Korolenko. Makhary fun. Ćinyg rajvæg Æmbalты Соцко. Berlin 1925 аз // ИОНИИК. Владикавказ, июнь 1925. Вып. I.

Переиздано:

Бекоев Георгий. Литературно-критические статьи. Цхинвали, 1982.

Гадиев Ц. Прекрасное начало. К переводу «Вильгельма Телля» на осетинский язык // Горский вестник. 1924. № 2.

Переиздано:

Гадиев Ц. «Вильгельм Телль» Фр. Шиллера. Перевод с русского на осетинский Цоцко Амбалова. Изд. Е. А. Гутнова. Берлин, 1924 г. // ИОНИИК. Владикавказ, июнь 1925. Вып. I.

Цомак. Первая осетинская газета. (По личным воспоминаниям) // Горский вестник. 1924. № 2.

М. Dz. Korolenko. — «Makhary fyn» Æmbalты Cockojo yvd. Gutnaty E. rauahd. Berlin 1925 az. 46 farsy. Arh somyrdtæg // Ziu. Iron aiv literæтуры æтæ æxsæny cardy æmbyrdgond. Fyddzag çinyg. Mæsku, 1925.

Гулуев Андрей. Г. Коцоев. «Radzyrdтæ» (Рассказы). Цхинвал, 1924 г., стр. 80. Изд. Наркомпроса Юго-Осетии // ИОНИИК. Владикавказ, июнь 1925. Вып. I.

Dzasarbeg. Iron ævzadzы dzyrduat // Ræstdzinad. 1 April. 1926 az. № 23 (140).

Бекоев Г. Наши молодые силы. О первом номере литературно-художественного сборника «Ziu» // ИОНИИК. Владикавказ, 1926. Вып. II.

Переиздано:

Бекоев Георгий. Литературно-критические статьи. Цхинвали, 1982.

Бекоев Г. Цоцко Амбалов, как собиратель памятников осетинского народного творчества // Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1928. Вып. 3.

Переиздано:

Бекоев Георгий. Литературно-критические статьи. Цхинвали, 1982; Цоцко Амбалов как собиратель памятников осетинского народного творчества // Æмбалты Цоцко. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

Дзагуров Д. А. Северо-Осетинская Автономная Область (Из деятельности Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения за три года существования 1925-1928 г.) // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1-2.

Абаев И. Амбалов Цоцко // Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 1.

Гадиев Ц. Осетинские газеты (Библиографическая заметка) // Сборник Научного Общества Этнографии, Языка и Литературы при Горском Педагогическом Институте. Владикавказ, 1929. Т. I.

Переиздано:

Гадиев Ц. Осетинские газеты (Библиографические заметки). Владикавказ, 1929.

Xronika // Bolševikon Aivad. 27 Dekabr 1932 az.

Дзагуров Губади. Осетинская литература // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 8.

Косоjты Арсен. Хетæгкаты Костажы тыххæј (Mysinægtæ) // Мах Дуг. 1935. Marthi-Apræl, 3-4.

K. S. Paddzahady Стур Кусæг æмæ Архæудтæгæнæг — Колоту Заурæг // Мах Дуг. 1935. Маж-Иун, 5-6.

Конференция по языковому строительству // Пролетарий Осетии. 11 июля 1936 г. № 157 (897).

Коста Хетагуров. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1961. Т. V.

Хъазбегты Хъазбек. Æмбалты Цоцко // Рæстдзинад. 7 май 1963 азы. № 90.

Джусойты Нафи. Елбасдуко Бритаев (Очерк жизни и творчества). Цхинвали, 1963.

Хачиров А. Формирование осетинской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964.

Созаев Т. В. Об отдельных моментах работы партии «Кермен» // Гражданская война в Северной Осетии. По воспоминаниям участников. К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Орджоникидзе, 1965.

Переиздано:

Созайты Тарас. «Кермены» партийы куысты тыххæј цыбыр мысынæгтæ // Мах дуг. 1966. № 11.

Джусойты Нафи. Цомак Гадиев. Очерк жизни и творчества. Орджоникидзе, 1965.

Зангиев Х. М. Ардонская семинария. Орджоникидзе, 1965.

Гулуты Андрей. Цæголаты Георги (Мæ мысынæгтæй) // Мах дуг. 1966. № 11.

Переиздано:

Гулуты Андрей. Мæ мысынæгтæй. Орджоникидзе, 1976.

Хоруев Ю. В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Терек (1863-1917 гг.). Орджоникидзе, 1966.

Зангиев Д. В. К истории книгоиздания в Северной Осетии // ИСОНИИ. 1966. Т. XXVI (литература).

Цабаты Васо. Фыццаг ирон газет (Йæ рацыды 60 азы бонмæ) // Мах дуг. 1966. № 9.

Ханыкъаты Уалгъа. Фыстæг мæ кæстæрмæ // Мах дуг. 1968. № 2.

Переиздано:

Хæныкъаты Уæлгъа. Фыстæг мæ кæстæрма (Скъуыддзаг) // Мах дуг. 2010. № 8; Хæныкъаты Уæлгъа. Фыстæг мæ кæстæрма // Æмбалты Цоцко. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

Хорувæ Ю. В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971.

Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973.

Лавров А. Цоцкоимæ фембæлдтытæ // Рæстдзинад, 5 январь 1974 азы. № 4 (13641).

Бекъойты Гиуарги. Малиты Гиуарги — «Горские мотивы». Берлин, 1924 аз. Гулуты Андрей — «В ночи бессонные». Берлин, 1923 аз. Æмбалты Цоцкъо. «Нарты Хæмыцы фырт Батрадзы таурагътæ». Берлин, 1924 аз // Фидиуæг. 1976. № 1.

Переиздано:

Бекоев Георгий. Литературно-критические статьи. Цхинвали, 1982; Берлины Гутнаты Елбыздыхъойы уагъд ирон фысджыты чингъытæ // Æмбалты Цоцко. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

Семенов А. П. Лермонтов у европейских и восточных народов // Проблемы литературы и эстетики. Сборник статей, посвященный памяти профессора А. П. Семенова. Орджоникидзе, 1976.

Тотоев Ф. В., Бекузаров Х. Х. Путь в полвека // ИСКНЦВШ. Общественные науки. 1976. № 1.

Хъуылаты Валодя. Æмбалты Цоцко // Мах дуг. 1976. № 10.

Æмбалты Додтан. Хорз лæг адæмæн æхсæны у (Мæ мысынæгтæ Цоцкойы тыххæй) // Мах дуг. 1978. № 1.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и Осетинах. Цхинвали, 1978. Т. I.

Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.

Кусов Г. И. Вокруг Коста. Орджоникидзе, 1979.

Æмбалты Додтан. Ног хъæуицау // Мах дуг. 1980. № 7.

Революция 1905-1907 гг. на Тереке: Документы и материалы. Орджоникидзе, 1980. Т. 1.

Хъуылаты Валодя. Рухстауæг. Æмбалты Цоцкойы райгуырдыл сæххæст 110 азы // Рæстдзинад. 31 октябрь 1981 азы. № 208 (15572).

Переиздано:

Хъуылаты Валодя. Рухстауæг. Æмбалты Цоцкойы райгуырдыл

сæххæст 110 азы // Путь к коммунизму (Коммунизмæ фæндаг). 26 ноября 1981 г. № 142 (5782).

Æмбалты Додтан. Рынчынфæрсæг Къостамаæ // Мах дуг. 1982. № 5.

Переиздано:

Æмбалты Д. Рынчынфæрсæг Къостамаæ // Путь к коммунизму (Коммунизмæ фæндаг). 14 ноября 1982 г. № 124 (5800).

Бритъиаты Елбыздыхъо. Уацмыстæ. 2-аг т. Прозæ. Драмон этюдтæ. Публицистикæ. Фыстæджытæ. Орджоникидзе, 1982.

Æмбалты Додтан. Æнустæм цæрæццаг // Мах дуг. 1983. № 3.

Дзаттиаты Г. П. Александр Тибалов и вопросы осетинской литературной критики (историко-филологическое исследование). Цхинвали, 1985.

Баситы М. Дыууæ фембæлды хуры тынтимæ // Мах дуг. 1986. № 1.

Абаев Вассо. Знаток и ясновидец // Махарбек Туганов. К 105-летию со дня рождения. Цхинвали, 1986.

Туганов Энвер. О близких друзьях отца // Махарбек Туганов. К 105-летию со дня рождения. Цхинвали, 1986.

Революция 1905-1907 гг. на Тереке: Документы и материалы. Орджоникидзе, 1986. Т. 2.

Æмбалты Додтан, Хъуылаты Валодя. Зæрдæйы цæхæр // Мах дуг. 1987. № 8.

Хъуылаты В. Йæ уарзон хæларттæ // Рæстдзинад. 10 октябрь 1989 азы. № 194 (17623).

Переиздано:

Хъуылаты Владимир. Йæ уарзон хæларттæ // Æмбалты Цоцко. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

Магкаев П. Знать всю правду // Социалистическая Осетия. 1 апреля 1989 г. № 76 (20241).

Дзесты Куыдзæг. Зæрдæйы ностæ // Мах дуг. 1989. №№ 1, 2, 4.

Переиздано:

Дзесов Кудзаг. Рубцы на сердце // Дарьял. 1991. №№ 1, 2; Дзесты Куыдзæг. Зæрдæйы ностæ: Мысинæгтæ. Дзæуджыхъæу, 2001.

Абаев В. И. Светоч народа // Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.

Тыджыты Юрий. Ирыстоны стъалытæ // Рæстдзинад. 20 сентябрь 1991 азы. № 184 (18114).

Цæллагты Владимир. Цалдæр ныхасы Цоцкойы тыххæй // Æмбалты Цоцко. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу, 1991.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Владикавказ, 1991. Т. V.

Альбац Евгения. Мина замедленного действия (Политический портрет КГБ). М., 1992.

Нафи. Ирон аив дзырды фæдисон // Рæстдзинад. 7 июль 1992 азы. № 130 (18308).

Переиздано:

Нафи. Ирон аив дзырды фæдисон // Æмбалты Цоцко. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

Хъуылаты Хъазыбег. Æмбалты Цоцко æмæ йæ бинонтæ // Рухс (Свет). 18 июля 1992 г. № 86.

Кцоева Л. А. Чашка Дзыбына Газданова // Северная Осетия. 9 сентября 1994 г. № 169 (21724).

Бидихова Ф. Выбросили на улицу... память // Фыдыбæстæ. Август 1995 г. № 4 (35).

Хъаныхъуаты Савели. Рагон къамтæ дзурынц // Рæстдзинад. 11 апрель 1996 азы. № 69 (19251).

Баскаты Тамарæ. Æмбалты Цоцкойы тыххæй мæ мысинагтæ // Рæстдзинад. 18 декабрь 1996 азы. № 240 (19422).

Переиздано:

Баскаты Тамарæ. Æмбалты Цоцкойы тыххæй мæ мысинагтæ // Рухс (Свет), от 27 сентября 2005 г. № 112 (9670).

Кочисов В. К. Актуальные вопросы развития образования и педагогической мысли Осетии: история, теория, практика. Владикавказ, 1997.

Антология педагогической мысли Северной Осетии. Владикавказ, 1993.

Кцоева Л. Мне посчастливилось знать Цоцко // Северная Осетия. 26 февраля 1998 г. № 37 (22593).

Переиздано:

Кцоева Л. Мне посчастливилось знать Цоцко // Æмбалты Цоцко. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

Неизвестные страницы воспоминаний о Коста // Фыдыбæстæ. Ноябрь-декабрь 1998 г. № 7 (56).

Таказов В. Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (вторая половина XIX-начало XX вв.). СПб., 1998.

Джыккайтты Шамил. Разагъды лэгтæ: Сфæлдыстадон сурæттæ: Арсен. Елбыздыхъо. Цомахъ. Гино. Гаппо. Дзæуджыхъæу, 1999.

Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.

Калоев Б. А. Из дневника кавказоведа. I. Начало пути // ЭО. 2000. № 4.

Æмбалты Цоцкойы фыстæджытæ // Мах дуг. 2000. № 4.

Цоцкойы сфæлдыстадон бынтæй // Мах дуг. 2000. № 11-12.

Дзагуров Губади. Слово об авторитетнейшем из осетин — Цоцко Амбалове // Фыдыбæстæ. Февраль 2001. № 1 (69).

Гаглойти Ю. С. О происхождении термина нарт // Дарьял. 2001. № 3.

Брытъиаты Елбыздыхъо. Фотоальбом. Дзæуджыхъæу, 2001.

Калоев Б. А. Василий Иванович Абаев и вопросы этнографии в его трудах. М., 2001.

Калоев Б. А. Записки кавказоведа. Владикавказ, 2002.

Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2002.

Тройка НКВД штамповала судьбы людей в двух измерениях: «расстрелять», «десять лет лишения свободы» // Фыдыбæстæ. Январь 2003 г. № 1 (72).

Хъуылаты Райæ. Мысинæгтæ Æмбалты Цоцкойы цардæй // Рухс (Свет). 11 февраля 2003 г. № 17 (9270).

Джыккайтты Шамил. Ирон литературæйы истори (1917-1956 азтæ). Дзæуджыхъæу, 2003.

Бутаев К. С. Избранное. Владикавказ, 2003.

Лазарты Эльза. Цоцкойы номарæн изæр // Рухс (Свет). 1 ноября 2005 г. № 127 (9685).

Окс Любовь. «Человек в целое ущелье» // Рухс (Свет). 8 декабря 2005 г. № 143 (9701).

Баскаев Вадим. Они — безвинно-убиенные набатом напоминают о времени и о себе // Фыдыбæстæ. Декабрь 2005 г. № 5 (87).

Переиздано:

Баскаев Вадим. Они — безвинно-убиенные набатом напоминают о времени и о себе // Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Владикавказ, 2012. Т. 4. С. 265-267.

Частично переиздано:

Нæхæдæг нæхицæн — знаг // Мах дуг. 2006. № 2.

Цгъойты Хазби. Ирон адамæн лæггад кæнынаы нæ бафсæст // Рæстдзинад. 5 июль 2006 азы. № 126 (21716).

Переиздано:

Цгъойты Хазби. Ирон адамæн лæггад кæнынаы нæ бафсæст // Рухс (Свет). 14 сентябрь 2006 г. № 125 (9835).

Соттиты Римма. Мæсыгамайæг // Рæстдзинад. 5 июль 2006 азы. № 126 (21716).

Переиздано:

Соттиты Римма. Мæсыгамайæг // Рухс (Свет). 14 сентябрь 2006 г. № 125 (9835). Ф. 2; 19 сентябрь 2006 г. № 127 (9837).

Сотиева Р. Цоцко Амбалов. Воин духа, воин света // Цара (Жизнь), ноябрь 2006 г. № 3.

Переиздано:

Сотиева Р. Воин духа, воин света // Æмбалты Цоцко. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

Гасиева Изабелла. Сегодня исполняется 136 лет со дня рождения Цоцко Амбалова // Рухс (Свет). 17 октября 2006 г. № 139 (9849).

«Жизнь Цоцко — потомкам в пример» // Рухс (Свет). 17 октября 2006 г. № 139 (9849).

Æмбалты Цоцко. Дыууæ аргъауы // Мах дуг. 2006. № 5.

Дзалаева К. Р. Социокультурная адаптация владикавказских осетин (вторая половина XIX-начало XX вв.) // Б. А. Калоев и проблемы современного кавказоведения. Владикавказ, 2006.

Лолаева М. Ю. Роль просветителя Ц. Амбалова в развитии народного образования в Осетии // Теория и практика обучения и воспитания. Владикавказ, 2007. Вып. VII.

Цаликов Хаирбек. Полуправдой жить нельзя! Пора одуматься! // Фыдыбæстæ. Декабрь 2007 г. № 3 (93).

Переиздано:

Цаликов Хаирбек. Полуправдой жить нельзя! Пора одуматься! // Æмбалты Цоцко. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

Алборов Б. А. Правда об Осетинском Историко-Филологическом Обществе // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2007. № 6.

Из протоколов Историко-Филологического Общества и Института Краеведения // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2007. № 6.

Этуды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов.

Нальчик, 2007.

Канукова З. В. Женское пространство в пореформенной Осетии // Кавказский сборник. 2008. Т. № 5 (37).

Цзгойты Хазби. Йæ адæмæн лæггад кæнынаы нæ бафсæст // Рæстдзинад. 2 февраль 2008 азы. № 18 (22103).

Мæргъиты Алана. Арыдоны парк уыдоны фидауы // Рæстдзинад. 11 декабрь 2008 азы. № 231 (22316).

Лолаева М. Ю. Переводческая деятельность просветителя и педагога Ц. Амбалова // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества (Материалы II Международной научной конференции). Владикавказ, 2008.

Лолаева М. Ю. Роль осетинского просветителя Ц. Амбалова в систематизации и сохранении памятников народного творчества для воспитания будущих поколений // Вестник Костромского государственного университета им. Н. Некрасова. Кострома, 2009. № 1.

Лолаева М. Ю. Участие осетинского просветителя Ц. Амбалова в организации выпуска первых печатных изданий на национальном языке и их роль в формировании нового типа мышления // Теоретические и прикладные аспекты личностно-профессионального развития: Материалы II межрегиональной научно-практической конференции (Современные технологии обучения). Владикавказ, 2009. Вып. 9.

Лолаева М. Ю. Педагогическая деятельность известного осетинского просветителя и писателя Ц. Амбалова // Вестник СОГУ. Владикавказ, 2009. № 4.

Он счастья не знал... Коста 150 лет. Владикавказ, 2009.

Гасиева Изабелла. Его жизнь — пример для молодежи // Рухс (Свет). 3 декабря 2009 г. № 137 (10307).

Сакъити Эльбрус. Фарна нæмæ æрбацуы, фарна, Иристони дзиддитæ!.. // Дигора. 30 сентябрь 2009 анзи. № 26 (480); 12 октябрь 2009 анзи. № 27 (481).

Цоцкойы аргæуттæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

Æмбалты Цоцко. Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

Коста. Вы так мне дороги... Владикавказ, 2009.

Окс Любовь. Дом Цоцко Амбалова // Рухс (Свет). 13 июля 2010 г. № 76 (10385).

Рухс (Свет). 2 октября 2010 г. № 111 (10420).

Гасиева Изабелла. Цоцко Амбалов // Рухс (Свет). 16 октября 2010 г. № 117 (10426).

Леков М. Храпу в сердце воспоминания // Рухс (Свет). 19 октября 2010 г. № 118 (10427).

Байбародова Татьяна, Маргиева Алана. «Человек в целом ущелье...» // Рухс (Свет). 26 октября 2010 г. № 121 (10430).

Эмбалты Цоцко: 140 азы // Мах дуг. 2010. № 8.

Хьодзаты Эхсар. Сэгъ нын нæ чыныг куы бахæра // Мах дуг. 2010. № 8.

Мах дуг. 2010. № 11-12.

Лолаева М. Ю. Научно-просветительская и педагогическая деятельность Ц. Амбалова: Дисс. ... канд. пед. наук. 13.00.01. Владикавказ, 2010.

Хуадонты Фатимæ. Дыууæ ныхасы Мамытты Стефаны тыххæй // Мах дуг. 2007. № 6.

Переиздано:

Хадонова Ф. Х. О просветителе протоиерее Стефане Мамитове // Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42).

Калоев Б. А. Осетины Восточной Осетии и районов Грузии. М., 2012.

Дзалаева К. Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX-начало XX вв.). Владикавказ, 2012.

Эмбалты Цоцко (1870-1937) // Мах дуг. 2012. №12.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ — Вопросы истории

ИОНИИК — Известия Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения

ИСКНЦВШ — Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы

ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института

НА СОИГСИ — Научный архив ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А

ЦГА РСО-А — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания

ЭО — Этнографическое обозрение

Туаллагов Ахсар Дагкаевич, Туаллагов Алан Ахсарович

**ЦОЦКО БИЦОЕВИЧ АМБАЛОВ
(историко-биографический очерк)**

Книга издана в авторской редакции.

Технический редактор Цопанова А.Ю.

Оформление Макарова Е.Н.

Компьютерная верстка Маслов Е.Н.

Сдано в набор 16.11.2012. Подписано в печать 12.12.2012.

Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Бум.офс.

Гарнитура шрифта “Агпо”. Печать цифровая.

Усл. п. л. 15,72 Уч-изд. л. 14,91. Тираж 100. Заказ № 191.

ИПО СОИГСИ им. В.И.Абаева
362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10.

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362000, г.Владикавказ, пер. Павловский, 3.